

Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия
имени Д.С.Лихачева

КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Теоретическая культурология
Историческая культурология
Прикладная культурология
Гуманитарные исследования
Рецензии и экспертизы
Научная жизнь

2025/2

JOURNAL
OF CULTURAL RESEARCH

ISSN 2222-2480

Адрес номера на сайте журнала: http://cr-journal.ru/rus/journals/&j_id=64

Сетевое научное рецензируемое издание. Основано в 2010 г.
Выходит 4 раза в год только в электронном виде.

Сайт журнала:

<http://cr-journal.ru>

Учредитель / Издатель:

2010-2014 - Российский институт культурологии
с 2014 - Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва
(Институт Наследия)

Государственная регистрация:

Эл. № ФС 77-59205 от 3 сентября 2014 г.

Входит в перечень научных журналов ВАК (19.12.2023 г.)

Редакционная коллегия:

Окороков Александр Васильевич, главный редактор – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Азошков Андрей Валерьевич – к.филос.н., журнал «Вопросы культурологии»
Бахревский Евгений Владиславович – к.филол.н., атташе Посольства РФ в Турецкой Республике (Анкара)
Беликов Владимир Иванович – д.филол.н., МГУ им. М.В.Ломоносова
Бондарь Виталий Вячеславович – к.и.н., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Горбунова Татьяна Александровна – к.и.н., ОмГУ им. Ф.М.Достоевского (Омск)
Горлова Ирина Ивановна – д. филос.н., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Гринько Иван Александрович – д.и.н., Мос. гор. пед. ун-т
Дерябина Елена Дмитриевна – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Житенёв Владислав Сергеевич – д.и.н., МГУ им. М.В.Ломоносова
Ильина Ирина Евгеньевна – д.э.н., Рос. НИИ экономики, политики и права в научно-технической сфере
Ипполитов Сергей Сергеевич – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Казакова Ольга Владимировна – к. искусствовед., НИИ теории и истории архитектуры и градостроительства РААСН
Козлов Владимир Фотиевич – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Кокшенёва Капитолина Антоновна – д.филол.н., к. искусств., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Корниенко Наталья Васильевна – д.филол.н., ИМЛИ им. М.Горького РАН
Корусенко Михаил Андреевич – к.и.н., ИАЭ СО РАН (Омск)
Костина Анна Владимировна – д.филос.н., д. культурол., Мос. гум. ун-т
Ларионцев Михаил Михайлович – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Лубков Алексей Владимирович – д.и.н., МГПУ
Макарова Анастасия Сергеевна – к. культурол., ГосНИИР
Маркова Оксана Николаевна – к. культурол., ЮФ Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Медникова Мария Борисовна – д.и.н., ИА РАН
Назарова Наталья Вадимовна – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Никлаус Анна Александровна – к.полит.н., Акад. МНЭПУ (Москва)
Ницевич Виктор Францевич – д.полит.н., Мос. гор. пед. ун-т
Пархоменко Татьяна Александровна – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Писарева Светлана Алексеевна – к. культурол., ГосНИИР
Поляков Тарас Пантелеймонович – к.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Путрик Юрий Степанович – д.и.н., к.геогр.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Пушкарёва Наталья Львовна – д.и.н., ИЭА РАН
Релина Лорина Петровна – д.и.н., РГГУ
Рыбак Кирилл Евгеньевич – д. культурол., асс.н.с. Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Спивак Дмитрий Леонидович – д.филол.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Филиппов Юрий Владимирович – д.пед.н., НГИИМЗ (Ниж. Новгород)
Флиер Андрей Яковлевич – д.филос.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Цветкова Галина Александровна – к. культурол., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Черняховская Юлия Сергеевна – д.полит.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Черняховский Сергей Феликсович – д.полит.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Шмидт Ирина Викторовна – к.и.н., ОмГУ им. Ф.М.Достоевского (Омск)
Юренева Тамара Юрьевна – д.и.н., Рос. НИИ культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачёва
Юрьева Татьяна Владимировна – д. культурол., ЯрГПУ им. К.Д.Ушинского (Ярославль)

Адрес редакции:

Россия 129366, Москва, ул. Космонавтов, д. 2
Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва,
Редакционно-издательский отдел
Электронная почта: journals@heritage-institute.ru

© Институт Наследия, 2025

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

При полном или частичном использовании материалов ссылка на cr-journal.ru обязательна.

Содержание

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Тхагапсоев Х.Г., Леонов И.В.

Идентичность как мера культуры и методологическая категория культурологии

4

ИСТОРИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Майоров А.А.

К вопросу о классификации различных потоков христианских паломников в Святую Землю во второй половине XIX в.

13

Наумов Ю.М.

К вопросу историко-навигационных экспериментов на кочах МАКЭ и клуба «Полярный Одиссей»

18

Пряхин Ю.В.

Роль правоохранительных органов в воинском воспитании военнослужащих русской армии в период военных реформ (1855-1914 гг.)

27

Степанова Е.Е.

«Если хочешь как следует разгромить противника, надо как следует его знать»: специальная пропаганда на финскую армию в 1939–1944 гг.

39

Филин П.А.

1525 год: Дмитрий Герасимов и зарождение идеи пути в Китай северными морями

47

ПРИКЛАДНАЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Давиденко Е.А.

Социокультурные факторы развития современной российской корпоративной культуры

54

Ипполитов С.С.

Искусственный интеллект Республики Казахстан через призму суверенности: к проблеме цифрового интервенционизма

61

Макухина А.В.

Социальные сети как драйвер формирования человеческого капитала

70

Плещенко В.И.

Фильм «Зигзаг удачи» как художественное отражение роли и места денег в жизни советского обывателя

77

МУЗЕЕВЕДЕНИЕ

Бычкова О.И.

Развитие потенциала научно-технических музеев в популяризации научно-технического наследия в сфере туризма

84

Карабанова И.М.

Благотворительный концерт в музее: фандрайзинг или миссия?

90

Скороход А.А.

Шведское изобразительное искусство XIX века (по материалам архива экспертизы ГОСНИИР)

96

Таловин К.Д.

К вопросу о трактовке термина «превентивная консервация»

102

Адрес номера на сайте: http://cr-journal.ru/rus/journals/&j_id=64

**ИДЕНТИЧНОСТЬ КАК МЕРА КУЛЬТУРЫ
И МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КАТЕГОРИЯ КУЛЬТУРОЛОГИИ**

DOI 10.34685/HI.2025.41.84.023

Тхагапсоев Хажисмель Гисович,
доктор философских наук, профессор,
Кабардино-Балкарский государственный
университет (Нальчик)
Email: gapsara@rambler.ru

Леонов Иван Владимирович,
доктор культурологии, доцент, Санкт-Петербургский
государственный институт культуры (Санкт-Петербург)
Email: ivaleon@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена демонстрации когнитивно-гносеологического и методологического потенциала знаниевого конструкта «идентичность», который трактуется как категория культурологической науки и составная часть общего арсенала методологии познания гуманитарных наук. Авторами анализируется генезис смыслов и эпистемологического статуса дефиниции «идентичность». Особое внимание уделено проблематике персональной идентичности человека, её перипетиям в общем контексте процессов социальной истории и истории культуры, а также её современным сложным проблемам. Показана эффективность потенциала категории «идентичность» в плане синтеза культурологического знания, а также в роли критерия и базового основания типологий культуры и социально-культурного бытия. Ставится вопрос об учете роли и места спектра идентичностей этнических культур России в становлении самобытной российской цивилизации.

Ключевые слова: культура, идентичность, культурная идентичность, персональная идентичность, типология идентичности, идентичность как основа и критерий типологизации культуры.

История развития идеи «идентичность» и её смыслового наполнения необычна и парадоксальна. Само-тождественность, т.е. идентичность сущего (бытия, Космоса, атома), еще в античной философии воспринималась как нечто непреложное – аспект принципов и закономерностей мироустройства. Но случилось так, что в гуманитарные науки эта идея пришла не из философии, а из медицинской практики – психоанализа и психиатрии, где она заявила о себе по сути как форма и способ отстаивания гуманизма. Дело в том, что Э. Эриксон, автор идеи «идентичность» (точнее «эго-идентичность»), не разделял идею Фрейда, будто человек обречен всегда оставаться в плену и под гнетом темной стихии бессознательного – «Ид», а значит – и ограниченным в свободе выбора и действий, в своей субъектности. В этой ситуации идея «идентичность», которую Эриксон трактовал как знание человека о себе, о своей схожести с другими и сопричастности с этими другими [1], т.е. с субъектными людьми, предстает фактически как знание особого рода, освобождающее человека из плена и гнета Ид.

Однако далее в судьбе этой идеи происходит невероятное – в процессах функционирования смысловое наполнение обычного термина психоанализа расширяется и развивается таким образом, что выходит далеко за пределы изначальных предметных границ и обретает в конечном итоге наивысший эпистемологический статус, какой только может быть у научной дефиниции – статус философской категории (к чему мы еще вернемся). Неудивительно, что следом этот термин получает активное хождение в научных дискурсах и социокультурной практике Запада – в политике и политологии, социологии и этнологии, этнической культурологии, рекламной деятельности.

«Пандемическая циркуляция» идеи «идентичность» и всей проблематики идентичности в России стала частью и аспектом радикальных ломок, потерь и обретений гуманитарной мысли и науки в 1990-е. При

этом её когнитивно-смысловой и методологический арсенал нацеливался прежде всего на решение двух проблем, обретших в то время особую остроту, – на выдвижение тематики личности (свободной) в центр внимания новой, постсоветской гуманитарной науки и на ликвидацию дефицита легитимности социально-политических образований, которые заявляли о себе в ходе распада Страны Советов и получили известность как «парад суверенитетов». Если проблема личности, как и водится всегда, была и остается поводом к конфликтам в социуме и культуре, предметом философских исканий, зыбких регулятивных компромиссов и «вечно временных» решений в сферах права и политики, то основы суверенитета бывших республик искать долго не пришлось – на поток был поставлен процесс конструирования «идентичностей, каких изволите» – культурных, этнических, политических и др. Так что за парадом суверенитетов стояли, увы, вовсе не взлеты в обретении свобод, не достижения в экономическом, технологическом и культурном развитии, а демонстрация идентичностей, порой лихорадочно создаваемых «на ходу».

Здесь впору обратиться к культуре, к отношениям человека и культуры. Одно из популярных суждений по этому поводу утверждает, будто культура являет собой форму, способ и систему самоограничений человека, отводя, таким образом, особую роль моральным функциям культуры. Вероятно, без оков морали человек (как род, вид) не сохранился бы до наших дней. Однако, творя культуру и свою судьбу, он (человек) вдохновляется прежде всего и более всего свободой и стремлением к ней, что некогда М. Штирнер выразил с такой убежденностью и энергией, что и сегодня звучит актуально [2]. Неудивительно, что в соотнесениях человека и его бытия с когнитивным арсеналом категории «идентичность» в постсоветской гуманитарной науке на первый план вышла проблема свободы человека, в том числе и его вызволения из сетей и лабиринтов идентичности, сопутствующих вечным само-исканиям человека [3]. Вторым тематическим поводом обращения к идентичности в новой России стали упомянутые процессы конструирования этносами бывшего Союза новых идентичностей и их непростые последствия. В итоге до поры до времени наш дискурс по проблематике идентичности определялся двумя знаковыми темами – «человек в лабиринтах идентичности» и «неудобства с идентичностью» [4]. Здесь вновь напрашиваются пояснения. За многозначительной формулой «неудобства с идентичностью» стояли не проблемы этики, толерантности или хороших манер на светских раутах – речь шла о конструктивистском потенциале идентичности, который в ту пору (как и сегодня) становился опасным оружием в руках националистов различных мастей. К конструктивистскому потенциалу идентичности мы еще не раз вернемся – ведь он может быть не только орудием и механизмом конфликтов, но также и инструментом творчества и созидания, например – основой продуктивной педагогической коммуникации и процессов обучения.

После этих замечаний впору обратиться к главному – к особенностям когнитивно-гносеологического потенциала дефиниции идентичность. Ведь ситуация такова, что ныне понятие «идентичность» в активном обороте практически всех социально-гуманитарных наук: психологии, социологии, этнологии, культурологии, политологии, филологии, педагогики. А в итоге получается так: каждая предметная сфера формулирует и предлагает такое определение идентичности, которое отвечает именно её потребностям и познавательной специфике. В такой ситуации на дискурсивной арене ожидаемо получили хождение различные толкования идентичности, которые в конечном итоге сводятся к трем концепциям. В первой явно доминирует роль субъективного фактора – идентичность здесь трактуется как форма само-отождествления индивидом себя со своими представлениями по поводу того, «кто он есть, с кем схож; кто свой, а кто – чужой» [5]. Понятно – трактуемая в таком ключе идентичность лишена универсальности и широкой операциональности. Она применима разве что в этнологии (где идентичность определяют именно на основе само-отождествления этноса с неким сообществом по принципу «свой – чужой»). Иначе трактуется идентичность во второй концепции – здесь она предстает не как выражение субъективных отношений индивидов и социальных групп друг к другу или к себе, а как набор (совокупность) ряда объективных признаков, создающих распознаваемый облик того или иного объекта бытия [6]. Эта версия идентичности обладает операциональностью широкого плана – позволяет отображать самые различные грани и аспекты бытия, социума и человека; мира малых групп и повседневного мира и, конечно же, отображать культуру, которая может быть представлена как совокупность ценностных ориентиров, характерных паттернов, маркеров, фреймов и артефактов в качестве составных элементов её идентичности.

Существует, напомним, и третья трактовка идентичности. Она характерна абстрактностью, формальностью – определяет идентичность как «отношение, которое каждая вещь переносит на саму себя» [7]. Подобное определение может представлять интерес разве что в математике или топологии,

где оперируют различными моделями и теоремами идентичности. Но главное в данном случае в том, что все приведенные концептуальные определения, как показывает анализ, относимы (и относятся) к смысловому континууму дефиниции «идентичность», что выводит её в ряд философских категорий, т.е. понятий выражающих, сущностные и фундаментальные свойства, связи и отношения в действительности [8]. Ко всему этому следует добавить и следующее – категория «идентичность» синтезирует разнородные знания, в которых выражены природное, вечное и духовное: антропологические типы, типы ментальности и психотипы, ценностные и символические миры, поведенческие формы и стратегии т.е. культурологические знания.

Но вернемся к идентичности в роли философской категории. Хорошо известно, что подобные категории возникают и складываются как результат исторического развития знания и процессов познания. И в этом контексте появление любой новой категории связано с особенностями переживаемого времени («эпохи во дворе»), с его запросами и в плане релевантного отражения наличной «здесь и сейчас» социокультурной и цивилизационной ситуации. Так обстоит и в данном случае. Форма упорядоченности и тип регулярности, что стоит за дефиницией «идентичность» отличается рядом особенностей под стать облику современного изменчивого мира. В их числе: отсутствие жесткой, однозначной детерминации связей и отношений в объектах, которые описываются на основе дефиниции «идентичность»; изменчивость границ существования этих объектов, а часто и довольно условный характер регулярностей и порядка, приписываемых им. Ведь часто идентичность являет собой всего лишь плод, результат субъективного само-соотнесения человеком себя с кем-то по принципам «схожести – различия», «свой – чужой» или же итог сличения объекта с заданной совокупностью маркеров, паттернов, фреймов, образцов. Все это отражает изменчивый лик и «размытую» картину мира переживаемой эпохи конфликта цивилизаций, ценностных миров и сопутствующих им сложных игр культурных стратегий. К тому же – всё это вписывается в конструктивистский характер социальных сетей, которые теперь стали пространством реальной активности мысли, духа и позиций человека. В этом контексте категория «идентичность» явно претендует на первые и главные роли в отображении современной картины мира и её особенностей. И это далеко не всё, чем характерна идентичность.

Идентичность, напомним, изначально понималась как знание – знание о себе и о том, с кем схож, с кем имеешь общность. Но с тем модусом знания, которое стоит за категорией «идентичность», не всё так просто. Дело в том, что оно включает три аспекта (слоя) знаний: когнитивный, коннотативный, эмотивный. При этом, если когнитивный аспект выражает содержательные знания об объекте и его идентичности, то коннотативный – влияние контекста (ситуации, среды и прочих факторов) на идентичность объекта и процесс его идентификации. А эмотивный же аспект отражает субъективную позицию идентификатора, симпатии и антипатии, которые довлеют над ним, оказывая влияние на его оценки по поводу идентичности данного объекта. Ведь едва ли можно надеяться на объективность восприятия идентичностей друг друга, когда речь идет о конфликтующих сообществах или социальных группах (скажем, израильтян и палестинцев). Увы, конфликтуют и культуры, их ценностные миры. Здесь идентификация слишком часто сводится к творению стереотипов отвращающего плана. Примеры известны, они на слуху – «ватник», «москаль», «колорадо» и т.д. Конструктивистский потенциал категории идентичность обретает форму оружия особого рода в условиях ныне бытующего конфликта цивилизаций. Едва ли не главным его аспектом стала «война идентичностей» – в соцсетях денно и нощно всем и каждому навязываются «правильные идентичности» смыслов и форм бытия – от правильной идентичности «гражданина мира» и «правильной» демократии, до самого «правильного» спектра гендеров, «правильной» шоу-культуры и даже «правильной» отмены культуры.

Между тем категории философии, в числе коих и идентичность, делятся в зависимости от познавательного потенциала на три группы: онтологические (которые отображают и описывают бытие), эпистемологические (объясняют бытие и его закономерности) и «категории меры», выражающие сущностную определенность объекта. Идентичность предстает именно как категория меры. Она выражает количественную, качественную, пространственную, процессно-временную, темпоритмическую, этапно-стадийную, фактурную, цветовую, звуковую, вкусовую и иные формы определенности объекта.

До сих пор речь шла о потенциях категории идентичность вычленять и презентовать нечто из мира бытия или устанавливать его соответствие неким образцам, заданным как совокупность определенных маркеров, паттернов, фреймов. Но у познавательного потенциала категории идентичность есть еще

один принципиально важный аспект – он может быть критерием и основой построения типологий бытия и его самых различных сфер. Более того – этот потенциал по сути неограничен, т.к. идентичность может конструироваться, как уже не раз подчеркивалось, на основе различных наборов признаков и свойств объекта или его составных частей. Эта особенность идентичности и создает возможности строить новые модусы типологий бытия, включая и многоуровневые – на основе так называемых «семейственных», т.е. предельно укрупненных типов, которые, в свою очередь, разворачиваются в конкретные типы и формы идентичности. При таком подходе типология идентичностей бытия может быть представлена следующим образом [9]:

- природная идентичность (включающая, в свою очередь, идентичности рода и вида живого, популяций растений и животных, типы экосистем, географических пространств и геологических образований, астрономических и астрофизических миров, типы «темной материи» и «темной энергии»);

- социальная идентичность (которая, в свою очередь, включает следующие формы идентичности: социальная, политическая, профессиональная, религиозная, корпоративная, сетевая, идентичности малых групп);

- социо-природная идентичность (которая конкретизируется в таких формах идентичности как геополитическая, цивилизационная, гендерная, возрастная);

- ментальная идентичность (которая может иметь следующие формы: логико-математические конструкции; парадигмы науки, культуры, художественного творчества, культурные универсалии, политико-идеологические системы и нарративы, жизненно-стилевые стратегии, потребительские бренды и др.);

- артефактная идентичность (идентичность видов техники, предметов культуры и искусства, объектов социальной инфраструктуры, её системных и обособленных знаковых элементов);

- идентичность виртуальной реальности (импрессионная, коммуникативная, дополненная реальность).

Как видим, перед нами предстает своеобразная и информативная «картина мира», которая, разумеется, не претендует быть заменой общепринятым – философской, общенаучной и естественнонаучной картинам мира. Но может быть полезным дополнением к ним и иллюстрацией к типологизирующему потенциалу категории идентичность. Впрочем, уже развивается и процесс экспликации потенциала идентичности в антропологическую науку. При этом идентичность человека трактуется как «многокомпонентный иерархически организованный феномен», включающий в себя следующие элементы: родовую; гендерную, национальную/этническую, поколенческую, семейно-родственную, гражданскую, профессиональную, конфессиональную и экзистенциально-креативную формы идентичности [10], что предстает как развитие и дополнение приведенной типологии идентичностей бытия.

Но вернемся к «картине мира», обрисованной выше на основе категории «идентичность» – в ней не представлена культурная идентичность. Она и не может быть представлена – культурная идентичность является собой аспект и меру лишь человека (не бытия как такового). И еще – идентичность, будучи категорией меры (материально-вещественной, пространственно-временной, процессно-структурной и иной определенности не что) выделяет, очерчивает и ограничивает от прочего мира и вычленяет из него объект, с которым соотносится. Это значит, что она не может быть соотнесена с объектами, лишенными границ, изменяющимися непрерывно. Культура является именно таким объектом – она меняется, развивается и пульсирует непрерывно, т.е. в каждый момент времени «не равна себе», так что идентичность не может быть соотнесена с культурой как таковой. Однако её типизирующий потенциал уместен и применим, когда речь идет о конкретных формах и сферах культуры с очерченным («ограничивающим») набором признаков-маркеров, паттернов. Например, этническая идентичность. Она презентуется как совокупность неких маркеров и паттернов культуры. Но мы обратимся к профессиональной культуре, являющей собой важнейший аспект культуры человека. Ныне тенденции таковы, что основой стратегии подготовки кадров стал компетентностный подход. В его рамках профессиональная культура специалиста строится на основе набора пакетов знаний, умений, навыков, а также алгоритмов и стратегий действия, именуемых вкуче компетенциями. Однако

очевидно, что подход к формированию профессиональной культуры должен бы быть «идентичностным». Ведь профессиональность предполагает не только наличие знаний и умений, к чему компетентный подход всё и сводит, но и их сопряженность с конкретным психотипом человека, без чего профессиональная культура невозможна. Едва ли набор, пусть и добротных, знаний и сценических действий гарантируют появление профессионального актера театра, ведь актер – человек, прежде всего, особого психотипического склада. И еще. Компетентный подход игнорирует, что и профессии, не столь «окрашенные» как актерские, могут состояться лишь при сопряжении с людьми определенного психотипа. Скажем, тот же школьный учитель, что принято относить чуть ли ни к «массовым профессиям», едва ли он будет эффективен, если не будет актером в какой-то мере. Ведь сложность этой профессии такова, что учитель оперирует большим спектром «сценических амплуа» – модератора, интерлокера, старшего друга, заступника, третейского судьи, души компании, талантливого слушателя, философа и др. Если учитывать эти обстоятельства методологический потенциал категории «идентичность» и идеи «профессиональная идентичность» могут быть дополнением, а то и заменой компетентному подходу в образовании.

Отдельного анализа требует потенциал категории «идентичность» в плане типологизации культуры. Ведь типологизация, как уже подчеркивалось, является одним из способов выявления сущностных связей и отношений в бытии, а типологии относимы к формам теоретического знания [11]. В этом контексте очевидно, что главной и ключевой основой типологии культуры должно быть представление о сущности культуры. Если она понимается как способ деятельности и результат рациональной деятельности, её типология будет иметь один облик; если же культура трактуется как «вторичная моделирующая система», как полагал Ю.М. Лотман, типология культуры обретет другой облик, а если в культуре видеть саморазвивающуюся и многоуровневую сложную систему, заявит о себе третья типология.

Между тем, ситуация в гуманитарном познании ныне такова, что известная идея М.С. Кагана «культура являет собой форму бытия, в которой выразилась уникальность человека» [12] обретает новые смыслы. Если до недавнего времени уникальность человека усматривалась в его разумности, теперь всё видится иначе. Признаки разумности присущи целому ряду живых существ, а уникальность человека видится в нечто принципиально ином – в характере и способах работы с информацией, которые сложились в процессах социо-культурогенеза и обрели воплощение в знаково-символические формы и алгоритмы [13]. Заметим – из такого понимания уникальности человека исходит и информационно-семиотическая теория культуры [14].

Разумеется, способность человека творить знаки и символы и особая роль этого фактора непременно учитывается в типологиях культуры – выделяются в отдельный тип её знаково-символические формы. Но при этом вообще не учитываются три обстоятельства принципиальной значимости. *Первое* – оперирование знаками/символами обретает эффективность только в общем контексте накопления и развирания условной социальной информации, без чего знаки и символы обречены оставаться лишь сигналами об опасности или об обнаружении пищи, как водится у стадных животных (к коим относится и человек как биологический вид). В этом контексте условная социальная информация предстает как одна из важнейших форм культуры, требуя отражения в типологиях. *Второе* – культура строится не только на основе знаков и символов и оперировании ими; она строится в первую очередь на основе природных потенций человека, начиная с телесно-анатомических факторов (склад тела человека, его мускулатура, динамика, эстетика, грация движений, голос). *И третье* – культура начинается с «окультуривания» отношений человека и природы, включая вещественно-обменные отношения с природой, что выразилось: в создании и развитии земледелия, приручении продуктивных животных, в появлении и развитии кухни, жилища, костюма, что, увы, пока не обрело теоретического преломления в культурологии и в типологиях культуры. Если учитывать эти обстоятельства, типология укрупненных («семейственных») форм культуры, которые объединяют в себе спектры конкретных форм культуры, может (и должна бы) выглядеть следующим образом:

– религиозно-символические формы (магия, ритуалы, мифы, религия, идеологии);

– знаково-символические формы (вербально-текстовые, музыкальные, художественно-изобразительные, дигитальные, виртуальные);

– вещественно-знаковые формы (жилище-архитектура, костюм, кухня, дизайн, монументалистика и произведения ландшафтной культуры);

– инструментально-символические или соматико-символические формы культуры (балет, хореография, художественная гимнастика, спорт, театр мима);

– синтетические формы (образование, наука, театральное искусство, кино, музей, киберспорт);

– условная социальная информация, т.е. системы базовых кодов и когнитивных структур культуры (языки – естественные и искусственные, обычаи, традиции, коммуникативно-поведенческие модели, научные парадигмы и теории, мировоззренческие универсалии культуры), на основе которых происходит восприятие потоков информации в бытии человека, наделение их смыслами и соотнесение с целостным миром культуры.

Как видим, приведенная типология презентует культуру как сверхсложное, изменчивое системно-целостное единство форм культуры, каждая из которых соотнесена с онтологической сущностью культуры (что должно бы быть нормой для подобных типологий).

Некоторых пояснений требуют, вероятно, «вещественно-знаковая» и «инструментально(соматико)-символическая» формы культуры.

Что касается «вещественно-знаковых», речь идет о таких формах культуры, суть которых выражена не посредством знаков и символов, а вещественно – на основе (и посредством) «окультуренного» природного ресурса. Пример – кухня. Это относится и к таким формам культуры как «костюм», «жилище», «архитектура», «дизайн». Они создают человеку и для человека «культурно-вещественный мир и природно-культурный кокон», обеспечивающий ему комфорт и защищенность от множества рисков, угроз и опасностей. Но они являются также и яркими знаковыми элементами культуры, придавая каждой культуре уникальный неповторимый колорит и аромат.

По поводу «инструментально-символических или соматико-символических форм». При всей очевидности того обстоятельства, что культура строится прежде всего на природных потенциях человека, этот фактор почему-то так и не стал, подчеркнем еще раз, частью принципов и оснований типологий культуры. В этом контексте выделение «инструментально-символических» или «соматико-символических» форм культуры является попыткой устранить эту неполноту (да и несправедливость) бытующих типологий культуры.

Разумеется, без «символического» (без и вне мира знаков и символов) культура невозможна – только на их основе внутренний мир человека (мысли и чувства) открывается другим людям, социуму; обретает жизнь и входит в общую ткань социокультурного бытия. Но при этом в роли носителя знаков и символов могут выступать различные средства и предметы – от глиняных табличек, бумаги, кожи, примитивных орудий до тела и органов человека (хотя точнее было бы начинать счет от тела и органов человека – как и было исторически). Соматико-символические формы культуры тем и характерны, что особая роль в их творении, существовании и развитии принадлежит именно телу человека, его потенциям. Если в знаково-символических формах культуры знаки и символы могут существовать на различных носителях, то в соматико-символических формах отчуждение знаков и символов от человека невозможно – их носителем здесь может быть лишь сам человек, телесность и потенции человека (анатомический склад, сила, скорость, выносливость, грация, красота движений, голос), т.е. здесь всё завязано на инструменты особого рода – «экзистенциальные», на неповторимые и не тиражируемые в своей конкретной идентичности. Иначе сказать – эти формы культуры возможны лишь в силу существования особого инструмента выражения духа, смыслов, эстетики культуры – телесности человека. Это – художественная гимнастика, хореография, балет, певческое искусство, театр мима. Здесь может последовать вопрос о «материальных и духовных» формах культуры, хотя невозможность их раздельного существования в философии всегда подчеркивалось (особо настойчиво Каганом). Сегодня, когда культурология уже реально опирается на нейронауки [15], а основания культуры ищутся в нейрофизиологии, точнее – в нейро-информационных и нейро-энергетических процессах, деление культуры на материальное и духовное предстает лишь как факт из прошлых этапов истории культурологической науки.

Востребованность идентичности в роли критерия типологизации в сфере культуры, разумеется, не ограничивается приведенными примерами. Ныне культура развивается такими темпами, что многообразие её форм и жанров ширится день ото дня. Это относится едва ли ни в первую очередь к жанрово-стилевому многообразию самых демократичных и массовых форм культуры как кино, современные танцы, требуя их анализа и систематизации через призму идентичности и её типологизирующего потенциала.

Отдельный вопрос – «технологический потенциал идентичности». Дело в том, что идентичность относится к роду знаний способных порождать полезные и эффективные технологии (как физические, химические, инженерные знания). Кроме того, речь идет о гуманитарных технологиях. Их предназначение – воздействие на сознание человека, его фокусировка и ориентация определенным образом – «как надо». Сферы применения этих технологий многообразны и обширны – от рекламы потребительских товаров и педагогической деятельности до геополитической конкуренции, включая и уже упомянутые «сетевые войны идентичностей» – идентичностей культур, идеологий, образов мысли, стилей жизни, персональных идентичностей. Ведь в современном мире неохватного культурного, знаниевого, вещевого, жизненно-стилевого, коммуникативно-поведенческого многообразия, подверженного непрерывным изменениям, ситуация такова, что идентичность «нечто» становится главным ориентиром человека и «навигатором» его сознания [16]. Именно это мотивирует интерес образования, педагогики, дидактики к гуманитарным технологиям. Ведь их сверхзадача заключается в формировании и закреплении в сознании человека идентичного образа (идентичности) сущего – от идентичности электрона, атома, молекул, генома, до идентичностей звезд Космоса, нейронно-информационных процессов в мозгу человека и, конечно же, культурных миров, а также смыслов бытия человека.

Особая тема – персональная идентичность, особенности её генезиса, сложные проблемы современного состояния и возможные перспективы. Сознание и характер социокультурных отношений в традиционном обществе таковы, что идентичность здесь видится и мыслится как судьба. Она дается от рождения и навсегда, а долг и обязанность человека – пронести её достойно через всю жизнь. Но появление капитализма на арене культуры рушит принцип «идентичность на всю жизнь», т.е. главную основу традиционного общества. Напротив – в условиях капитализма идентичность человека обретает множественность, а её элементы (образование, профессия, мобильность) становятся «товаром» на рынках труда и услуг. Более того – по мере развития форм разделения труда и конвейерного производства человек неуклонно превращается в придаток техники, в «операционную функцию», что нашло отражение в концепции «массового человека» Х. Ортега-и-Гассета, позже – в идеях «номадизма» и «исчезающего Я» постмодернистов. Ныне темпы изменения бытия (что дополняется размывающим все и вся многообразием форм активности человека) таковы, что идентичность человека обретает спектральный и аберрирующий характер, а в соцсетях она становится просто «вещью напрокат», о чем свидетельствуют появление профессии пранкера и масштабы кибермошенничества, «культурной основой» коего является именно множественность и неограниченная сменяемость персональной идентичности человека. На очерченном фоне автор обзора западных исследований по современной проблематике персональной идентичности приходит к выводу – «если постмодернисты конструировали динамические модели идентичности, а конструктивисты толковали Я как иллюзию, современных исследователей интересует *поиск моделей* устойчивой идентичности» [17]. Куда большую озабоченность демонстрируют российские исследователи – они бьют в набат о грозящих существованию человека разрывах его идентичности во всех её измерениях: от историко-генетических до культурных [18]. В этом контексте сохранение базовых устоев и системного контура идентичности становится вопросом существования самого человека как вида и, понятно, – обеспечения его цивилизационных перспектив. Но здесь вновь напрашиваются пояснения. Дело в том, что столь тревожные и пессимистичные оценки в наших дискурсах сложились в 1990-е – начале 2000-х, когда научно-гуманитарный мейнстрим и культурно-цивилизационный курс России ориентировались на Запад; активисты транс-гуманизма с упоением строили планы обустройства эпохи «пост-человека» на страницах не последних научных журналов страны; странные галеристы и сонмы адептов арт-перформанса заполняли культурные площадки страны творениями, идентичность коих, скажем так, не убеждала в их относимости к искусству (тем более – к гуманистическому). Сегодня ситуация иная – поворот России на Восток принципиально меняет многое. Меняет не только в сфере политики, но и научной мысли, которой еще предстоит наречь говорящим именем этот новый курс (множественного выбора и синтезирующего консерватизма в культурном и цивилизационном развитии, как мы понимаем). Мы же не отказываемся от европейского культурного наследия, неотъемлемой и масштабной частью которого является русская культура. И еще. Не требует ли обозначившаяся новая

ситуация ретроспекции узловых моментов культурно-исторического пути России? Не призывает ли эта новая ситуация к пере-прочтению наших российских этнических культур, к уточнению их роли и места (роли их идентичностей) в становлении самобытной российской цивилизации? Но и при этих открытых пока вопросах понятно, что «поворот на Восток» открывает принципиально новые проблемные поля и новые обширные горизонты развития перед отечественной культурологической наукой, гуманитарной мыслью в России.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис. – Москва : Прогресс, 1996. – 344 с.
- [2] Штирнер, М. Единственный и его достояние. – Москва : Индивид, 1906. – 478 с.
- [3] Труфанова, Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. – 2010. – № 2. – С. 13-22.
- [4] Малахов, В. С. Неудобства с идентичностью // Вопросы философии. – 1998. – № 2. – С. 43-53.
- [5] Малахов, В. С. Идентичность // Новая философская энциклопедия. Т. 3. – Москва: Мысль, 2001. – С. 78-79.
- [6] Цымбурский, В. Л. Идентичность цивилизационная // Новая философская энциклопедия. Т. 3. – Москва : Мысль, 2001. – С. 80-81.
- [7] Кукарцева, М. А. Идентичность // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – Москва : Канон+, 2009. – С. 265-266.
- [8] Малахов, В. С. Неудобства с идентичностью... С. 50; Тхагапсоев, Х. Г. Идентичность как философская категория и мера социального бытия // Философские науки. – 2011. – № 1. – С. 10-25.
- [9] Тхагапсоев, Х. Г. Идентичность как форма категориального синтеза // Вопросы философии. – 2020. – № 5. – С. 140-149.
- [10] Мануильский, М. А. Идентичность как модус человеческой природы // Человек. – 2019. – Т. 30, № 1. – С. 29-44.
- [11] Огурцов, А. П. Типология // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. – Москва : Канон+, 2009. – С. 984-985.
- [12] Каган, М. С. Философия культуры. – Санкт-Петербург : Петрополис, 1996. – 310с.
- [13] Таттерсол, И., Де, Саль, Р. Человек неожиданный: генетика, поведение и свобода выбора / Пер. с англ. Н., Пахмутовой. – Москва : ЯСК, 2023. – 232 с.
- [14] Информационно-семиотическая теория культуры: введение / Тхагапсоев, Х. Г. Астафьева, О. Н., Докучаев, И. И., Леонов, И. В. – Санкт-Петербург: Астерион, 2020. – 208 с.
- [15] Рамачандран, В. С. Мозг рассказывает. Что делает нас людьми. – Москва: Картера пресс, 2012. – 219 с.
- [16] Идентичность как навигатор сознания / Тхагапсоев, Х. Г., Мосолова, Л. М., Леонов, И. В., Соловьева, В. Л. – Санкт-Петербург : Астерион, 2016. – 170 с.
- [17] Пеннер, Р. В. Проблема персональной идентичности в современных отечественных и зарубежных исследованиях // Социум и власть. – 2021. – № 2(88). – С. 36-49.
- [18] Емелин, В. А., Тхостов, А. Ш. Деформация хронотопа в условиях социокультурного ускорения // Вопросы философии. – 2015. – № 2. – С.14-24.

IDENTITY AS A MEASURE OF CULTURE AND A METHODOLOGICAL CATEGORY OF CULTURAL STUDIES

Tkhagapsoev Khazhismel Gisovich,
D. in Philosophy, Full professor,
Kabardino-Balkarian State University (Nalchik)

Leonov Ivan Vladimirovich,
D. in Cultural Studies, Associate professor, St. Petersburg
State Institute of Culture (St. Petersburg)

Abstract. *The article is devoted to demonstrating the cognitive-gnoseological and methodological potential of the knowledge construct “identity”, which is interpreted as a category of cultural science and an integral part of the general arsenal of the methodology of knowledge of the humanities. The authors analyze the genesis of the meanings and epistemological status of the definition of “identity”. Particular attention is paid to the problems of personal identity of a person, its vicissitudes in the general context of the processes of social history and cultural history, as well as its modern complex problems. The effectiveness of the potential of the category “identity” is shown in terms of the synthesis of cultural knowledge, as well as in the role of a criterion and basic basis for typologies of culture and socio-cultural existence. The question is raised about taking into account the role and place of the spectrum of identities of ethnic cultures of Russia in the formation of a distinctive Russian civilization.*

Key words: *culture, identity, cultural identity, personal identity, typology of identity, identity as the basis and criterion for typologizing culture.*

© Тхагапсоев Х.Г., Леонов И.В., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 20.02.2025.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Тхагапсоев, Х. Г., Леонов, И. В. Идентичность как мера культуры и методологическая категория культурологии. – DOI 10.34685/ИИ.2025.41.84.023. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 2. – С. 4-12. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/689.html&j_id=64.

**К ВОПРОСУ О КЛАССИФИКАЦИИ РАЗЛИЧНЫХ ПОТОКОВ ХРИСТИАНСКИХ ПАЛОМНИКОВ
В СВЯТУЮ ЗЕМЛЮ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

DOI 10.34685/ИИ.2025.21.72.015

Майоров Анатолий Александрович,

доктор исторических наук, и.о. заведующего кафедрой
истории, философии и русского языка,

Орловский государственный аграрный университет им. Н.В.Парахина (Орёл)

E-mail: aamajorov@rambler.ru

Аннотация. *К настоящему времени в отечественной и зарубежной исторической науке накоплен значительный объем материалов, позволяющих достаточно широко и объективно анализировать специфику различных потоков христианского паломничества в Святую Землю во второй половине XIX в. В статье предлагаются к рассмотрению некоторые параметры их широкой классификации по ряду критериев, некоторые из которых ранее весьма редко сочетались в подобного рода действиях, что может иметь значение для лучшего понимания процессов, рассматриваемых в статье. Автор приходит к выводу о наличии в этот хронологический период в Святой Земле не менее трёх основных потоков христианских паломников, отличия между которыми прослеживаются в ряде важных и значимых характеристик, описываемых в тексте.*

Ключевые слова: *Христианское паломничество, Святая Земля, XIX в., классификация, классификационные критерии.*

Предлагаемая вниманию читателя статья посвящена рассмотрению различий между разными христианскими паломническими потоками в Святую Землю во второй половине XIX в. и некоторым аспектам их классификации. Проведение аналитических действий подобного рода способно облегчить изучение, анализ и понимание общих и специфических свойств, признаков и качеств рассматриваемых явлений.

Как известно, со второй половины XIX в. после длительного перерыва и в масштабах, беспрецедентных со времён высокого Средневековья, начало возрождаться внешнее христианское паломничество в Святую землю. Вновь в «Святые места Востока» поехали паломники-христиане не только из Восточного Средиземноморья, Ближнего Востока и Российской империи, но и из европейских стран [4]. Подавляющее большинство исследователей, по вполне понятным причинам, уделяли и уделяют большую часть своего внимания именно внешнему паломничеству и, соответственно, в значительно меньшей степени обращали своё внимание на другую, численно преобладающую массу местных османских христианских паломников, как бы исключая их общехристианского потока вообще. Между тем, тема эта представляется весьма интересной и перспективной именно в сопоставлении специфических черт и особенностей поведения столь разных людей, формально объединённых едиными религиозными постулатами.

К сожалению, точные данные по национально-конфессиональному составу паломников в Святую землю до настоящего времени отсутствуют, хотя отдельные сообщения современников и позволяют, пусть и приблизительно, получить представление о примерном соотношении пилигримов в годы, предшествовавшие рассматриваемому периоду. В частности, по данным Й.Шольца, на пасхальном праздновании 1820 г. в храме Гроба Господня присутствовало «1400 армян; 1200 греков; 30 грузин; 300 московитов; 60 коптов; 15 сирийцев; 1 абиссинец; 20 греков и армян восточных католиков; 4 маронита и 15 франков» [16, с. 230]. Также было подсчитано, что греки вместе с армянами в этот период обеспечивали ежегодно порядка 4000 паломников каждый год [15, с. 243]. Таким образом, в первые десятилетия XIX в. соотношение христиан, происходящих из османских владений (исключая спорных грузин) с прочими – россиянами и европейцами – составило 2699 к 300 и к 15, что явно указывает на очевидное доминирование османских христиан.

Итак, первый признак, по которому логично классифицировать христианских паломников этого периода – страна либо регион происхождения. Здесь всё просто: Османская империя с одной стороны, Российская империя и европейские страны с крайне малой долей американцев – с другой. Европейцы рассматриваются как относительно единая общность в силу относительного единства исторических судеб и наличествовавшему комплексу европейского триумфализма, показавшего бесспорное первенство Европы во всех значимых мировых вопросах того периода. Политически и географически Россия в тот момент выглядела (или хотела выглядеть) как своеобразная часть Европы либо как часть мира, крайне близкая Европе.

Вторая группировка – конфессиональная, согласно которой прослеживаются 3 основные группы пилигримов. Первая – потоки европейские, преимущественно католические с малой долей протестантов. Вторая – православные российские, греческо-балканские и «эллино-ромейские» османские. Третья – прочие христианские, административно подчинённые армянскому Константинопольскому патриарху: собственно армянские, коптские, грузинские, цыганские, ассирийские, албанские, якобитские, маронитские, несторианские, мелькитские и т.д. [7, с. 34, 39-41; 8, с. 176; 17, с. 253].

Третья – юридическая. Существовавший в Османской империи и основанный на нормах шариата режим контроля неисламских сообществ предполагал два статуса для христиан, различаемых по месту проживания и подданству. Первый – это местные османские христиане «зимми» («люди договора», «охраняемые») – «люди книги», пребывавшие после османского завоевания под защитой «договора о подчинении и защите» [8, с. 176]. Они находились в ведении двух основных османских миллетов: греко-православного «Рум» (*millet-i Rum, Millet-i Rumiyan*) и армянского (армяно-григорианского) (*Millet-i Ermeniyan*), включавший в себя, помимо армян-монофизитов, подавляющее большинство остальных христианских номинаций – коптов, грузин, цыган, ассирийцев, албанцев, якобитов, маронитов, несториан, мелькитов, павликиан, богомилов и т.д. и т.п. Официально возглавлялись двумя располагавшимися в Константинополе (Стамбуле) патриархами: соответственно ромейским (греческим) и армянским, каждый из которых, помимо духовного окормления своей паствы, выступал в османском государстве в виде «миллет-баши» (тур. *Millet basi*), который должен был обеспечить соблюдения его миллетом административного, уголовного, финансового, налогового османского законодательства [8, с. 176-177].

Второй статус – «мюстемен» (от турец. «*muste'men*» получившие «эмен» – охранную грамоту) относился к иностранцам, находившихся на османских землях с разрешения властей, которым последними даровалась защита. Они, в отличие от «зимми», не имели собственного конфессионального суда и подчинялись непосредственно османским судебным инстанциям, хотя и могли прибегать к дипломатической защите представителей своих стран [15, с. 362-364].

Всякая империя, в особенности восточная, есть не только универсальное государство, опирающееся на единую Волю и Идею, но и бережный хранитель большого количества специфических норм, деталей, обычаев и практик. В рассматриваемом случае среди «мюстемен» явным исключением, ставящем их в особое положение, значительно отличая от прочих христиан-иностранцев, были русские паломники. Их особый статус был результатом большого количества войн и, соответственно, значительного числа договоров между Российской и Османской империями, которые в итоге придали новое качество их отношениям – Бахчисарайский трактат 1681 г., Константинопольские договоры 1700 и 1729 гг., Белградский договор 1739 г. и ряд других. Большинство исследователей называют Кючук-Карнаджийский мир 1774 г. той основой, в соответствии с которой русские «поклонники» получили возможность добираться до святых мест без уплаты обычных для прочих пилигримов сборов и платежей, что явно отличало их от прочих «мюстемен». Другим значимым обстоятельством следует полагать то, что в этот период географические границы территорий обеих империй сблизились и фактически соприкоснулись, что значительно облегчило доступ русским паломникам в Святую землю, физическую возможность их перемещения к цели своего странствования.

В отличие от русских, европейцы формально были вынуждены выполнять все требования, предъявляемые к «мюстемен» османским законодательством. В частности, довольно часто обходимая (при прямой поддержке русских дипломатов) разными способами уплата русскими паломниками сбора за обеспечение дорожной безопасности "*murur tezkiresi*" резко контрастирует с обязанностью его уплаты даже бедными выходцами из Австро-Венгрии [13, с. 365]. Хотя, безусловно, политическое,

культурное и финансовое влияние, а также явная военная сила европейских держав заставляла местные власти весьма осторожно и бережно взаимодействовать с европейскими паломниками.

Четвёртая важная классификационная группировка, необходимая и значимая, по мнению автора настоящего текста, – разделение христиан по степени их «традиционности». Речь идёт не о древности либо верности конфессиональных взглядов на природу и наследование тех или иных аспектов земных деяний Спасителя, а о приверженности паломников каждого из потоков старым паломническим практикам, восходящим к средневековым традициям.

Первая подгруппа данного вида классификации – местные христиане всех конфессий, подчинённые своим «миллет-баши», соответственно – константинопольским православному (ромейскому) и армяно-григорианскому патриархам. В целом, по мнению ряда современных исследователей, значительная часть обязательных периодических паломничеств и связанных с ними процедур сохранялась на протяжении всего османского правления неизменной [18, с. 30-50]. Для большинства простых христиан, замкнутых внутри своего «миллета», модификации сложившихся низовых паломнических практик происходили крайне медленно и были практически неощутимы в ходе жизни одного поколения. Поскольку Святые места перестали посещаться представителями христианских императорских династий, а главной задачей местных патриархов стало обеспечение верности подданных и безупречное выполнение возложенных на них судебных и административных функций, основной политической целью паломничества, с точки зрения конфессионально-общинного руководства, должны были стать манифестирование верноподданнической позиции и демонстрация контроля над паствой со стороны «миллет-баши» (патриархов).

Вторая крупная подгруппа – европейцы всех разновидностей, чья ментальность была сформирована обществами, прошедшими целую череду разного рода преобразований различной степени социальной и мировоззренческой тектоничности – Ренессанс, Реформацию, Контрреформацию, несколько волн секуляризации разных планов, революции, падения целого ряда монархий и иных традиционных институтов. Обычаи средневекового паломничества, предполагавшего обязательным уподобление долгого пути в Святую землю пути Спасителя на Голгофу, то есть обязательность и желательность не только духовных, но и вполне физических испытаний, были во многом отставлены и забыты. Данное обстоятельство акцентировалось социальной принадлежностью большей части европейских пилигримов к числу средне- и высоковозрастных мужчин, относившихся, преимущественно, к формирующемуся среднему классу, отнюдь не жаждавших пройти дополнительные испытания, помимо долгого и финансово дорогого пути [4; 12, с. 133-134; 14].

Третья подгруппа – русские паломники, принадлежали к непрерывной на протяжении нескольких веков активной и своеобразной русской паломнической традиции, не только сохранившей, но и, зачастую, многократно усилившей свойственную европейскому раннему и высокому Средневековью специфику христианского странничества. Их действия, зачастую ставившие в тупик европейцев, османских свидетелей и образованных соотечественников, были в значительной степени продиктованы сложившимся в течение веков очевидным стремлением избегать лёгких путей к местам поклонения в самом широком смысле этого слова как «греховных» [1, с. 347; 2; 3, с. 43-45, 145-147; 6; 10; 11, с. 312-314]. Подобные настроения усугублялись явной социальной принадлежностью подавляющего большинства русских «молельщиков» к непривилегированным сословиям, преимущественно к крестьянам, крайне консервативным и даже архаичным в своих взглядах и нормах поведения [9; 13, с. 361-367; 14, с. 27-76, 135-306].

Применение описанных параметров классификации позволяет подтвердить существование не менее трёх основных частей общего потока христианских паломников в Святую землю и определить каждый из них собственной совокупностью значимых признаков. Первая, крупнейшая и наиболее разнообразная, группа – разноконфессиональные местные христиане, духовно и административно подчинённые и контролируемые константинопольскими православным и армяно-григорианским патриархами, четко и очевидно встроенные в местную же османскую миллетную систему.

Вторая, бурно растущая при поддержке государственных учреждений и Императорского Православного Палестинского Общества – российская, основанная, преимущественно, на традициях, обычаях и ценностях, восходящих к архаичной христианской паломнической традиции, усиленной

оригинальными русскими нормами и обрядами, и состоящая, в основном, из экономически не самых успешных, хотя и максимально духовно нацеленных социальных слоев российского общества.

Третья, условная «европейская», немногочисленная, но постепенно растущая, формировалась из европейских христиан новой паломнической традиции (преимущественно экономически состоятельных мужчин среднего и старшего возрастов), максимально ориентированной на оптимизацию этого вида деятельности в экономической и логистической сфере. Впоследствии эта традиция стала основой явления, получившего в профильной литературе название «религиозный туризм».

Настоящее исследование осуществлено в рамках выполнения государственного задания по теме «Взаимодействие Русской Православной Церкви и Императорского Православного Палестинского Общества с восточными автокефалиями в конце XIX - начале XX вв. в контексте поддержки паломничества церковнослужителей в Святую Землю» (рег. № 102306140008-9-6.1.1, код научной темы, присвоенный учредителем, FEEF-2024-0005).

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Бернштам, Т. А. Приходская жизнь русской деревни : Очерки по церковной этнографии. Санкт-Петербург : Петерб. востоковедение, 2005. – 416 с.
- [2] Бушueva, С. В. Паломничество и его особенности в русской истории // Вестник Нижегородского университета им. Н.И.Лобачевского. – 2008. – № 4. – С. 127-131.
- [3] Житенёв, С. Ю. История русского православного паломничества в X-XVII веках. – Москва : Индрик, 2007. – 480 с.
- [4] Житенёв, С. Ю. Паломничество как религиозное наследие (часть 2). – Текст : электронный // Журнал Института Наследия. – 2015. – № 2. – URL: <https://nasledie-journal.ru/ru/journals/3/23.html> (дата обращения: 09.09.2024).
- [5] История Османского государства, общества и цивилизации : [в 2 т.]. Т. 1: История Османского государства и общества / под ред. Экмеледдина Ихсанолу ; [пер. с турец. В.Б.Феоновой]. – Москва : Вост. литер., 2006. – 602 с.
- [6] Калужникова, Е. А. Паломничество как ритуал // Известия Уральского государственного университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2006. – № 47. – Вып. 12. – С. 13-27.
- [7] Карташян, А. З. Армянский миллет в Османской империи до 1870-х гг.: история изучения в России и за рубежом // История востоковедения: традиции и современность : Материалы II Всерос. школы-конф. / отв. ред.: И.Х. Миняжетдинов, М.А. Пахомова. – Москва : Ин-т востоковед. РАН, 2015. – С. 34-48.
- [8] Карташян, А. З. Османская политика в отношении этноконфессиональных меньшинств как модель управления полиэтническим и поликонфессиональным обществом // Казанский педагогический журнал. – 2015. – № 6. – С. 175-180.
- [9] П.Лотти о русских паломниках и Русском доме в Иерусалиме // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества : февраль 1895. – Санкт-Петербург, 1895. – С. 83-85.
- [10] Поплавская, Х. В. Паломничество, странноприимство и почитание святых: по материалам Рязанского края // Православная жизнь русских крестьян XIX-XX веков: Итоги этнографических исследований. – Москва : Наука, 2001. – С. 251-300.
- [11] Хитрово, В. Н. Какими путями идут русские паломники в Святую землю // Сообщения Императорского Православного Палестинского общества. – 1901. – № 3. – С. 303-327.
- [12] Bar, D., Cohen-Hattab, K. A New Kind of Pilgrimage: The Modern Tourist Pilgrim of Nineteenth Century and Early Twentieth Century Palestine // Middle Eastern Studies. – 2003. – Vol. 39, No. 2. – Pp. 131-148.
- [13] Golpinar, A. Kudus'e gelen rus hacilarin murur tezkiresi meselesi // Journal of IslamicJerusalem Studies. – 2019. – 19(3). – Pp. 355-374 (турец.).
- [14] Graham, S. With the Russian Pilgrims to Jerusalem. – London : Macmillan and co., 1913. – 306 p.
- [15] Schick, R. Who Came on Pilgrimage to Jerusalem in the Mamluk and Ottoman Periods? An Interreligious Comparison // Für Seelenheil und Lebensglück. Das byzantinische Pilgerwesen und seine Wurzeln. – Mainz :Verlag des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, 2018. – Pp. 243-259 (англ.)
- [16] Scholz, J. M. A. Reise in die Gegend zwischen Alexandrien und Parätonium, die libysche Wüste, Siwa, Egypten, Palästina und Syrien. – Leipzig und Sorau. bey Friedrich Fleischer, 1822. – 334 p. (нем.). – URL: <https://archive.org/details/reiseindiegegen00schogoog/page/n5/mode/2up> (дата обращения: 09.09.2024)

[17] *Stamatopoulos, D.* From Millets to Minorities in the 19th – Century Ottoman Empire: an Ambiguous Modernization // *Citizenship in Historical Perspective* /ed. by S.G.Ellis, G.Hálfadanarson, A K.Isaacs. – Pisa : Edizioni Plus, 2006. – Pp. 253-273 (англ.).

[18] *Karachristos, I.* The Hatzilik (Orthodox pilgrimage) in Asia Minor, 16th – early 20th century / *Karachristos Ioannis* // *Bulletin of the Center for Asia Minor studies*. Vol. 21. – Athens, 2020. – Pp. 25-50 (греч.).

POSSIBLE CLASSIFICATION OF DIFFERENT FLOWS OF CHRISTIAN PILGRIMS TO THE HOLY LAND IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

Mayorov Anatoly Alexandrovich,

D. in History, Acting Head of the Department,
Oryol State Agrarian University named after N.V.Parakhin (Oryol)

Abstract. *To date, domestic and foreign historical science has accumulated a significant amount of materials that allow a broad and objective analysis of the specifics of various streams of Christian pilgrimage to the Holy Land in the second half of the 19th century. The article offers for consideration some parameters of their broad classification according to a number of criteria, some of which were previously very rarely combined in this kind of actions. This may be important for understanding the processes discussed in the article. The author concludes that there were at least three main streams of Christian pilgrims in the Holy Land during this chronological period, the differences between which can be traced in a number of important and significant characteristics described in the text.*

Key words: *Christian pilgrimage, Holy Land, 19th century, classification, classification criteria.*

© Майоров А.А., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 13.05.2025.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Майоров, А. А. К вопросу о классификации различных потоков христианских паломников в Святую Землю во второй половине XIX в. – DOI 10.34685/НЛ.2025.21.72.015. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 2. – С. 13-17. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/690.html&j_id=64.

**К ВОПРОСУ ИСТОРИКО-НАВИГАЦИОННЫХ ЭКСПЕРИМЕНТОВ НА КОЧАХ МАКЭ
И КЛУБА «ПОЛЯРНЫЙ ОДИССЕЙ»**

DOI 10.34685/ИИ.2025.44.40.024

Наумов Юрий Михайлович,
заместитель руководителя Центра
«Морская арктическая комплексная экспедиция»
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Москва)
Email: eglovo@gmail.com

Аннотация. *Статья посвящена вопросам организации и проведения историко-навигационных экспериментов, направленных на изучение традиционного поморского судостроения и мореходства. Рассматриваются эксперименты российского морского клуба «Полярный Одиссей» и Морской арктической комплексной экспедиции (МАКЭ). Особое внимание уделено первой отечественной реплике поморского коча – судну «Помор», построенному в 1987 году клубом «Полярный Одиссей».*

Ключевые слова: *Морская арктическая комплексная экспедиция, МАКЭ, Полярный Одиссей, историко-навигационный эксперимент, Помор, поморский коч.*

*Посвящается
50-летию клуба «Полярный Одиссей»
и предстоящему 40-летию МАКЭ*

Во второй половине XX в. интерес к традиционному судостроению и судоходству в Европе вышел за пределы только научных исследований и перешёл к историко-культурным экспериментам [1] с целью уточнения исторических сведений. В 1940–70-х гг. известные европейские путешественники-писатели Тур Хейердал и Тим Северин первыми построили реплики древних судов и прошли на них маршрутами первооткрывателей западного полушария. В СССР в то же время многие туристические клубы в своих походах на лодках байдарках и плотках по водным путям стремятся к освоению новых неизвестных пространств и способов передвижения на различных плавсредствах, к пониманию ощущений первопроходцев, к осознанию реальной истории освоения своей страны.

В процессе освоения Белого моря и побережий Баренцева и Карского морей поморы выработали приемы строительства особых судов, приспособленных к плаванию в условиях изменяющихся ледовых полей. В 1967 г. профессиональный промысловик-помор Д.А.Буторин впервые использовал традиционный карбас для реконструкции морского плавания. На своём карбасе «Щелья» он смог пройти по известному из исторических источников XVI–XVII вв. маршруту до легендарной «златокопьящей Мангазеи» в устье р. Оби [2]. Плавание Д. А. Буторина привлекло внимание широкой общественности к традициям морской культуры поморов и истории освоения Российской Арктики и Северного Морского пути.

В 1975 г. в Петрозаводске Виктор Дмитриев на приспособленных парусно-моторных рыболовецких судах с друзьями-единомышленниками начал изучать особенности навигации по Белому, Баренцеву и Карскому морям [3]. В 1981 г. под эгидой РГО был создан морской клуб «Полярный Одиссей», в 1984–86 гг. продолжались плавания с целью изучения традиций поморского судостроения и мореходства. В 1985 г. на Земле Франца-Иосифа на спасательных мотоботах МВИМУ [4] работала группа под руководством Д. Ф. Кравченко с участием А. В. Окоорокова; П. В. Боярский был научным консультантом и хорошо познакомился с целями, задачами и методикой работ. Осваивая впервые методику мореплавания на маломерных судах, П. В. Боярский перенимал опыт плаваний у Д. Ф. Кравченко и знакомился с работой В. Л. Дмитриева. В 1986 г. по инициативе П. В. Боярского для изучения культурного и природного наследия арктических побережий и островов в НИИ Культуры Минкультуры РСФСР была организована Морская арктическая комплексная экспедиция (далее – МАКЭ), которая ежегодно проводит комплексные полевые исследования на островах, архипелагах и

материковом побережье арктических морей. Для проведения исследований исторического наследия прошлого в МАКЭ началась подготовка к историко-географическим экспериментам, ставится целью максимально вживаться в события прошлого для лучшего их понимания, реконструкции и поиска объектов культурного наследия [5].

Из исторических источников, литературы и информации, собранной экспедициях клубом «Полярный Одиссей» было известно:

- в снаряжение поморских судов входил специальный ворот – «кочка», горизонтально или вертикально закреплённый на палубе, с помощью которого промысловые суда вытаскивались на берег или на льды, перемещались по снегу и ледяным полям;

- к днищу таких судов прикреплялись вспомогательные кили-полозья – «креньки», которые облегчали их вытаскивание на берег и на льды и перетаскивание через волоки и ледяные перемычки, при этом они уменьшали качку и боковой снос судна под парусами;

- корпуса имели малую осадку, особую форму – «округло» расширялись кверху, при сжатии льдов суда выжимались вверх, низ бортов был защищён второй – «ледовой» обшивкой;

- нос и корма таких судов были одинаковой формы, штевни крепились под углом около 30°, что облегчало их вытаскивание, ширина корпуса около 1/3 длины, что облегчало маневрирование во льдах.

Спуск на воду коча «Помор». 1987 г.
Фото из архива В. Дмитриева

Эти особенности были учтены В.Дмитриевым при проектировании поморского коча. Под его руководством клуб «Полярный Одиссей» к началу навигации 1987 г. построил первую в СССР 13-метровую реплику исторического судна – коч «Помор», решая задачу построить судно с наиболее возможной степенью исторической достоверности с использованием всей имеющейся к тому времени информации.

После спуска реплики во время ходовых испытаний в Петрозаводской губе Онежского озера у коча были выявлены хорошие мореходные качества. В слабый попутный ветер судно под парусами площадью около 60 кв. м развивает ход до 3 узлов, в штиль на вёслах скорость коча около 2 узлов, такая же, как и на

малой гребной лодке. Для движения «Помора» на веслах против ветра и при волнении требуются значительные физические усилия – при гребле тяжёлыми вёслами сил у гребцов без подмены хватало на 2–3 часа. Выгрести коч против ветра смогли лишь когда на весла сели по два человека. Работа с прямым парусным вооружением на коче «Помор» требовала физических усилий, количество экипажа, необходимое для совершения морских переходов под парусами, должно быть не менее пяти человек, что согласуется с историческими сведениями по эксплуатации поморских судов.

С навигационных экспериментов коча «Помор» 1987–88 гг. началось многолетнее сотрудничество МАКЭ с клубом «Полярный Одиссей», П.В.Боярский стал их научным руководителем. С целью доказать приоритеты поморов в освоении Арктики необходимо было получить доказательства возможностей их судов для промыслового освоения арктических побережий. Под руководством П.В.Боярского разрабатывалась комплексная методика историко-навигационных экспериментов, которая включала и архивные изыскания о традиционных маршрутах плаваний, типах судов, сроках и мест стоянок на путях в районы промыслов, исследования систем жизнеобеспечения.

Первое автономное экспериментальное плавание коча в 1987 г. по замыслу руководителя экспедиции В.Дмитриева, было запланировано «на Мангазейском морском ходе по Белому, Баренцеву и Карскому морям и сухому волоку через полуостров Ямал. На этом пути необходимо было проверить мореходные качества коча и его эксплуатационные возможности, сравнить их с известными историческими фактами» [7].

Участниками экспериментальных плаваний на коче впервые решались научно-исследовательские задачи: как ходить на деревянном судне с прямыми парусами без двигателя в разных погодных условиях, пользоваться компасом, картами и лощиями, изучать особенности акватории Белого моря и местные признаки изменения погоды, понять, в каких условиях жили и готовили пищу поморы. По корабельной традиции в кормовой каютке-«чердаке» разместился капитан-«кормщик» с помощником, в носу кубрик-«поварня», где жила команда-«ватага» и готовилась горячая еда, под нарами хранили запас сыпучих продуктов и мешки с личными вещами, самовар кипятили на палубе. В центральном помещении-трюме, в котором поморы складировали промысловую добычу, на коче «Помор» был склад якорей, канатов, инструментов, овощей, консервов, дров и укромный уголок для ведра-туалета. Такой порядок помогал правильно организовать работу и отдых трёх вахт команды на борту во время плаваний и стоянок. Все решения принимались кормщиком и должны были беспрекословно выполняться ватагой; в каждой вахте был опытный штурман-навигатор, который следил за соблюдением курса, погодой, обстановкой на море и на борту, при необходимости советовался с капитаном.

Широкий корпус коча при малой осадке обладает большой грузоподъемностью и значительной остойчивостью, что проявлялось во время сильного волнения. Коч «Помор» оказался устойчивым при шквальных порывах ветра, при высоте волн до 2,5 м, на курсах к волне около 60° совершенно не брал воду на палубу, но шёл с большим дрейфом из-за отсутствия развитого киля. Малая осадка коча «Помор» – 70-90 см позволяла без опаски заходить в реки, при ветре с берега идти вдоль отмелей берегов. Конструкция днища коча с плоским килем и двумя «кренками» по типу саней позволила судну полностью обсыхать на морском грунте во время отлива. По каткам с использованием талей судно можно было без затруднений вытаскивать на берег брашпилем, установленным на борту коча.

Была сделана попытка использования древнего речного водно-волокового пути через полуостров Канин. Предварительный осмотр трассы показал, что с приливом при движении через тундру в большую воду этот путь доступен для небольших судов длиной до 12 м и шириной около 4 м с малой осадкой, можно пройти волоком через полуостров Канин в Чешскую губу Баренцева моря и далее в Мангазею. Существовал ещё один, более длинный путь, пролегающий вдоль Терского берега Кольского полуострова в обход мыса Святой Нос к Семи Островам, где в бухте у Семи Островов поморы дожидались попутных ветров северо-западных или западных направлений и шли прямо морем к Новой Земле и дальше – к проливам Югорский Шар и Карские Ворота. Этот традиционный путь на восток подтвердила в 1768 г. Новоземельская экспедиция под руководством Ф. Т. Розмыслова, которая вынуждена была идти к Семи Островам, откуда и достигла берегов Новой Земли [8].

С 27 июня по 1 августа 1987 г. во время навигационного эксперимента на ожидание попутных ветров ушло 28 суток (или 71% времени), всего за 182 ходовых часа коч «Помор» самостоятельно прошел 520 миль (из них под веслами всего 24 часа) и доказал свою мореходность и способность преодолевать большие расстояния. Средняя скорость движения судна за время плавания составила 2,6 узла, максимальная скорость судна достигала 6 узлов. Крайне неблагоприятные метеорологические условия, сложившиеся в Белом море в 1987 г., многодневные стоянки на якорю и дефицит времени, отведенного на эксперимент, отрицательно сказывались на состоянии участников экспедиции. Учитывая физическую и психологическую усталость, было принято решение о доставке всех в Архангельск и завершении первого плавания на коче «Помор» [9].

Первый эксперимент моделирования поморских походов на судне без двигателя – новоделе поморского коча «Помор» – позволил проверить возможности реплики исторического судна и получить первый опыт мореплавания под прямыми парусами в сложных погодных условиях. Беломорский этап экспедиции «Мангазея-87» позволил по-новому понять и оценить трудности, встречавшиеся на пути арктических мореходов. В результате были сделаны выводы для подготовки к продолжению работы по Программе навигационных экспериментов.

В 1988 г. второй эксперимент на коче «Помор» ставил целью выйти в Баренцево море и дойти вдоль побережья Кольского полуострова до Мурманска. Для буксировки коча до Белого моря клубом был подготовлен парусно-моторный бот «Искатель». В команде коча было 10 человек; за время перехода по Онежскому озеру и Беломорско-Балтийскому каналу все познакомились с судовыми работами, распределили обязанности на три вахты, новички прошли начальную морскую практику, получили опыт

по работе с прямыми парусами, управлению традиционным судном. В г. Беломорске встретились с МАКЭ и ещё раз обсудили маршрут и программу навигационного эксперимента «Поморский коч».

Автономное плавание «Помора» по Белому морю началось при выходе из Рыбного порта к Соловецким островам: при попутном восточном ветре были поставлены оба паруса. В этом переходе шло обучение новой команды работе с парусами, управлению судном при изменениях направлений ветра и курса и особенностям навигации. Парусный ход коча ровный, мягкий, никаких кренов и качки – ни бортовой, ни килевой. «Помор» под полными парусами показал свои прекрасные ходовые качества – шёл со средней скоростью 4–5 узлов. При штиле и встречном ветре коч шёл на буксире моторного судна сопровождения «Искатель», при заходе в гавань Благополучия команда коча работала на вёслах. При усилении встречного ветра, когда судно начало сносить, завозили на лодке поочерёдно два якоря и подтягивались руками и шпилем в направлении исторического сухого дока монастыря, где 3 дня пришлось ожидать попутного ветра.

Из гавани Благополучия коч вышел на вёслах, и далее при благоприятном ветре южных направлений началось автономное плавание на север; к ночи на середине пути к выходу из Горла Белого моря ветер стих, а утром изменил направление на северо-западное. За один час пришлось изменить курс коча на 120°, был получен очень неблагоприятный прогноз погоды: усиление северо-западного ветра на весь следующий день, в солнечный полдень начался настоящий шторм. Для безопасности В. Дмитриев принимает решение идти более 200 миль в Архангельск: «это ближайший порт-укрытие, а болтанка посреди моря неопределённое время – нехорошее дело!». Остаток дня и ночь при ясном небе под прямыми парусами со скоростью до 10 узлов, двигались попутным штормом с волнами наперегонки. Коч «Помор» легко взлетал с волны на волну, при этом на палубу не попадало даже брызг – попутный ветер, сильно надувая прямые паруса, не давал кочу раскачиваться. Это соответствует описанию путешественника-помора Д.А.Буторина: «Волны с шипеньем обрушивались на корму, стремясь придавить её, но всякий раз карбас успевал зацепиться носом за впереди идущие валы и вместе с ними уходил от тех, что наваливались сзади» [10].

На следующий день при попутном ветре и приливном течении коч «Помор» смог подняться вверх по Северной Двине до Центрального яхт-клуба Архангельска. Для повторной попытки пройти Горло Белого моря удалось договориться в Северном морском пароходстве о буксировке коча за ледоколом «Косолапов». Со скоростью около 10 узлов шли на буксире по Северной Двине, с той же скоростью пошли в открытом море. При северном ветре встречное волнение усиливалось, началась опасная килевая раскачка коча – на этой скорости коч врезался и взлетал на каждую волну, из-за раскачки мачт бортовая качка стала опасной, по палубе гуляли валы. Три крупные волны подошли под корму, при резком сходе с волны и ударе с транца слетел руль с румпелем – наступил критический момент: со скоростью 10 узлов коч начал рыскать на буксире, ложась с борта на борт. Вся команда выбралась из повари на палубу и, с трудом держась на ногах, хватаясь за снасти и мачты, наблюдала, как коч переходит через струи от двух винтов, наклоняется до воды, затем возвращается в кильватер, выпрямляется, переходит через струи и снова критически кренится, черпая воду через фальшборт. Коч успешно прошёл испытания при буксировке с большой скоростью на сильном встречном волнении, но дальнейшее плавание без руля было невозможно, поэтому принято решение передать нас рыбацкому судну для возвращения в Архангельск.

За полтора дня изготовили новый руль и в тихую погоду снова вышли на север с буксиром, но ветер усилился, и рыбаки оставили коч ждать погоды у Зимней Золотицы. Постояли на якоре около двух суток. При благоприятной погоде с отливным течением пробовали грести вёслами и ставить подводный парус, но при встречных ветрах движение на север оказалось невозможным. Учитывая направления ветров, было решено отставить на следующий год попытки выйти через Горло в Баренцево море и продолжить ходовые испытания коча на Белом море. С хорошим восточным ветром пересекли Горло до д. Тетрино на Терском берегу и далее при попутных ветрах автономное плавание продолжилось до г. Кандалакши, откуда коч прибуксировали на Соловецкие острова попутные рыбацкие суда. После встречи с П.В.Боярским и сотрудниками МАКЭ «Помор» на буксире «Искателя» вернулся в Петрозаводск.

Первые навигационные эксперименты на коче «Помор» по Белому морю с целью изучения традиций поморского судостроения и мореходства помогли:

- понять особенности и преимущества технологии «внакрой» при постройке больших и малых судов для традиционного применения на Русском Севере и в Сибири;
- изучить возможности прямого парусного вооружения для навигации в Арктике на различных типах традиционных российских судов;
- сравнить возможности применения вёсел для передвижения на судах различных типоразмеров;
- сравнить мореходные качества коча с мореходностью поморских карбасов;
- изучить возможности мореходных судов в условиях изменения направлений ветров и морских течений;
- изучить особенности судов, применяемых для «переволокивания»-преодоления «волоком» различных водоразделов.

Описания этих двух экспериментальных плаваний приводятся в дневниках участников экспедиций, в которых отмечаются отличные мореходные качества, надёжность и высокая скорость коча при попутных ветрах благодаря форме и пропорциям корпуса. После плаваний на коче «Помор» 1987–88 гг. члены клуба начинали привыкать к поморской практике ожидания «доброй поветери» и понимать поморскую поговорку «якорь – важнее паруса», и почему плавание под парусами поморы называли «идти под благодатью» – средний суточный ход достигал 100–120 морских миль.

У поморов были заимствованы самые лучшие исторические традиции, которые позволяли трудиться и жить в тяжелых условиях арктических промыслов. Любимая присказка участников экспедиции «По старому поморскому обычаю» подтверждалась традицией постройки судна за 2–3 весенних месяца, в морских походах пользовались только картами и компасом, все были готовы днём и ночью в любую погоду стоять на руле, нести вахту, жить в самых тяжёлых условиях. Поварня – общий кубрик коча, освещалась свечами и керосиновыми лампами, отапливалась печкой, на которой готовили еду, чай пили из самовара. Для всех участников приобрели одежду современных поморов – ватные костюмы и свитера, использовали бродовые сапоги и прорезиненные «непромоканцы». Простая незамысловатая пища, которую готовили на дровах, свежевывловленная рыба и кипяток из самовара, поморские поговорки, полюбившиеся термины, слова и песни жителей побережий Белого моря – все это приближало участников к духу и стилю жизни поморов.

Два экспериментальных плавания коча «Помор» впервые показали возможности традиционных промысловых судов поморов и подтвердили приоритеты российских первопроходцев в освоении морей Арктики. По результатам экспедиций на коче «Помор» в 1987–88 гг. появилось несколько сообщений в научных сборниках Института Культуры, журнале «Вокруг света» и других СМИ. Первые задачи были успешно выполнены, и после двух навигаций В.Дмитриевым и П.Боярским было принято решение о продолжении экспериментов на реплике коча для бесспорного доказательства приоритетов поморов в освоении арктических морей и открытии арктических архипелагов. Чтобы доказать это, было принято решение пройти одним из традиционных поморских маршрутов – на северный архипелаг Шпицберген.

Идея похода была одобрена на расширенном Учёном Совете Института Культуры МК РФ и при условии участия в экспедиции судна сопровождения с двигателем. Для историчности такого эксперимента В.Дмитриев разработал проект парусно-моторной поморской лодьи с двигателем 40 л.с. 12 м длиной с использованием при её постройке полного набора шпангоутов и конструкций корпуса серийного проекта МРБ-40, выпускаемого Петрозаводской судостроительной верфью рыбокомбината. Для обеспечения безопасности плаваний в феврале 1989 г. состоялась закладка первой реплики поморской лодьи «Грумант», по старому поморскому обычаю в мае судно было спущено на воду, и началась подготовка к ходовым испытаниям в навигационном эксперименте «Путь на Грумант». Перед выходом в море впервые в СССР оба судна (по согласованию с обкомом КПСС) были освящены по православному обычаю, что в дальнейшем стало традицией не только клуба «Полярный Одиссей», но начала распространяться в эпоху перестройки СССР.

Поморская лодья «Грумант» в Белом море. 1989 г.

Фото Ю.Манжелей

С учётом ледовых прогнозов и информации Росгидрометеоцентра был выбран маршрут не вдоль кромки льдов, а вдоль Кольского полуострова до мыса Норд-Кап и далее, через остров Медвежий, на Шпицберген. При сильных попутных ветрах суда проходили до 200 миль суточного хода, на слабых встречных – при буксировке коча «Помор» лодьей «Грумант» скорость была до 1,5 узлов, в штиль – до 2,5–3 узлов, буксировка коча у научных сотрудников получила название «имитация попутного ветра». До о. Кильдин из Архангельска дошли за 7 дней, при небольших встречных ветрах. Дождей и встречных штормов было немного, всего трое суток пережидали непогоду – отдыхали у мыса Святой Нос, в заливе Дальние Зеленцы и у о. Кильдин.

От полуострова Рыбачий пошли вдоль побережья Норвегии до мыса Норд-Кап, от него повернули на север и всего за 6 дней суда дошли до Баренцбурга. Пожалуй, самым трудным испытанием была постоянная буксировка коча от мыса Норд-Кап: в штиль и при встречных ветрах два судна шли более трёх суток в сплошном тумане, для определения генерального курса на карте каждый час ставилась предполагаемая точка с учётом направления и скорости ветров и течений. Буксировка усиливала критические взгляды на чистоту эксперимента с использованием двигателя судна сопровождения, но когда суда благополучно достигли причалов Баренцбурга, радисты экспедиции радостно сформулировали понятию ими суть эксперимента: «Если мы, с “имитацией попутного ветра” дошли до Груманта, то поморы точно доходили», и продолжили: «Поморы возвращались, значит и мы должны вернуться домой, чтобы подтвердить приоритеты освоения Арктики нашими людьми».

На архипелаге экспедиция пробыла около двух недель – торопились вернуться домой, пока не начались осенние непогоды и шторма, у некоторых участников уже заканчивались отпуска. На обратном пути погода была благоприятная, но был ещё один, самый сильный попутный шторм у м. Слетнесет, который наши суда прекрасно выдержали, хотя одна современная норвежская яхта потерпела бедствие и её спасала береговая охрана. Всего маршрут открытого моря высокоширотной экспедиции в Арктике о. Кильдин–Шпицберген–Мурманск суда прошли за 12 ходовых дней и 5 августа ошвартовались у мурманского пассажирского причала.

В ходе навигационного эксперимента 1989 г. была доказано, что коч «Помор» – судно «морского хода», стремление на промысел и накопленный веками опыт навигации в разных районах Арктики позволял поморам преодолевать на таких судах пространства северных морей и первыми достичь далёких архипелагов и островов и освоить арктические пространства России. Был сделан также вывод, что поморы хорошо знали навигацию Баренцева моря и умели пользоваться сезонными направлениями ветров или ждать, что позволял им делать природный потомственный навык.

Экспедиция «Скандинавское кольцо». Коч «Помор» в Норвежском море. 1990.
Архив В. Дмитриева

В 1990 г. коч «Помор» и лодья «Грумант» совершили экспериментальное плавание по следам российского дипломата Григория Истома вокруг Скандинавии («Скандинавское кольцо»). В программу навигационного эксперимента впервые историко-культурная составляющая: посетив Тромсе, Берген, Копенгаген, Стокгольм. Коч и лодья впервые представили в европейских странах северную морскую культуру России. Участники эксперимента показали, как поморские парусники могли осваивать морские пространства различных для развития межгосударственных и торговых отношений и помогали налаживать культурные контакты с местными жителями, в том числе за границами России.

После экспедиций поморского коча к архипелагу Шпицберген и вокруг Скандинавского полуострова была поставлена задача экспериментально доказать их возможности при движении российских первопроходцев на восток до устьев сибирских рек и открытия северных побережий Тихого океана до Аляски. В 1991 г. коч «Помор» продолжил навигационные эксперименты в морях Восточного сектора Арктики по программе «Колумбы российские», посвящённой 250-летию официального открытия западного побережья Северной Америки экспедицией А. Чирикова. Команда «Помора» подбиралась из региона северорусских первопроходцев, коч не имел двигателя, поэтому вместе с участниками экспедиции из Мурманска по Северному морскому пути «Помор» был доставлен к мысу Шмидта в Чукотском море; за время доставки были сделаны шверцы для уменьшения бокового дрейфа в дальних переходах.

Спустив судно на воду, коч без судна сопровождения начал экспериментальное плавание в Чукотском море: после ледового шторма с буксировками прошёл вдоль берегов Чукотки и обогнул мыс Дежнёва.

Коч «Помор» у мыса Шмидта в Чукотском море. 1991 г.
Архив В. Дмитриева

С берега залива Лаврентия 6 октября 1991 г. коч вышел в автономное плавание на Аляску. В это время года в американских водах не встретилось ни одного судна, на вахтах приходилось топить печку, чистить от снега палубу и обколачивать ото льда паруса. Перейдя Берингово море, 14 октября достиг поселка Скэммон-Бэй на Аляске, где встал на зимовку. Участников экспедиции тепло приняли местные жители; по решению совета старейшин было получено разрешение на зимовку, и коч был вытянут на берег [11]. В 1992 г., вернувшись на Аляску, участники экспедиции продолжили плавание на коче до русской колонии Уналашка на Алеутских островах. К сожалению, не удалось найти средства на прохождение вдоль Русской Америки до Форта Росс, пришлось остановиться в Морском музее г. Ванкувера (Канада).

Экспедиция помогла понять, что Русская Америка – это история России, об этом напоминают имена на географических картах: Форт Росс и река Русская, Мыс Румянцева, улица лорда Баранова в Фербанксе и русские названия многих эскимосских селений. Это удивительный опыт позитивного развития и симбиоза русской культуры и культуры коренных народов. В эскимосском языке все слова, связанные с судостроением и судоходством, строительством домов и домашним хозяйством, промысловыми орудиями и предметами быта, имеют русское происхождение и никак не связаны с англоязычными корнями.

В 1994 году при поддержке Дальневосточного и Северного морских и Беломорско-Онежского пароходств через Владивосток, Тикси, Мурманск и Архангельск удалось вернуть коч в Петрозаводск. Итогом работы клуба явилось создание музейной экспозиции с кочем «Помор», которая была торжественно открыта 9 сентября 2000 г. на Центральной набережной. Сейчас коч находится на вечной стоянке в Морском Музее «Полярный Одиссей» [12].

Малый коч «Св. Николай» с приспущенным парусом. 2011 г.
Архив Ю. Наумова

В 2010 г. работа по программе «Поморский коч» была продолжена по инициативе Чукотского Автономного округа к 365-летию открытия Семеном Дежневым Берингова пролива. Сотрудники МАКЭ Института Наследие с учётом 20-тилетнего опыта навигационных экспериментов разработали Проект «Чукотка – Территория Открытий» по маршрутам движения первопроходцев с Европейской части России до Чукотки. Для реконструкции навигации по рекам Сибири и морям Арктики клуб «Полярный Одиссей» разработал специальный проект малого сибирского коча. В июне 2011 года на верфи «Полярного Одиссея» были спущены на воду две парусно-моторные реплики малых кочей «Св. Николай» и «Св. Ап. Андрей» и были проведены ходовые испытания кочей.

Экспедиция «Поморское кольцо» по программе навигационного эксперимента прошла более 2800 км за 33 дня по рекам Сухона, Сев. Двина и Белому морю, с заходом на родину С. Дежнева в Великий Устюг. В 2012 г. чукотские кочи были доставлены в г. Усть-Кут на р. Лену и продолжили движение на восток, пройдя более 5 000 км по течению Лены и морем до порта Тикси. Летом 2013 г., пройдя более 1 500 миль вдоль побережий Чукотского моря, в сложных погодных условиях полярного лета, почти без стоянок в отсутствии портов и удобных бухт, кочи дошли до столицы Чукотки Анадыря.

Малый коч «Св. Ап. Андрей» у Мыса С. Дежнёва. 2013 г.
Архив В. Рябикова

Сотрудниками МАКЭ за время историко-географического эксперимента «Чукотка – территория открытий» были изучены особенности навигации на аутентичных репликах исторических судов по водным маршрутам первопроходцев Российской Арктики и Сибири, собраны интересные материалы по этнографии коренного населения, истории и современному состоянию традиционного судоходства и судостроения, морской и речной обстановке. Все материалы экспедиций зафиксированы в дневниках участников. Подготовлены к печати материалы отчета и исследований сотрудников МАКЭ [13], опубликован один дневник участника навигационного эксперимента [14],

Из дневниковых записей участников навигационного эксперимента можно сделать ряд выводов.

- Реконструированные кочи – суда валкие, но остойчивые. Сильная волна поднимает их, но не захлестывает, раскачивает, но не опрокидывает.

- Кочи С. И. Дежнева должны быть с малой осадкой и не длиннее 14-ти метров, иначе их трудно снимать с бесчисленных мелей.

- Кочи С. Дежнева могли ходить не только при попутном ветре (фордевинд и бакштаг), но и при боковом (галфвинд). Теоретически кочи с учётом дрейфа могли идти при угле ветра относительно курса до 60°, следовательно, в XVII в. суда с прямым вооружением могли осуществлять движение как на восток, так и на запад.

- Полученный опыт и практические результаты позволяют сделать вывод о возможности использования традиционных малых судов для освоения Сибири, арктических побережий и открытия Берингова моря [15].

Клуб «Полярный Одиссей» и МАКЭ начали комплексно на практике решать вопросы и изучали материальные артефакты, технологии судостроения и особенности судоходства и маршруты поморов – арктических первопроходцев. Из результатов всех экспедиций в Арктике можно согласиться с выводом участника о значении навигационных экспериментов на кочах по маршрутам первопроходцев: «Великие географические открытия нужно время от времени “совершать заново”, чтобы подтверждать право потомков наследовать освоенную предками территорию. Арктика – духовное измерение России. Проникновение чужеродных сил извне может быть чрезвычайно разнообразным: духовным, культурным, экономическим и политическим» [16].

Совместная работа клуба «Полярный Одиссей» и МАКЭ доказала, что, объединив усилия научных работников, мастеров-корабелов и мореходов, можно заполнять белые пятна истории нашего флота. Для развития Программы историко-навигационных экспериментов МАКЭ и клуба «Полярный Одиссей» за 40 лет были воссозданы и возвращены в реальную жизнь более 30 различных исторических судов, совершивших морские экспедиции, о которых рассказывают сотни статей в российских и зарубежных СМИ, около 80-ти документальных фильмов и телевизионных сюжетов. Опыт первых в стране историко-навигационных экспериментов на коче «Помор» и дальнейшей работы клуба «Полярный Одиссей» показывает, что историческое судостроение позволяет сохранить традиции судоходства и создаёт новые возможности для развития историко-культурных маршрутов водного туризма. Все эти годы МАКЭ изучает природное историко-культурное наследие русского и коренных народов Русского Севера и Российской Арктики, собирает новые сведения о традиционном судостроении и судоходстве. В результате работы МАКЭ по изучению истории судоходства Институт Наследия под общей редакцией д.и.н. А.В.Окорокова издал 3-томный труд «Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Экспедиции на репликах различных исторических судов, повторяющие традиционные маршруты соответствующего периода истории.

[2] Буторин, Д. А., Воробьев, Б. Т. Мангазейский ход. – Москва : Молод. гвардия, 1970. – С. 24.

- [3] *Дмитриев, В. Л.* Опыт морского клуба «Полярный Одиссей» по строительству реплик старинных судов и экспериментальных плаваний на них // Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России. Т. 2 / под общ. ред. А. В. Огорокова. – Москва : Ин-т Наследия, 2021. – С. 46–65.
- [4] Мурманское высшее инженерное морское училище.
- [5] Полярный архив. Труды МАКЭ. Т. 1. / под общ. ред. П.В.Боярского. – Москва : Ин-т Наследия, 2021. – С. 284–324.
- [6] *Дмитриев, В. Л.* Указ. соч. С. 47–48.
- [7] *Дмитриев, В. Л.* Указ. соч. С. 53.
- [8] *Чулков, Н. О.* Экспедиция на Новую Землю под начальством Розмыслова в 1768–1769 гг. – Архангельск : Губ. тип., 1898. – 55 с.
- [9] *Дмитриев, В. Л.* Указ. соч. Там же. – информация о первом плавании коча «Помор».
- [10] *Буторин, Д. А., Воробьев, Б. Т.* Указ. соч. С. 167.
- [11] *Наумов, Ю. М.* «Колумбы российские». Некоторые сведения и результаты экспедиции на коче «Помор» в Арктике и Русской Америке // Традиционное судостроение как часть культурного наследия народов России. Т.2. С. 128–177.
- [12] Информация о деятельности морского клуба «Полярный Одиссей» и Морского историко-культурного центра представлена на сайте Музея «Полярный Одиссей». – URL: <https://polar-odyssey.org/> (дата обращения: 01.05.2025).
- [13] *Рябиков, В. Н.* Отчёт по экспедициям 2011–2013 гг. // Архив МАКЭ.
- [14] *Матонин, В. Н.* Кочевой дневник. – Архангельск : Тов-во Сев. Мореходства, 2020. – 198 с.
- [15] *Рябиков, В. Н.* Указ. соч.
- [16] *Матонин, В. Н.* Указ. соч.

ON THE ISSUE OF HISTORICAL AND NAVIGATIONAL EXPERIMENTS ON THE KOCHAS OF THE MACE AND THE POLAR ODYSSEY CLUB

Naumov Yuri Mikhailovich,

Deputy Head of the Marine Arctic Complex Expedition Center,
Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article is devoted to the issues of organizing and conducting historical and navigational experiments aimed at studying traditional Pomor shipbuilding and navigation. The experiments of the Russian maritime club "Polar Odyssey" and the Marine Arctic Complex Expedition (MACE) are considered. Particular attention is paid to the first domestic replica of the Pomor koch – the vessel "Pomor", built in 1987 by the club "Polar Odyssey".*

Key words: *Marine Arctic Complex Expedition, MACE, Polar Odyssey, historical and navigational experiment, Pomor, Pomor koch.*

© Наумов, Ю.М., текст, ил., 2025
Статья поступила в редакцию 10.05.2025.

Ссылка на статью:

Наумов, Ю. М. К вопросу историко-навигационных экспериментов на кочах МАКЭ и клуба «Полярный Одиссей». – DOI 10.34685/HI.2025.44.40.024. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 2. – С. 18-26. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/703.html&j_id=64.

**РОЛЬ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ
В ВОИНСКОМ ВОСПИТАНИИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ РУССКОЙ АРМИИ
В ПЕРИОД ВОЕННЫХ РЕФОРМ (1855-1914 ГГ.)**

DOI 10.34685/ИИ.2025.28.78.022

Пряхин Юрий Владимирович,
начальник факультета Военного университета
имени князя Александра Невского (Москва)
Email: YUPryahin@mail.ru

Аннотация. В статье раскрываются роль и место системы военного судопроизводства, военной прокуратуры, военной полиции и военно-исправительных учреждений в системе воинского воспитания военнослужащих в русской армии середины XIX – начала XX в. Комплексное исследование рассматриваемой проблемы на основе архивных документов и материалов раскрывает реальное состояние дисциплинированности военных чинов того времени, изучить дисциплинарную войсковую практику, выяснить, насколько работа по воинскому воспитанию, наведению порядка в армии была систематизирована, логична и адекватна уровню развития общественных отношений в Российском государстве.

Ключевые слова: военное судопроизводство, военное строительство, военная прокуратура, военная полиция, военно-исправительные учреждения, воинская дисциплина, воинское воспитание, боевой дух, офицеры, нижние чины.

Значительный вклад в обеспечение законности, порядка и организованности в войсках вносили правоохранные органы – военные суды, военная прокуратура, военная полиция и военно-исправительные учреждения.

К середине XIX в. военное судопроизводство России прошло долгий путь своего становления и исторического развития. Первые упоминания о военных судах относятся к началу XVII в., когда регулярной армии на Руси еще не было, а имелись лишь два воинских формирования – стрелецкие и пушкарские полки (с 1550 г.) В мирное время стрельцов и пушкарей, как и других российских подданных, за совершенные преступления судили в «приказах». В случае объявления «сбора на войну» и с момента начала войны большая часть активного мужского населения рекрутировалась в армию, становилась ратниками. За совершенные правонарушения ратники отвечали уже не перед «приказами», а судились воеводским судом или назначенным им судом полковых судей (для стрельцов – судом стрелецких сотенных голов). Поскольку в армии вся полнота власти, в том числе судебной, принадлежала командованию, то и эти суды состояли из лиц, назначаемых соответствующими военачальниками [1, с. 5].

Возникновение военных судов было обусловлено необходимостью осуществления судебной власти в армии, особенно в период военных действий и иных чрезвычайных ситуаций. В дальнейшем это предназначение военных судов сохранялось, а их развитие происходило одновременно со становлением других государственных органов и военной организации страны под воздействием общих детерминирующих исторических факторов.

До середины XIX века в Российской армии существовала система судопроизводства, заложенная ещё Воинским уставом 1716 г., в котором содержалась специальная глава «О суде и судиях» [2, с. 203]. Руководство учрежденными Петром I военными и военно-морскими судами первоначально осуществляли главные военно-административные органы – Военная (Сухопутная) и Адмиралтейская коллегии, а в дальнейшем – их структурные подразделения (палаты, части), которые в последующем неоднократно переименовывались (Аудиторский Департамент, Генерал-Аудиториат, Главный военный и Главный военно-морской суды, Главное военно-судное управление).

Воинским уставом 1716 г. были предусмотрены *коллегиальные военные суды* трех видов: высший (генеральный) суд для рассмотрения дел о важных государственных преступлениях, совершенных высшими военными чинами; низший (полковой) суд для рассмотрения преступлений (кроме имевших важное государственное значение), совершенных всеми офицерами и нижними чинами; «скорорешительный суд» – для условий военного времени в случаях, не терпящих отлагательства.

Низшие (полковые) суды не являлись постоянными органами, а назначались временно для рассмотрения того или иного конкретного дела. Состав их также определялся в зависимости от обстоятельств дела. Для производства военно-судных дел назначались аудиторы, которые состояли при всех воинских частях, где положено иметь суды. Аудиторы занимались делопроизводством, а также обязаны были строго наблюдать за точным соблюдением закона в суде. Военные суды того времени также назывались военно-судными комиссиями.

В 1806 г. создаются особые правила о сокращённом производстве по малозначительным правонарушениям. Было принято решение: по малозначительному проступку комиссию военного суда не созывать, а их допрашивать аудитор при одном штаб-офицере и двух обер-офицерах. Таковой порядок сокращённого производства для малозначительных дел держался более 50 лет, не подвергаясь каким-либо значительным изменениям.

В 1863 г. следственные комиссии в прежнем составе (один штаб-офицер, два обер-офицера и аудитор) получили название судов дисциплинарных, которые наряду с военно-судными комиссиями просуществовали до 1890 г. параллельно с военно-окружными судами и полковыми судами, учреждёнными в 1867 г. Они упразднялись по мере введения новых судов в различных военных округах и в отчётах проходили в разделе «прежний порядок судопроизводства».

15 мая 1867 г. Александром II был утверждён Устав Военно-Судебный [3], согласованный в основных положениях с Судным Уставом от 20 ноября 1864 г., причём отступления от последнего допускались только в том случае, если это оправдывалось необходимостью или пользой военной службы. В приказе по военному ведомству отмечалось: «Вместе с утверждением новых уставов по гражданскому ведомству Государь Император в виде отеческой заботливости о благосостоянии армии признал за благо распространить и на военные суды те же благотворительные начала гласного и устного судопроизводства, которые введены в судах гражданского ведомства, с тем, однако, чтобы начала сии были согласованы с требованиями воинской дисциплины и другими условиями военной службы». Устав вводился в действие по округам в течение более двух десятилетий [4, с. 25].

Постепенно и поэтапно в соответствии с Уставом 1867 г стала создаваться и новая отечественная военно-судебная система. Она включала полковые суды, военные суды (военно-окружные и временные) и Главный военный суд с двумя его отделениями – в Сибири и на Кавказе. Устав определил, что судебная власть в военном ведомстве принадлежит указанным судам, которые должны были действовать как установления коллегиальные. Полковые и военно-окружные суды являлись судами первой инстанции и рассматривали дела по существу. Главный военный суд был судом второй инстанции, решал дела по кассационным жалобам и протестам прокуроров. Он также должен был наблюдать «за охранением точной силы закона и за единообразным его исполнением военными судами».

В составе Военного министерства были созданы Главное военно-судебное управление и Главный военный суд. Главный военный суд являлся высшей военно-судной частью. Ведомству главного военного суда подлежали:

- 1) дела по кассационным жалобам и протестам;
- 2) дела по частым жалобам и протестам;
- 3) дела по просьбам и представлениям о пересмотре по вновь открывшимся обстоятельствам приговоров, вошедших в законную силу;
- 4) дела о предании суду в определённых случаях;

- 5) обсуждение законодательных вопросов, относящихся до военно-судной части и до законов о наказаниях;
- 6) дела о дисциплинарных взысканиях с лиц военно-судебного ведомства.

При каждом военном округе (с 1864 г. в соответствии с «Положением о военных округах» вся территория России делилась на 15 военных округов) функционировали военно-окружные суды, которым принадлежало право окончательного утверждения приговоров суда, которые могли быть обжалованы лишь в кассационном порядке. Военно-окружные суды состояли из постоянных (председатель суда и военные судьи) и временных членов. Должности председателей и постоянных членов военно-судебных мест, в том числе военных следователей, а равно делопроизводителей и секретарей и их помощников замещались не иначе, как из числа лиц, окончивших курс юридических наук или же доказавших на службе свои познания по судебной части.

Военным судам были подведомственны дела о генералах, штаб и обер-офицерах и чиновников военного ведомства; о нижних чинах, пользующихся особыми правами и преимуществами, по преступлениям, влекущим за собою, по закону, лишение или ограничение этих прав и преимуществ; о нижних чинах, не пользующихся особыми правами преимуществами, – по преступлениям, влекущим за собою, по закону, отдачу в военно-исправительные роты и другие более тяжкие наказания; обо всех вообще лицах, за преступления до нарушения законов дисциплины и военной службы, когда в нарушении этом вместе с военнослужащими участвуют лица гражданского ведомства и др.

Приговор военно-окружного суда мог быть опротестован прокурором в Главный военный суд, но лишь в той части, в которой суд не согласился с заключением прокурора, сделанным в суде. Членами военно-окружного суда считались военные следователи, которые назначались на каждый военный округ в соответствии со штатом и распределялись по разным местам расположения войск командующим округа по представлению председателя военно-окружного суда.

Общий надзор за военно-судебными местами лежал на военном министре, который был вправе за недостатки и упущения по службе (не в связи с судебной деятельностью) наложить на виновных чинов военно-судебного ведомства дисциплинарные взыскания в виде замечания или выговора. Он мог лично произвести ревизию в любом военном суде либо поручить это подчиненному ему Главному военному прокурору или одному из должностных лиц военно-судебного ведомства. Военные суды комплектовались из офицеров, генералов и чиновников военного ведомства, «русского подданства, с безупречной репутацией».

Права и привилегии, принадлежавшие военнослужащим, распространялись и на должностных лиц военно-судебного ведомства. Они носили присвоенную военнослужащим форму одежды, имели офицерские и генеральские чины, наравне с военнослужащими награждались орденами и другими знаками отличия. При командировках получали «прогонные» (в оба конца), суточные и квартирные, а при переводах в другую местность (без их на то просьбы), кроме подъемных, – от 150 до 500 руб. в зависимости от расстояния. Председателям и постоянным членам военно-судебных мест ежегодно предоставлялось три месяца «вакантного времени».

Чинам военно-судебного ведомства выплачивались высокие должностные оклады, слагавшиеся из собственно жалованья, квартирных и столовых денег. Так, например, председатель Главного военного суда получал в год – 6650 руб., а члены этого суда – 5250 руб., председатель военно-окружного суда – 5250 руб., члены суда – 3000 руб. С учетом высокой покупательной способности русского рубля по тем временам это были весьма значительные суммы.

В общей системе воздействия на нарушителей воинской дисциплины наиболее значимое место занимали полковые суды, так как они занимались разбирательством дел по нижним чинам – самого многочисленного отряда военнослужащих Российской армии. Военно-судебный устав 1867 г. предусматривал учреждения полковых судов при каждом полку и части, начальник которой пользовался правами полкового командира.

Полковые суды могли рассматривать дела обо всех нижних чинах в случае совершения ими преступлений и поступков, за которые по закону могли налагаться только исправительные наказания,

не влекущие за собою для лиц, пользующихся особыми правами и преимуществом, – лишения или ограничения этих прав и преимуществ, а для лиц, которые не пользовались такими правами и преимуществами, – отдачи в военно-исправительные роты и другие тяжкие наказания [5].

Полковой суд состоял из трех человек: председателя из числа штаб-офицеров и двух членов из числа обер-офицеров, назначаемых командиров полка. Председатель суда назначался на один год, члены – на шесть месяцев, а делопроизводитель – на два года [6, ст. 9, 10, 12, 13, 14]. Ближайший надзор за порядком производства в полковом суде возлагался на председателя суда. Высший надзор за безостановочным движением и за правильным производством дел в полковом суде, а также за рассмотрением, подаваемых на действие суда жалоб, принадлежали полковому командиру.

Дела в полковом суде могли назначаться только по распоряжению командира того полка, при котором был суд. Распоряжения полкового командира о предании обвиняемого полковому суду обжалованию не подлежали [6, ст. 317-319]. Вопрос о вине и невиновности полковой суд решал по своему внутреннему убеждению, основанному на совокупности обстоятельств, обнаруженных при судебном разбирательстве [6, ст. 351-355]. Приговор полкового суда утверждался командиром полка, при котором этот суд был учрежден. При несогласии с решением полкового суда командир полка представлял дело со своим мнением в военный суд и извещал об этом полковой суд.

Жалобы подсудимых на утвержденные командиром полка приговоры полковых судов не допускались, и эти приговоры приводились в исполнение немедленно. Приговоры полковых судов объявлялись приказом по полку или той воинской части, где состоял на службе подсудимый, а начальнику этой части направлялась копия приговора.

В отношении нижних чинов, пользующихся особыми правами состояния и не состоящих на срочной службе, полковой суд мог применить следующие виды наказаний: содержание на гаупвахте без всякого ограничения прав и преимуществ по службе на срок от 1 до 4 месяцев; дисциплинарные взыскания по Положению об охране воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных; денежные взыскания.

Что же касается нижних чинов, состоящих на срочной службе, и всех других нижних чинов, не пользующихся особыми правами состояния, то на них налагались следующие виды наказаний: одиночное заключение в военной тюрьме на срок: 1 степени – от 4 месяцев и 2 недель до 6 месяцев; 2 степени – от 3 месяцев до 4 месяцев и 2 недель; 3 степени – от 2 месяцев и 2 недель до 3 месяцев; 4 степени – от 2 месяцев до 2 месяцев и 2 недель; 5 степени – от 1 до 2 месяцев; дисциплинарные взыскания по Положению об охране воинской дисциплины и взысканиях дисциплинарных; денежные взыскания: лишение нашивок за беспорочную службу с переводом в разряд штрафованных; перевод в разряд штрафованных; наказание розгами от 50 до 200 ударов взамен одиночного заключения в военной тюрьме в зависимости от степени. Это наказание было отменено в 1904 г.

В начале 1882 г. снова была начата работа по пересмотру и частичному изменению Военно-Судебного Устава с целью возможно большего согласования военно-уголовного правосудия с требованием военной службы и дисциплины, более удобного пользования уставом, особенно в тех случаях, когда военные начальники должны были действовать самостоятельно, без помощи чинов военно-судебного ведомства, а также в интересах ускорения производства дел в военных судах.

Составленный по этому поводу проект Военно-Судебного устава был внесен на окончательное обсуждение особой комиссии из членов Главного Военного суда и военных начальников под председательством генерал-адъютанта Гурко и был высочайше утвержден по разделам в 1883-1885 гг. Новый Военно-Судебный устав имел ряд изменений. Так, было признано необходимым расширить подсудность в отношении некоторых воинских преступлений, чтобы обеспечить более быстрое судопроизводство по этим преступлениям, которые были очень важны с военной точки зрения, но в тоже время несложны с юридической точки зрения. Судебная власть полковых судов была распространена и на военное время. Полковым судам предоставлялось право направлять подсудимых за некоторые воинские преступления в дисциплинарные батальоны на срок от 1 года до 3 лет с потерей некоторых прав и преимуществ по службе и с переводом в разряд штрафованных (для нижних чинов, которые не пользуются особыми правами состояния).

Из подсудности полковых судов были изъяты некоторые преступления, хотя и влекущие за собой наказание не свыше направления в дисциплинарные батальоны, но по характеру и сложности требовавшие более внимательного рассмотрения. К ним относились: вызов начальника на поединок (ст. 99), ропот против распоряжения начальства (ст. 108), нанесение подчинённым побоев (ст. 108), оскорбление начальника на словах, на письме или в печати или же неприличным действием (ст. 97) и т.д. Наказания, сопряжённые с отдачей в дисциплинарные батальоны, были приравнены к наказаниям, соединённым с одиночным заключением в военной тюрьме, т.е. потерей некоторых прав и преимуществ на службе. Для более удобного пользования статьями Военно-Судебного Устава, касающихся полковых судов, эти статьи были выделены в особую «Инструкцию полковым судам» [7].

Следует отметить, что рассмотренная нами система военных судов соответствовала мирному времени. В военное время создавались военно-полевые и Главный военно-полевой суды.

Наиболее масштабная работа по осуществлению правосудия проводилась в полковых судах, где рассматривалось приблизительно 80% от всех военно-судебных дел. Количество военно-судебных разбирательств в полковых судах по мере приобретения опыта, увеличения оперативности разбирательств, увеличения численности армии, ухудшения политической обстановки в течение исследуемого периода постоянно увеличивалось. Так, полковыми судами в 1867-1874 гг. в среднем за год рассматривалось 6600 дел, в 1875-1881 гг. – 7817 дел, в 1882-1903 гг. – 10713 дел, в 1904-1912 гг. – 23891 дело.

Изучение результатов деятельности военных судов позволяет проанализировать состояние дисциплины в исследуемый период, его динамику и закономерности. До 1874 г. введение нового дисциплинарного законодательства, новой системы военных судов, отмена шпицрутенов не внесли существенных изменений в статистику преступлений среди нижних чинов. Более того, число осужденных в этот период постепенно начало увеличиваться, хотя численность армии, начиная с 1864 г. сокращалась. В 1861 г. было приговорено к наказаниям 8503 чел., в 1862 г. – 7714 чел., в 1864 г. – 14 872 чел., в 1868 г. – 22 431 чел. Количество подсудимых, виновных в дерзости против начальства, в неповиновении и нарушении чинопочитания в эти годы колебалось от 6 до 9 процентов [8, с. 66].

Ситуация объективно потребовала новых изменений, ибо существующий способ комплектования армии вошёл в противоречие с демократическими тенденциями в обществе, что негативно сказывалось на состоянии воинской дисциплины. Введение в 1874 г. всеобщей воинской повинности благотворно отразилось на морально-психологическом климате в войсках. Появилась возможность уменьшить строгость наказаний без опасения нарушить дисциплину и порядок в армии. Суды стали давать достаточно много оправдательных приговоров, в том числе и в отношении нижних чинов.

Анализ судебной практики в 1872-1880 гг. показывает тенденцию к смягчению приговоров за такие нарушения воинской дисциплины, как преступления, связанные с нарушением воинского чинопочитания и подчинённости. Доля нижних чинов, судимых за нарушения воинского чинопочитания и подчинённости, весьма существенно уменьшилась с 0,4% в 1872 г. до 0,23% в 1880 г., то есть показатели улучшились на 42%. В это же время с 7,4% в 1872 г. до 11,8% в 1880 г. (то есть на 42%) увеличивается удельный вес оправдательных приговоров. Этому способствовало наличие в Воинском уставе о наказаниях статьи, которая предписывала уменьшение наказания нижнего чина на две ступени в случаях, когда проступок был вызван «жёстким» и «унизительным» обращением к подчинённому со стороны начальника [9, с. 89].

Увеличение числа оправдательных приговоров, по нашему мнению, свидетельствовало о стремлении государственного и военного руководства при рассмотрении дел в полковых судах обеспечить принцип справедливости в отношении нижних чинов. Работа полковых судов способствовала повышению уровня правовой защищённости простого солдата, объективно подталкивала строевых командиров к более тщательной, аргументированной позиции в случае привлечения подчинённых к судебной ответственности. В складывающихся условиях у командиров становилось меньше возможности вершить произвол.

Важно также отметить, что сразу же после введения всеобщей воинской повинности потеряла свою остроту проблема побегов, значительно сократилось количество военнопленных, переводимых в

разряд штрафованных. Число бежавших в 1872-1875 гг. уменьшилось по сравнению с 1867-1869 гг. почти в 2 раза. Это произошло во многом по причине того, что резко сократились сроки службы нижних чинов и улучшилось качество призывного контингента. Военное ведомство даже прекратило публиковать списки воинских частей и соединений с минимальной и максимальной убылью личного состава [10, с. 26].

В этот период уменьшается количество военнослужащих, привлеченных к уголовной ответственности, продолжался процесс сокращения и числа телесных наказаний, что свидетельствовало о постепенном отказе от «палки» как главного средства поддержания дисциплины.

Если в 1872 г. к смертной казни, к каторжным работам или ссылке были осуждены 137 нижних чинов, то в 1880 г. был вынесен 61 подобный приговор. Это наглядно показывает, что количество телесных наказаний за преступления, связанные с нарушением чинопочитания нижними чинами, уменьшилось в 1880 г. по сравнению с 1872 г. почти в 20 раз.

Снижение преступности в армии было достигнуто благодаря политической воле и мудрости тогдашней государственной власти – императора Александра II и его «команды». Новые порядки в армии стали соответствовать ожиданиям большей части военнослужащих. После 1881 г. в условиях контрреформы, потребовавшей более жестких мер (наделение полковых судов правом отправлять провинившихся в дисциплинарные батальоны, перевод в военно-окружные суды из полковых дел, связанных с чинопочитанием), общее количество осужденных за проступки стало постепенно увеличиваться: 1885 г. – 14501 чел., 1890 г. – 15388 чел., 1895 г. – 14696 чел., 1900 г. – 16904 чел.

С 1905 г. происходит уже лавинообразное увеличение числа правонарушений (1905 г. – 25413 чел., 1910 г. – 36856 чел.). 19 августа 1905 г. в местностях, объявленных на военном положении «Высочайшим повелением», были образованы военно-полевые суды, которые просуществовали до 20 апреля 1907 г. Судебная репрессия была обращена против лиц, схваченных на месте преступления или взятых с поличным. Отсюда крайне упрощенный порядок судопроизводства и жестокие наказания виновных.

За восемь месяцев своего существования военно-полевые суды вынесли свыше 1000 смертных приговоров. Предварительного следствия по делам такого рода не проводилось, рассматривались они в закрытом судебном заседании, без участия обвинения и защиты. Вся процедура от ареста до исполнения приговора занимала не более 48 часов. Приговор приводился в исполнение в тот же день. Сам факт предания суду, как правило, уже предопределял для обвиняемых смертную казнь.

Не следует забывать, что это происходило в пик революционных событий 1905 г., сопровождавшихся во многих случаях убийствами «чинов охраны и полиции», террористическими актами в отношении высокопоставленных должностных лиц, поджогами помещичьих имений и массовыми беспорядками. С упразднением военно-полевых судов некоторые их функции (прежде всего – связанные с рассмотрением дел о массовых беспорядках и некоторых видах насильственных преступлений) перешли к военно-окружным судам. По таким делам были сокращены процессуальные сроки, упрощена судебная процедура, ужесточены наказания. Не случайно количество смертных приговоров оставалось значительным вплоть до 1910 г. Так, в 1907 г. было осуждено к смертной казни 1139 чел., в 1908 г. – 1340 чел., в 1909 г. – 717 чел.

В 1910 г. полковыми, временными военными и военно-окружными судами было вынесено наибольшее число приговоров по следующим видам преступлений и проступков:

- нарушение воинского благочиния и ограждающих оное постановлений (неоднократные случаи пьянства и других малозначительных проступков) – осуждено 4503 военнослужащих (12,8% от общего числа осужденных);
- нарушение воинского чинопочитания и подчинённости (неповиновение, неисполнение приказаний начальника, нарушение чинопочитания против начальников из нижних чинов, вызов начальника на поединок, избиение подчиненных и т.д.) – осуждено 4913 военнослужащих (13,3% от общего числа осужденных);

- побег, самовольная отлучка и неявка в срок на службу – осуждено 8464 военнослужащих (30% от общего числа осуждённых);

- преступления против собственности частных лиц (кража простая, кража со взломом и т.д.) – осуждено 6409 военнослужащих (17,4% от общего числа осуждённых).

Таким образом, исследуя механизмы и результаты функционирования системы военного судопроизводства, мы можем заключить, что в исследуемый период военные суды были неотъемлемой частью общей системы воинского воспитания военнослужащих, поддержания и укрепления дисциплины в войсках.

Важное место в поддержании законности и правопорядка в войсках в исследуемый период занимала *военная прокуратура*. 22 (12) января 1722 г. Пётр I учредил институт прокуратуры как высший надзорный орган государства. В пункте 4 Указа повелевалось: «Быть при Сенате генерал-прокурору и обер-прокурору, а также во всякой коллегии по прокурору» [11, с. 111].

Судебная реформа 1864 г. существенно ограничила функции прокуратуры как органа надзора и как органа управления. По словам А. Градовского, «генерал-прокурор сам собою превратился в министра юстиции и утратил, следовательно, своё прежнее значение» [12, с. 239, 286]. Основными функциями прокуратуры, которая входила в состав судебного ведомства и подчинялась министру юстиции, согласно данной реформе, было уголовное преследование.

Несколько иначе обстояло дело в армии. В ходе военно-судебной реформы 1867 г. Указом Александра II была введена должность главного военного прокурора, который подчинялся не генерал-прокурору, а военному министру. С подчиненным ему штатом сотрудников (товарищи, их помощники), с одной стороны, он возглавлял Главное Военно-судное управление, а с другой, состоял при главном военном суде (но не входил в его состав). На правах начальника Главного управления Главный военный прокурор заведовал перепиской военного министра по военно-судной части.

Первым Главным военным прокурором стал бывший генерал-аудитор Русской армии действительный тайный советник В.Д.Философов. Под его руководством были составлены Воинский устав о наказаниях и Дисциплинарный устав (1869 г.), создана Военно-юридическая академия, введен военно-прокурорский надзор в войсках. В систему военной прокуратуры входили военные прокуроры при военно-окружных судах, военных судах фронтов, армий и корпусов. Штатное число чинов прокурорского надзора в Вооруженных силах составляло 84 человека. Из них 9 военных прокуроров военных округов и 75 помощников военных прокуроров.

Анализ содержания Военно-судебного Устава и Инструкции по военно-прокурорскому надзору военно-окружных судов показывает, что основными функциями военно-прокурорского надзора являлись: надзор за производством дознания и предварительного следствия; поддержание обвинения по уголовным делам; опротестование приговоров военно-окружных и временных военных судов; проверка правильности решений полковых судов; надзор за законностью содержания лиц в местах заключения военного ведомства, местах пребывания военно-окружного суда, в местах открытия временных судов. Однако сами суды не входили в сферу прокурорского надзора. Прокуроры лишь могли в случае необходимости информировать «по инстанции» о ставших им известными тех или иных недочетах в деятельности военных судов.

В рассматриваемый период была создана довольно эффективная система контроля за деятельностью полковых судов. Циркулярным предписанием военного министра № 6824 от 19 ноября 1884 г. на чинов военной прокуратуры и военных судей была возложена обязанность просматривать часть дел, окончательно решённых полковыми судами [13]. Военно-прокурорский надзор должен был просматривать следующие дела:

- по обвинению подсудимых в преступлениях, за которые по закону полагалась отдача в дисциплинарные батальоны;

- по которым полковым судам были приняты оправдательные приговоры по невменяемости подсудимого;
- решенные полковыми судами за какой-либо двухмесячный период в году по назначению командующего войсками округа.

Первые две категории дел должны были отсылаться немедленно в военно-прокурорский надзор для просмотра при обращении приговора к исполнению, дела последней категории отсылались в прокурорский надзор в январе месяце следующего за отчётным годом. Военно-прокурорский надзор после просмотра дел составлял свод замечаний о допущенных полковыми судами нарушениях. Затем эти замечания объявлялись в приказах по округу (4 раза в год – по истечении каждой трети и особо за двухмесячный период).

В случаях, указанных в статьях 700-702 Военно-Судебного Устава (т.е. осуждение за преступление или проступок, которые не совершались, открытие подложности документов или лживости показаний, утверждение полковым командиром приговора по делу, не подсудному полковому суду и др.), военные прокуроры входили к военному начальству с представлением о возбуждении ходатайства о возобновлении дел. Такие ходатайства в первый год действия новых правил (1885 г.) были возбуждены по 110 из 2000 просмотренных дел (т.е. 5,5%), но затем число таких ходатайств постепенно уменьшалось, и в 1894 г. они были возбуждены всего 42 из просмотренных 2722 дел, что составляло всего 1,5% из числа просмотренных дел.

Значительный объем работы по поддержанию воинской дисциплины и порядка в войсках, защите местного населения от притеснений со стороны военных выполняли подразделения *военной полиции*. В 1792 г. в Гатчине в войсках, подчинённых наследнику престола Павлу Петровичу, были созданы жандармские команды, которые существовали до 1796 г. и выполняли функции военной полиции. В связи с учреждением «Третьего отделения» собственной его императорского величества канцелярии (1826 г.) жандармерия (в неё входили части полевой и крепостной жандармерии) в 1827 г. была объединена в Корпус жандармов (с 1836 г. – Отдельный корпус), подчинённый главному начальнику «Третьего отделения» как шефу жандармов. Аппарат корпуса жандармов был исполнительным органом «Третьего отделения», а после его упразднения в 1880 – департамента полиции министерства внутренних дел.

В середине XIX в. – начале XX в. жандармерия была наиболее могущественной организацией в системе полицейских учреждений. Она осуществляла политический сыск и следствие по делам о «государственных преступлениях», боролась с массовым крестьянским и рабочим движением, препровождала особо опасных преступников и арестантов, руководила поимкой беглых крепостных (до отмены крепостного права), дезертиров, уголовных преступников, следила за настроениями в различных слоях населения, а также осуществляла наблюдение за порядком на железных дорогах и визирование паспортов на границах.

В состав жандармерии входили полевая жандармерия и крепостная жандармерия, которые осуществляли функции военной полиции. Полевая жандармерия была подчинена штабам военных округов и состояла из одной гвардейской и шести армейских полевых жандармских эскадронов [14, с. 54].

К 1910 г. военная полиция в составе жандармерии перестала существовать. Новым Уставом внутренней службы (1910 г.) командирам воинских частей предписывалось для охранения и наблюдения за порядком в лагере, надзором «за торговцами и другими посторонними лицами» назначать офицеров и нижних чинов, которые в своей деятельности должны были руководствоваться Наставлением для военно-полицейской службы в отдельных частях войск [15].

С ограничением применения телесных наказаний в Российской армии военное министерство приступило к устройству особых мест заключения для воинских чинов, приговоренных судом к исправительным наказаниям. Ещё в 1823 г. по распоряжению императора Александра I для отбывания наказания военнослужащими, совершившими уголовные и воинские преступления, были созданы *арестантские роты*. В них строгий режим содержания сочетался с принудительным тяжелым трудом. Арестанты использовались на самых тяжелых работах в каменоломнях, а также при постройке крепостей и защитных береговых сооружений. При императоре Николае I арестантские роты стали

использоваться в качестве мест заключения и для гражданских лиц, совершивших тяжкие уголовные преступления.

В одной из таких арестантских рот отбывал наказание за участие в тайном политическом обществе Петрашевского будущий известный русский писатель Ф.М.Достоевский. Свое пребывание в ней он описал в книге «Записки из мертвого дома». В конце 1830-х гг. в России имелось 55 арестантских рот в 33 городах [16, с. 216].

После Крымской войны в ходе либеральных реформ императора Александра II данный институт не получил своего закрепления в войсках. Более того, штрафованные, как докладывал царю военный министр Д.А. Милютин, «стали совершать новые преступления собственно с той же целью, чтобы освободиться от роты, предпочитая ей каторжную работу» [16, с. 220]. Приказом Военного министерства №183 в 1967 г. было введено «Положение о военно-исправительных ротах, о военных тюрьмах и о крепостном военно-арестантском отделении» [17, с. 11-12]. Нижние чины, приговоренные к отдаче в военно-исправительные роты, не исключались из военного ведомства, но время пребывания в этих ротах не зачислялось в срок службы. Исправительные роты, как и военные тюрьмы, представляли собой военно-пеницитарные учреждения, но лишь приспособленные к более продолжительным срокам заключения. В 1875 г. в России было 19 военно-исправительных рот.

В соответствии с новым Воинским уставом о наказаниях, изданным в 1875 г., предписывалось заключать в военно-исправительные заведения военного ведомства лишь тех, кто совершил преступления служебные. Все же другие нижние чины, осужденные за общие преступления, немедленно после приговора должны были «исключаться из военного ведомства и передаваться гражданскому начальству для поступления с ними на основании общих законов».

С изменением контингента лиц, сдаваемых в военно-исправительные роты военного ведомства, пришлось изменить и сам характер этих заведений. Особое совещание, учрежденное царем, пришло к выводу о необходимости преобразования военно-исправительных рот в особые дисциплинарные части – батальоны и роты. К 1881 г. в армии уже было сформировано 6 дисциплинарных батальонов.

Дисциплинарные части имели совершенно иное назначение, чем военно-исправительные роты. Они должны были наказывать не порочного человека, а конкретного солдата, нарушившего условия военной службы. Главная цель дисциплинарных частей – поставив провинившегося в более суровые условия военной службы, приучить его «к требованиям дисциплины и обязанностям строевой службы».

Отправка в дисциплинарные батальоны (роты и команды) производилась по приговорам военно-окружных и полковых судов. Как наказание самостоятельное, оно сопровождалось только ограничением некоторых прав и преимуществ по службе и переводом в разряд штрафованных. Если же оно определялось в замену общего наказания, то влекло за собой лишение некоторых особенных, лично и по состоянию осужденного присвоенных прав и преимуществ [18].

Все дисциплинарные батальоны и дисциплинарные роты имели статус отдельных войсковых частей, организованных на одинаковых с войсковыми частями основаниях. Прибывшие для отбывания срока в дисциплинарные части именовались заключенными и носили одежду форменного военного покроя, а не арестантскую. Заключенные располагались в общем помещении казарменного типа. Казарма обносила оградой, ворота должны быть всегда на запоре; без особого разрешения никому из посторонних вход за ограду не дозволялся. Свидания допускались по общим тюремным правилам, притом «с крайней разборчивостью» и «сколь можно реже».

Заключенные обучались строю, гимнастике, фехтованию, стрельбе, Закону Божию и грамоте. Строевые занятия производились не только внутри, но и вне ограды. По усмотрению командующего войсками округа содержание караула при дисциплинарных частях могло быть возлагаемо на состав заключенных.

Порядок дня определялся расписанием; время, назначенное для отдыха, заключенные могли проводить в казармах или во дворе. Состоящие в разряде исправляющихся могли быть увольняемы за казарменную ограду одни, без конвоя, как для исполнения служебных поручений, так и по собственной

надобности. Тем, кто отличался особенно хорошим поведением и знанием службы, срок заключения мог быть сокращаем до 1/6 части. В отношении пищевого довольствия заключенных дисциплинарные батальоны, роты и команды были приравнены с войсковыми частями. Время, проведенное нижними чинами в дисциплинарных батальонах, ротах и командах, засчитывалось им в срок действительной службы.

До издания Положения 1892 г. в Российской армии было 4 дисциплинарных батальона (херсонский, воронежский, бобруйский и екатеринодарский) на 2900 заключенных и 2 дисциплинарные роты (иркутская и омская). С 1893 г. число дисциплинарных частей стало увеличиваться. К 1910 г. в стране имелось 6 дисциплинарных батальонов, 2 дисциплинарные роты и 1 дисциплинарная команда. К началу войны 1914 г. уже насчитывалось 9 дисциплинарных батальонов (анучинский, бобруйский, воронежский, дубненский, екатериноградский, иркутский, медведский, сретенский, херсонский) и 3 дисциплинарные роты (иркутская, омская, ташкентская) и одна дисциплинарная команда (оренбургская) [19].

Низшее исправительное наказание для нижних чинов всех категорий в России осуществлялось в военной тюрьме. Первые военные тюрьмы были учреждены в 1867 г. на началах строгого одиночного заключения, т.к. в основу их был положен принцип увеличения суровости наказания за счет продолжительности. По первоначальному положению осужденные обязаны были провести весь срок заключения безвыходно в своей камере. В 1875 г. высший срок заключения был сокращен с 6 до 4 месяцев [20, л. 381].

Заключенный проводил в своей камере и день и ночь, там же он работал и получал пищу. В случае болезни он отправлялся в госпиталь, но время пребывания в госпитале исключалось из срока заключения. Ежедневно все заключенные выводились из камер для физических упражнений (маршировка и гимнастика) и для прогулки. При всех мероприятиях в военной тюрьме было обязательным молчание. Свидания заключенным не дозволялись.

В 1880 г. в Москве для одиночного содержания военных преступников была построена тюрьма Лефортово. Предназначена она для нижних чинов, совершивших незначительные преступления. Содержали арестантов в камерах-одиночках. Кормили один раз в день. Никто ни с кем не разговаривал. Гробовая тишина, скудная пища и полное безделье доводили людей до иступления. Положением 1883 г. строгость одиночного режима была значительно смягчена. Накануне Первой мировой войны в Российской армии функционировали две военные тюрьмы и одна тюрьма для военных пересыльных.

Благодаря пеницитарной системе военного ведомства в России в армии и на флоте появился целый социальный слой людей, которых называли штрафованные. Они представляли особую категорию нижних чинов, ограниченных в служебных правах и подлежащих за проступки телесному наказанию. Перевод в разряд штрафованных в мирное время мог быть назначен только по суду, а в военное – в дисциплинарном порядке. Как наказание самостоятельное, оно составляло карательную меру для нижних чинов, не пользовавшихся особыми правами состояния за преступные деяния по службе. Как придаточное, оно присоединялось к отдаче в дисциплинарные части и к заключению в военной тюрьме. Перевод в разряд штрафованных сопровождался лишением унтер-офицерского или ефрейторского звания и права на получение прибавочного жалованья и знаков отличия.

Состоящие в разряде штрафованных могли быть подвергаемы в дисциплинарном порядке наказанию розгами до 50 ударов (а по суду при замене заключения в военной тюрьме – до 200 ударов). Они не производились в унтер-офицеры или ефрейторы, не несли почетный караул, не пользовались временными отпусками, не увольнялись в отставку на общем основании. Право исключения из разряда штрафованных по истечении не менее года предоставлялось командиру полка. Ранее года нижние чины могли быть прощаемы лишь в виде награды за храбрость в сражении или за другие отличные подвиги с разрешения командира корпуса в мирное время или начальника дивизии – в военное.

Таким образом, в исследуемый период правоохранительная деятельность осуществлялась через военные суды, военную прокуратуру, военную полицию и военно-исправительные учреждения.

Система военных судов вершила правосудие в армии. Военная прокуратура обеспечивала прокурорский надзор в войсках. Организация полицейской службы способствовала наведению уставного порядка в местах дислокации частей. Военнослужащие, уже совершившие воинские преступления, содержались в дисциплинарных подразделениях и военных тюрьмах.

Анализ статистики правонарушений позволяет сделать ряд выводов, характеризующих состояние воинской дисциплины в исследуемый период и особенности деятельности государственных и военных органов по ее укреплению.

Во-первых, среднегодовой показатель числа осужденных значительно уменьшился сразу же после принятия в 1874 г. Устава о всеобщей воинской повинности. С 1881 г. в условиях «антиреформы» количество совершенных преступлений стало постепенно увеличиваться и к 1905-1910 гг. этот процесс принял лавинообразный характер. К 1914 г. уровень преступности в армии вновь понизился.

Во-вторых, в сфере уголовной и дисциплинарной ответственности за воинские преступления и проступки имели место тенденции к смягчению наказаний. Вместе с тем, в периоды революционных «брожений» судебная репрессия набирала обороты: создавались военно-полевые суды, вводился крайне упрощенный порядок судопроизводства, количество смертных приговоров резко возрастало.

В-третьих, основную долю правонарушений составляли нарушения воинского благочиния (неоднократные случаи пьянства и других малозначительных проступков); нарушения воинского чинопочитания и подчиненности; побег и самовольные отлучки; преступления против собственности частных лиц.

Направления совершенствования правоохранительной системы Российской армии в 1855-1914 гг. во многом определялись попытками властей противостоять в первую очередь именно этим нарушениям.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Розенгейм, М. П.* Очерк истории военно-судных учреждений в России до кончины Петра Великого. – Санкт-Петербург, 1878.
- [2] Устав воинский от 30 марта 1716 года // Полное собрание законов Российской империи. Т. 5: 1713 - 1719. – Санкт-Петербург, 1830.
- [3] Устав Военно-Судебный 1867 г. // Свод военных постановлений. Кн. XXIV. – Санкт-Петербург, 1869.
- [4] *Иллюстров, И.* Военные суды в Русской Армии за 25-летие (1861-1885 гг.). – Санкт-Петербург, 1890.
- [5] Приказ по Военному Ведомству №135 от 1 мая 1872 года.
- [6] Военно-Судебный Устав 1867 г.
- [7] Приказ по Военному ведомству № 323 за 1884 г.
- [8] *Бородин, Н.* Укрепление воинской дисциплины в отечественной армии : Исторический опыт. – Москва, 2000.
- [9] *Анисимов, А.* Воинский устав о наказаниях (СВП 1869 г. кн. XXII, изд. 4-е), разъяснённый мотивами, на которых он основан, решениями Главного Военного суда и дополненный приказами и циркулярами по военному ведомству : Изд. 1-е. – Санкт-Петербург, 1899. – С. 89.
- [10] Свод законов Российской Империи : Основные государственные законы. Т. 1, ч. 1. – Санкт-Петербург, 1906.
- [11] *Грибовский, В. М.* Высший суд и надзор в России в первую половину царствования Екатерины Второй : Историко-юридическое исследование. – Санкт-Петербург, 1901.
- [12] *Градовский, А.* Высшая администрация России XVIII ст. и генерал-прокуроры. – Санкт-Петербург, 1866.
- [13] *Патин, К. А.* Справочник. Полный и подробный алфавитный указатель приказов по военному ведомству, циркуляров, предписаний и отзывов Главного штаба и прочих главных управлений и приказов, приказаний и циркуляров по всем военным округам за 52 года, с 1859 по 1911 г. : настольная книга для штабов, канцелярий, управлений, учреждений и заведений : В 2-х кн. Кн. 1 / сост. К.Патин ; под ред. Л.Васильева. – 3-е изд., доп. ; – Санкт-Петербург, 1911.
- [14] *Ерошкин, Н. П.* История государственных учреждений дореволюционной России / 2-е изд. – Москва, 1968.

- [15] Высочайше утверждённый Устав внутренней службы: Приложение 34. – Санкт-Петербург : В.А.Березовский, 1916.
- [16] Бескровный, Л. Г. Русская армия и флот в XIX веке. – Москва : Наука, 1973.
- [17] Всеподданнейший отчет о действиях Военного Министерства за 1866 г. – Санкт-Петербург, 1867.
- [18] Воинский Устав о наказаниях. – Санкт-Петербург, 1875.
- [19] Дисциплинарные части и тюрьмы. РГВИА. ф.ф. 593, 712, 10552, 1499, 16124, 8432, 15423, 992, 1886.
- [20] Высочайше утверждённый Воинский Устав о наказаниях 1875 г. РГВИА. Ф.80. Оп.61/2. Д.305.

**THE ROLE OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES IN THE MILITARY EDUCATION
OF SERVICEMEN OF THE RUSSIAN ARMY
DURING THE PERIOD OF MILITARY REFORMS (1855-1914)**

Pryakhin Yuri Vladimirovich,

Head of Faculty,

Prince Alexander Nevsky Military University (Moscow)

Abstract. *The article reveals the role and place of the military justice system, military prosecutor's office, military police and military correctional institutions in the system of military education of servicemen in the Russian army of the mid-19th - early 20th centuries. A comprehensive study of the problem under consideration based on archival documents and materials reveals the real state of discipline of military ranks of that time, studies disciplinary military practice, finds out to what extent the work on military education, restoring order in the army was systematized, logical and adequate to the level of development of public relations in the Russian state.*

Key words: *military justice, military development, military prosecutor's office, military police, military correctional institutions, military discipline, military education, morale, officers, lower ranks.*

© Пряхин Ю.В., текст, 2025

Статья поступила в редакцию 13.05.2025.

Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Пряхин, Ю. В. Роль правоохранительных органов в воинском воспитании военнослужащих русской армии в период военных реформ (1855-1914 гг.). – DOI 10.34685/HI.2025.28.78.022. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 2. – С. 27-38. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/691.html&j_id=64.

**«ЕСЛИ ХОЧЕШЬ КАК СЛЕДУЕТ РАЗГРОМИТЬ ПРОТИВНИКА,
НАДО КАК СЛЕДУЕТ ЕГО ЗНАТЬ»:
СПЕЦИАЛЬНАЯ ПРОПАГАНДА НА ФИНСКУЮ АРМИЮ В 1939–1944 гг.**

DOI 10.34685/HI.2025.36.19.018

Степанова Елена Евгеньевна,

доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра Военного университета
имени князя Александра Невского (Москва)
Email: step40871@mail.ru

Аннотация. В настоящее время Финляндия вошла в состав НАТО, что требует от России пересмотреть политику информационного противоборства на межгосударственном уровне. Это определяет актуальность обращения к историческому опыту советской специальной пропаганды на финскую армию и население этой страны в исторической ретроспективе. В статье на основе анализа архивных документов рассмотрен опыт организации специальной пропаганды на армию и население Финляндии в ходе Советско-финляндской и Великой Отечественной войн, даны оценки эффективности этой работы. Установлено, что поиск оптимальных форм, методов и средств специальной пропаганды продолжался непрерывно, вплоть до выхода Финляндии из войны. Делается вывод о том, что для повышения эффективности информационного воздействия необходимо учитывать культурные, социальные, политические особенности финского общества.

Ключевые слова: Финляндия, финская армия, специальная пропаганда, Советско-финляндская война, Великая Отечественная война, морально-психологическое состояние.

Историческое соседство России и Финляндии простым не назовешь. Отношения между странами не всегда развивались в конструктивном русле, и современный период характеризуется их резким ухудшением. Подписанный 4 апреля 2023 г. акт о присоединении Хельсинки к НАТО завершил длительный период нейтралитета, установившегося после окончания Второй мировой войны.

С началом специальной военной операции на Украине риторика в отношении России в Финляндии приобретала все более русофобский характер. В рамках ежегодного социологического исследования, проводимого Финским форумом бизнеса и политики¹, по состоянию на октябрь 2022 г. 85% опрошенных финнов подтвердили свое негативное отношение к России. Этот показатель является рекордно высоким за весь период исследований, проводимых с 2004 г. [1].

Антироссийские настроения в Финляндии имеют давнюю историю. В 1918 г. они появились в период гражданской войны между социалистами и националистами, усилились в начале 1930-х гг., достигли апогея накануне Советско-финляндской войны (1939–1940 гг.) [2, с. 263].

С распадом СССР наметился очевидный дрейф Хельсинки в сторону НАТО. Последние тридцать лет финляндские вооруженные силы постепенно переводились на натовские стандарты. В 2008 г. они присоединились к силам быстрого реагирования НАТО², в 2017 г. – поддержали объединенные экспедиционные силы, возглавляемые Великобританией³. Объективно, присоединение Финляндии к НАТО – лишь оформление формального договора в давно сложившихся отношениях.

¹ Финский форум бизнеса и политики (Elinkeinoelämän valtuuskunta – EVA) проводит ежегодный опрос о ценностях и установках финских граждан.

² Силы быстрого реагирования НАТО (NATO Response Force, NRF) – воинские формирования НАТО, имеющие высокую техническую оснащённость и находящиеся в высокой степени боевой готовности.

³ Объединенные экспедиционные силы (JEF) – многонациональное военное партнерство Северной Европы под руководством Соединенного Королевства, созданное для быстрого реагирования и экспедиционных операций.

Одной из причин отказа Финляндии от нейтралитета в глобальном противостоянии двух держав – России и США – является активное антироссийское информационное воздействие. В 2017 г. в Хельсинки создан центр по противодействию гибридным угрозам¹. В 2018 г. финский национальный частный канал MTV получил бюджетное финансирование в размере 3 млн евро для сотрудничества с американским каналом CNN с целью распространения его контента на финском языке [3]. Йохан Бекман, доцент Хельсинкского университета, участвуя в программе «Время покажет» 28 августа 2024 г., отметил: «У нас очень мощная антироссийская пропаганда. У нас главные источники СМИ распространяют агрессивную, кровавую антироссийскую пропаганду круглосуточно. И это, конечно, влияет на людей» [4]. В результате такого массированного идеологического воздействия в обществе сформировалось устойчивое мнение, что Запад – это «хорошо», а Восток – «плохо».

Информационная война против России как форма информационного противоборства ведется на межгосударственном уровне. В современном мире информационное противоборство включено в национальную военную стратегию многих стран и является важнейшей составляющей политической и вооруженной борьбы. Понятие «информационное противоборство» (information warfare) официально использовано в директиве № 3600.01 Министерства обороны США от 21 декабря 1992 г. В мае 2013 г. эта директива была переиздана с целью обновления политики по разведке и создания Исполнительной руководящей группы по информационным операциям (IQESG) [5]. Борьба в информационной сфере включена руководством вооруженных сил США в число стратегических приоритетов. В информационной войне недружественными странами против России используются самые разрушительные инструменты. И то, что они являются мощным оружием, доказывает информационная оккупация Украины, в которой информационные процессы и информационная среда теперь подчинены целям и интересам западной системы. Аналогичный алгоритм был отработан и в Финляндии.

Очевидно, что России необходимо противопоставлять не только ответные, но и предпринимать предупредительные меры воздействия на информационные процессы и информационную среду потенциального противника. В этом контексте исследование отечественного опыта специальной пропаганды на финскую армию, оценка эффективности форм и методов этой работы в исторической ретроспективе имеет не только познавательный интерес, но и очевидное практическое применение.

30 ноября 2024 г. исполнилось 85 лет со дня начала Советско-финляндской войны. В советской историографии в многочисленных изданиях, посвященных строительству Вооруженных сил СССР и органов партийно-политической работы, мемуарных произведениях [6–8] имела место положительная оценка пропагандистской деятельности политорганов в ходе боевых действий, отмечались массовость этой работы, неуклонный рост эффективности средств печатной и устной пропаганды. О том, что действенность распропагандирования финнов оказалась невысокой, а замыслы идеологического обеспечения «экспорта» революции в Финляндию провалились, как правило, умалчивалось. Вскользь упоминалось лишь то, что при подготовке информационных материалов недооценивалась идеологическая стойкость финских солдат и переоценивался уровень их классовой сознательности [8, с. 20–21].

В современной историографии авторы на значительно более широкой источниковой базе и с использованием современных подходов исторической науки раскрывают состояние и перестройку специальной пропаганды на финскую армию в 1939–1944 гг. Опубликованы сборники документов, посвященные Советско-финляндской войне [9; 10], проведены конкретные исторические исследования, авторы которых рассматривали отдельные аспекты специальной пропаганды на финскую армию [11–14].

Современные исследования свидетельствуют, что необходимость проведения специальной военной пропаганды на страны с фашистскими режимами и нейтральные СССР государства для формирования

¹ Центр по противодействию гибридным угрозам (The European Centre of Excellence for Countering Hybrid Threats). В настоящее время в состав этого центра входят 29 государств: Австрия, Великобритания, Венгрия, Германия, Греция, Дания, Испания, Италия, Канада, Кипр, Нидерланды, Норвегия, Латвия, Литва, Люксембург, Польша, Португалия, Румыния, Словакия, Словения, Турция, США, Финляндия, Франция, Хорватия, Черногория, Чехия, Швеция и Эстония.

враждебного фашизму общественного мнения на рубеже 1930–1940-х гг. сомнения на самом высоком государственном уровне не вызывала. Однако эффективность мероприятий информационного воздействия на войска и население государств, потенциально враждебных СССР, оставалась низкой. Военно-научная работа в этом направлении проводилась поверхностно, не учитывала особенности быта, истории, культуры сопредельных стран, слабые и сильные стороны их армий. Попытки обобщения практического опыта идеологического воздействия на предполагаемого противника были разрозненные. Например, в 1930 г. на кафедре партийно-политической работы Военно-политической академии имени В.И.Ленина на правах рукописи была издана работа «Военная политика Польши и политическая обработка в польской армии», в 1932 г. – в Военной академии РККА им. М.В.Фрунзе подготовлены материалы «Политобработка солдат японской армии» [15, л. 7].

Было опубликовано несколько сборников документов, касавшихся организации партийно-политической работы в ходе боевых действий в войнах и локальных военных конфликтах конца 1930-х гг. [16–18]. Исследование этой проблематики явно не относилось к приоритетным: изучение зарубежного опыта не проводилось, оставались недостаточными меры по оснащению необходимыми техническими средствами пропаганды, остро ощущалась нехватка политработников, владеющих иностранными языками.

В конце 1930-х гг. органы политического управления РККА провели ряд мероприятий для совершенствования работы по организации информационного воздействия на войска и население государств, потенциально враждебных СССР. В мае 1938 г. начали постановку на учет политработников, владеющих иностранными языками. Работа эта проводилась поспешно, без определения действительного уровня знания языка, в 1939 г. корректировка списков производилась еще дважды [15, л. 8]. В соответствии с приказом Народного комиссара обороны СССР № 0033 от 10 июля 1939 г. в политических управлениях военных округов и армий началось создание редакций и типографий газет на иностранных языках.

Советско-финляндская война стала серьезным испытанием не только боеспособности РККА. Специальная пропаганда на финскую армию, ставшая для СССР первым серьезным опытом информационного противоборства на армию другого государства, оказалась неэффективной. В ходе масштабной кампании по изучению опыта Зимней войны весной 1940 г. политическое и военное руководство признало наличие проблем в военной идеологии. Нельзя не отметить смелость некоторых советских государственных деятелей в ходе дискуссии по этому вопросу. Начальник Политического управления РККА Л.З.Мехлис в докладе о военной идеологии 10 мая 1940 г. открыто признал, что «в области политического изучения противника мы сделали не одну ошибку и имеем небольшие достижения по работе среди войск и населения противника» [9, с. 338-339].

Сделанная Л.З.Мехлисом установка «Если хочешь как следует разгромить противника, надо как следует его знать» [9, с. 338-339] инициировала создание в октябре 1940 г. в структуре Главного управления политической пропаганды РККА (далее – ГУПП РККА) отдела пропаганды среди войск и населения противника. Последовательно такие отделы появились в штатах политических управлений приграничных военных округов, были созданы отделения в политических отделах армий, в штате политических отделов стрелковых дивизий появились старшие инструкторы по работе среди войск противника. До начала войны успели отчасти поставить на учет политработников, владеющих иностранными языками, создать в приграничных округах редакции газет на иностранных языках. Появилась и газета на финском языке в Ленинградском военном округе [15, л. 9]. Для подготовки пропагандистских кадров на базе военных вузов и в военных округах были организованы курсы различного уровня подготовки. В редакции газет на иностранных языках выписывали иностранную литературу с целью изучения социально-политического, культурного, экономического положения предполагаемого противника. В 7-м отделе ГУПП РККА за организацию специальной пропаганды на Финляндию отвечал батальонный комиссар Иван Петрович Пакконен [15, л. 145], знавший финский язык в совершенстве. Тем не менее, по состоянию на лето 1941 г. остро ощущалась нехватка кадров для организации политической работы среди войск и населения противника и не была разработана аргументация пропаганды на армии фашистского блока, в том числе финскую [15, л. 49]. Эту работу провести просто не успели.

С началом Второй мировой войны Финская республика выбрала путь активной военной помощи нацистской Германии. Сначала она позволила разместить на своей территории части вермахта, затем разрешила базироваться у себя военно-морским и военно-воздушным силам Германии.

В 1941 г. вступление Финляндии в войну против СССР армия и гражданское население восприняли положительно, полностью поддержав действия правительства. Цель Финляндии в этой войне четко определил главнокомандующий финской армией Г.Маннергейм: «Призываю вас на священную войну с врагом нашей нации. Павшие герои войны встают из могил и становятся рядом с нами сегодня, когда мы вместе с мощными военными силами Германии, как братья по оружию, с решительностью отправляемся в крестовый поход против врага, чтобы обеспечить Финляндии надежное будущее» [19, с. 60-61]. Надежда на реванш в Зимней войне и воодушевление территориальными успехами Германии начального периода войны против СССР вызвали национальный подъем, обеспечивший высокое морально-психологическое состояние финской армии.

С целью всемерного ослабления морально-психологического состояния финской армии в 1941–1944 гг. совокупность информационных и агитационно-пропагандистских мероприятий организовывалась 7-и отделами политуправлений Северного фронта (с 23 августа 1941 г. – разделен на Ленинградский и Карельский фронты), Северного флота, политическими отделами 7-й, 26-й и 32-й армий. Общее руководство осуществлялось ГУПП (с июля 1941 г. – Главное политическое управление) РККА. Основными формами работы являлась печатная, устная и визуальная пропаганда.

Печатная пропаганда – газеты и листовки на финском языке являлись самым массовым средством. Газета “Kansan Valta” («Народная власть») издавалась для финских военнопленных. Более значимой по охвату и степени эффективности являлась газета “Sotilaan Aani” («Голос солдата»), издававшаяся при политуправлении Карельского фронта. Типография находилась в Беломорске. На начальном этапе войны газета выходила три раза в месяц, с 1943 г. – два-три раза в неделю. Редакцию газеты возглавлял финский коммунист Т. Лехен¹. Подготовленные материалы освещали боевые успехи Красной армии, укрепление антигитлеровской коалиции, внутреннее положение Финляндии, разжигали вражду финнов к немцам, использовали обращения и письма военнопленных, агитирующих на сдачу в плен [20, л. 83].

Более массовым и оперативно реагирующим на изменение обстановки на линии советско-финляндского противостояния средством печатной пропаганды являлись листовки. Их издание было начато 7-м отделом ГУПП РККА с первых дней войны. Уже 24 июня 1941 г. в политуправление Северного флота по телефону были переданы первые 12 лозунгов для издания на финском языке. Они имели антигерманскую направленность. Основные акценты делались на исторические связи Финляндии и России, положение Дании и Норвегии под немецкой оккупацией, создание антигитлеровской коалиции, тяжелое положение финских семей, оставшихся в тылу.

Осенью 1941 г. появились серии листовок, объединенные общей тематикой – «о состоянии жизни в Финляндии» и разоблачающие «ужасы» советского плена. В них начали использовать обращения военнопленных и издание трофейных документов. Более эффективной по воздействию оказалась серия листовок с информацией о создании антигитлеровской коалиции и достижении соглашений о материально-технической помощи Советскому Союзу. Например, капрал 1 роты 6 егерского батальона Варис Вейко, взятый в плен 7 октября 1941 г., показывал на допросе: «Как же это вышло? Англия, друг Финляндии, будет теперь вести войну против нас?! Зачем нам вообще нужны эти скалы, болота и леса, когда их и без того у Финляндии достаточно» [20, л. 12]. И все же в 1941 г. эффективность «бумажной войны» была низкой. Общеполитические и интернациональные аргументы советской пропаганды не находили отклика у настроенных на реванш финнов, имевших боевой опыт и комфортно чувствовавших себя в суровом северном климате. Незрелость пропагандистских приемов усиливалась кадровым некомплектом. Тексты обращений к финским солдатам, в силу слабого знания языка, были примитивны. Содержание информационного воздействия носило общий, надуманный характер, не отвечало местным условиям и традициям. Типичными являются показания взятого в плен в ноябре 1941 г. младшего сержанта 5-го пехотного полка Лайне Перяля Аарне: «Офицеры не запрещали читать листовки...» [20, л. 23], которые свидетельствуют о том, что финское командование не придавало советским листовкам серьезного значения.

¹ Тууре Вальдемар Лехен (1893–1976) – финский и советский общественный и политический деятель, философ, журналист, переводчик.

К концу 1941 г. обозначились первые признаки ухудшения морально-психологического состояния финской армии. Например, в середине октября 1941 г. отказалась выступать находившаяся в Юостзеро (ныне – деревня в составе Гирвасского сельского поселения Кондопожского района Республики Карелия) 6 рота 25-го пехотного полка. 23 октября 1941 г. 5 солдат 51-го пехотного полка 7-й пехотной дивизии за участие в восстании в военное время были приговорены дивизионным военно-полевым судом к расстрелу. С 6 по 26 ноября 1941 г. из 7-й пехотной дивизии дезертировали 19 человек, 215 человек отказались повиноваться приказам. Дивизионный суд 2 декабря 1941 г. приговорил к заключению на разные сроки 81 человека [20, л. 25]. Основные причины отказа подчиняться командованию – безвозвратные потери первого полугодия войны, поражение вермахта в битве под Москвой и растаявшие надежды на быструю и легкую победу. Это состояние усугублялось известиями из дома об острой нехватке продовольствия. Солдаты старших возрастов рвались домой. Широкое распространение получили дезертирство, симуляция и членовредительство. Дезертировавшие из финской армии солдаты объединялись в группы, жившие в лесах и промышлявшие охотой, рыбной ловлей и грабежами. Это движение получило название «лесная гвардия».

Для того чтобы повысить морально-психологическое состояние армии и населения Финляндии, финско-фашистская газета “Ajan Suunta”¹ в январе 1942 г. распространила информацию о перспективе гибели финского народа в случае победы СССР в войне [20, л. 28]. Для противодействия финской контрпропаганде в первой половине 1942 г. был проведен ряд мероприятий. В феврале 1942 г. состоялась первая конференция финских военнопленных. 144 делегата приняли декларацию «К народу и армии Финляндии», содержащую призыв прекратить кровопролитную бессмысленную войну с СССР и свергнуть правительство Рюти–Таннера [20, л. 28]. Декларацию напечатали в Москве тиражом 200 тыс. экземпляров, кроме этого, дополнительный тираж отпечатали фронтовые типографии с матриц. Выпуск матриц для тиражирования листовок на фронте, особенно на иностранных языках вассальных армий, с начала 1942 г. приобрел большую практику. К каждой листовке на финском языке изготавливалось 3-4 матрицы, которые доставлялись самолетом в действующую армию. Уже с марта 1942 г. по финским текстам в Москве изготавливались только матрицы, что ускоряло транспортировку и позволяло отпечатать необходимый тираж непосредственно на фронте [20, лл. 28-29].

Основными аргументами пропаганды на финскую армию в 1942 г. стали призыв к свержению финского правительства, разъяснение целей СССР в войне, информация о поражении немецких войск под Москвой, перспективы мирного урегулирования военного конфликта. Во второй половине 1942 г. было выявлено, что в солдатской среде листовкам доверяют меньше, чем книгам и брошюрам. Учитывая эту особенность финского менталитета, в сентябре 1942 г. для финских солдат стали печатать информационные бюллетени. Они содержали результаты переговоров И.Сталина, У.Черчилля и А.Гарримана в ходе второй Московской конференции стран антигитлеровской коалиции (12–17 августа 1942 г.), сведения о высадке морского десанта вооруженных сил Великобритании и Канады на французском побережье Ла-Манша (19 августа 1942 г.), о налетах советской авиации на Берлин, об инициативе «Национального комитета членов профсоюзов американских финнов», призывающих США к объявлению войны правительству Финляндии [20, л. 44]. В это же время была издана еще одна брошюра карманного формата с коллективным обращением и личными письмами к родным и близким финских военнопленных [20, лл. 46–49]. Не все аргументы оказывались эффективными: например, призывы, направленные против президента и премьер-министра Финляндии, не нашли отклика в армейской среде. Более убедительно действовали аргументы о неудачах вермахта, создании антигитлеровской коалиции и листовки с обращениями пленных финских солдат.

В ходе политических опросов военнопленных и изучения трофейных документов стало известно, что серьезным дестабилизирующим фактором для семейных финнов являлась информация о развязном поведении солдат немецких частей, размещенных на территории Финляндии, в отношении финских женщин. В трофейных документах и протоколах политических опросов финских военнопленных содержится подробная информация о том, что «немцы всюду охотятся за женщинами», вследствие чего «между финнами и немцами часто происходят драки». Были и случаи убийства немцев финскими

¹ “Ajan Suunta” («Направление времени») – в 1932–1944 гг. газета Финского Патриотического народного движения (IKL).

солдатами, заставшими их со своими женами [20, л. 53]. В архивных документах сохранились тексты антинемецких песен «Забота финского солдата» и «Женский фронт», которые были очень популярны в финской армии: «В тени садов любовничают немцы там, и оставляют след гвоздей, прибитых к сапогам. Там наши женщины в объятьях немцев спят. В своих любовниц немцы превратили всех подряд. Там ночь короткая над ними пролетает, а здесь на фронте финн страдает...» [20, лл. 51-52]. Этот провоцирующий фактор, запускающий неблагоприятную психологическую реакцию, советские пропагандисты использовали для усугубления неприязни к немцам среди финских солдат. По показаниям пленных, большой отклик получила листовка «Спасайте от позора своих жен, сестер и невест!» Исторические документы свидетельствуют, что в 1942 г. столкновения между финскими и немецкими солдатами становились все более частым явлением. В финской армии даже возникла такая форма наказания, как лишение отпуска «за оскорбление немецких братьев» [20, л. 54].

В конце 1942 – начале 1943 гг. эффективность печатной формы пропаганды повысилась. Объективными факторами являлись успехи Красной армии – провал плана взятия Ленинграда и победа в битве за Сталинград. С одной стороны, финнов страшила перспектива еще одной военной зимы. С другой – возрастали профессионализм советских спецпропагандистов, их способность затрагивать волнующие солдат вопросы и откликаться на их мысли. Лейтенант Рундвист, летчик 46-й эскадрильи 4-го авиационного полка, взятый в плен в октябре 1942 г., отмечал: «Если во время Зимней войны (1939-1940) листовки были написаны грубым, ругательным языком, то теперь листовки совсем другие. Стиль языка тоже хороший, без грамматических ошибок» [20, л. 64].

В это время появились серии листовок, освещающие успехи Красной армии и войск союзников в Северной Африке, «сентиментальные» – усугублявшие тоску по семье и дому [20, л. 62]. Среди лозунгов наибольший отклик находил призыв «уходить в Финляндию», так как совпадал и с собственными чаяниями солдат, и с просьбами их родных. Не нашел отклика призыв к сдаче в плен. Принявшие решение дезертировать пополняли ряды «лесной гвардии»; те же, кто сохранял верность присяге, в большинстве продолжали верить в победу Германии и активных действий к выходу из войны не предпринимали. В общественном сознании преобладала установка на то, что правительство Финляндии «как-либо найдет путь к миру».

Еще одна особенность военной кампании на советско-финском фронте в 1942-1943 гг. – это отсутствие активных боевых действий. Моральное состояние армии снижалось, постепенно расшатывалась дисциплина, в землянках устраивались попойки, процветали картежные игры. Солдаты уклонялись от выполнения приказов, вступали в пререкание с командирами. Для поддержания воинской дисциплины использовались различные пути. Известны даже случаи организации подсобных хозяйств, в которых солдаты имели возможность получить дополнительную материальную выгоду. Например, в 15-м пехотном полку финской армии, который находился на Ленинградском фронте, солдаты занимались столярными работами, и хозяйственная часть платила им 10 марок за топорщике и 15 марок за деревянный ковш [20, л. 71]. Еще одним средством укрепления дисциплины являлось создание эсесовских организаций. Осенью 1943 г. в Хельсинки, Тампере и других городах были созданы отделения союза «SS-Aseveijet» («Братья по оружию СС»), в которые вступили более 800 человек. Финские добровольцы СС подчинялись политическим и военным целям Германии. Объективно, широкой популярности эта организация не приобрела, и в 1944 г. она была запрещена. Также, для пресечения роста антивоенных настроений вновь была развернута пропаганда праворадикальной концепции «Великой Финляндии», в соответствии с которой обосновывалось право на земли Карело-Финской ССР и большую часть Ленинградской области [21].

В начале 1944 г. полное освобождение Ленинграда от фашистской блокады резко ухудшило военное положение Финляндии. Антивоенные и антинемецкие настроения в солдатской среде приобрели широкий размах и еще более усилились в марте 1944 г. после отказа финского правительства принять условия Москвы по выходу из войны. В середине апреля 1944 г. 300 солдат 3-го батальона 7-й пехотного полка 10-й пехотной дивизии подали коллективное заявление с требованием уволить их из армии. Командование дивизии вынуждено было признать, что «усталость от войны» распространилась очень широко [20, л. 74]. В это время советская специальная пропаганда усилила свое воздействие. Ее основными аргументами стали неизбежность поражения Германии, выгоды от прекращения войны, гарантии независимости Финляндии, перспективы мирного сосуществования. Подписание соглашения о перемирии между Финляндией и СССР с Великобританией 19 сентября 1944 г. сделало фактом основной лозунг советской специальной пропаганды на финскую армию «о разрыве с Германией».

Подводя итоги? отметим, что специальная пропаганда на финскую армию в 1939–1944 гг. содействовала достижению военно-политических целей СССР. Являясь особым видом боевых действий, она представляла собой комплексную систему мероприятий органов государственного и политического управления СССР, политорганов Красной армии и Военно-Морского флота.

Поиск оптимальных форм, методов и средств информационного воздействия продолжался на всем протяжении боевого соприкосновения. Правильный тон и убедительные аргументы удалось найти не сразу. Классовая направленность информационного воздействия в 1941 г. оказалась несостоятельной. Но уже с 1942 г. начали учитывать местную специфику, ориентироваться на конкретные национальные культурные, социальные, политические особенности финского общества, отношения к войне, противоречия с немцами. Для определения тематики использовались политические опросы военнопленных, анализ трофейных документов и прессы противника. В этой работе также использовались материалы информационно-аналитической и разведывательной деятельности: радиоперехват, добыча информации за линией фронта, переводы трофейных документов. Все это помогало выявлению ориентиров для целевого пропагандистского воздействия на финскую армию.

Максимальной эффективности идеологическое воздействие на финскую армию достигло к 1944 г. Трофейные документы свидетельствуют, что уверенность в справедливом характере «Войны-продолжения» в это время у финских солдат несколько ослабла. Наиболее веским аргументом, безусловно, стали боевые успехи Красной армии, а дополнительным фактором – общая усталость финских солдат от затянувшейся войны. Это привело к тому, что к концу военного противостояния на советско-финском фронте морально-психологическое состояние и дисциплина финской армии заметно ухудшилась. Достижение информационного превосходства стало возможно благодаря непрерывной системе мероприятий, влиявшей на эмоции, мотивацию, объективное мышление. Это свидетельствует о том, что информационно-пропагандистское воздействие, учитывающее культурные, социальные и политические особенности потенциального противника, способно вносить свой реальный вклад в победу.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Suomalaiset liittyvät Natoon yhtenäisinä // Elinkeinoelämän valtuuskunta – EVA : [сайт]. – URL: <https://www.eva.fi/blog/2022/11/23/suomalaiset-liittyvat-natoon-yhtenaisina/> (дата обращения: 20.11.2024).
- [2] Вихавайнен, Т. Отношения Финляндии и России (Советского Союза), 1917–1944 г. // Русский сборник. Т. 17: Финляндия и Россия. – Москва, 2015. – 431 с.
- [3] Идет масштабная информационная атака против финского народа // Federal City : информ. агентство : [сайт]. – URL: <https://telegra.ph/Idet-masshtabnaya-informacionnaya-ataka-protiv-finskogo-naroda-01-16> (дата обращения: 20.11.2024).
- [4] Бекман: главные СМИ Финляндии распространяют антироссийскую пропаганду // Первый канал: телекомпания : [сайт]. 28 авг. 2024. – URL: https://www.1tv.ru/news/2024-08-28/484446-bekman_glavnye_smi_finlyandii_rasprostranyayut_antirossiyskuyu_propagandu (дата обращения: 22.11.2024).
- [5] Directive number 3600.01 may 2, 2013 // Department of Defense : [official site]. – URL: <https://nsarchive.gwu.edu/sites/default/files/documents/3728885/Department-of-Defense-Directive-3600-01-Subject.pdf> (дата обращения: 16.12.2024).
- [6] Партийно-политическая работа в Советских Вооруженных Силах в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) : Краткий исторический обзор. – Москва : Воениздат, 1968. – 584 с.
- [7] Политическая работа среди войск и населения противника в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) / Кол. авт. – Москва : Воениздат, 1971. – 256 с.
- [8] Бурцев, М. И. Прозрение. – Москва : Воениздат, 1981. – 320 с.
- [9] «Зимняя война» : работа над ошибками (апрель-май 1940 г.) : Материалы комиссий Главного военного совета Красной Армии по обобщению опыта финской кампании / Фед. аг-во архивов РФ; Рос. гос. воен. архив ; отв. сост. Н.С.Тархова. – Москва; Санкт-Петербург : Летний сад, 2004. – 558 с.
- [10] Зимняя война 1939-1940 гг. в документах НКВД : по материалам Архива Управления Федеральной службы безопасности Российской Федерации по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области / [авт.-сост.: С.К.Бернев, А.И.Пупасов]. – Санкт-Петербург : ЛИК, 2010. – 315 с.

- [11] *Веригин, С. Г.* Советская пропаганда на Финляндию в период Зимней войны 1939-1940 гг. // Вторая мировая война и Карелия, 1939-1945 гг.: материалы науч.-практ. конф., посвящ. 60-летию начала Великой Отеч. войны. – Петрозаводск, 2001. – С. 21-31.
- [12] *Веригин, С. Г.* Использование финских военнопленных в пропагандистских и разведывательных целях в период Зимней войны 1939-1940 гг. // Конференция по изучению истории, экономики, литературы и языка скандинавских стран и Финляндии (Петрозаводск) : тез. докл. – Москва; Петрозаводск, 1997. – С. 26–28.
- [13] *Невежин, В. А.* «Если завтра в поход...» : подготовка к войне и идеологическая пропаганда в 30-х – 40-х годах. – Москва : Яуза; Эксмо, 2007. – 316 с.
- [14] *Релко, С. И.* Организация пропагандистской деятельности Красной Армии в период боевых действий осенью 1939 года // Журналистика: История и современность : Сб. науч. тр. – Москва, 1993. – С. 47–59.
- [15] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (ЦА МО РФ). Оп. 11306. Д. 88.
- [16] Бои у Халхин-Гола. Партийно-политическая работа в боевой обстановке : Сб. док-тов, издан. в боевой обстановке на Халхин-Голе. – Москва : Воениздат, 1940. – 526 с.
- [17] Партийно-политическая работа в боевой обстановке : Сб. док-тов, издан. во время освободительного похода в Западную Украину и Западную Белоруссию. – Москва : Изд-во Наркомата обор. СССР, 1940. – 182 с.
- [18] *Базилевский, П. А.* Бюро ВЛКСМ в боевой обстановке : из опыта борьбы с белофиннами. – Москва : Воениздат, 1941. – 28 с.
- [19] По обе стороны Карельского фронта, 1941–1944 : Документы и материалы. – Петрозаводск : Карелия, 1995. – 636 с.
- [20] ЦА МО РФ. Ф. 32. Оп. 11306. Д. 90.
- [21] *Auer, V.* Finnlands Lebensraum das geographische und geschichtliche Finnland / *Väinö Auer, Eino Jutikkala, Kustaa Vilkuna.* – Berlin : Metzner, 1941. – 154 с.

**“IF YOU WANT TO DEFEAT YOUR OPPONENT PROPERLY,
YOU HAVE TO KNOW HIM PROPERLY”: SPECIAL PROPAGANDA
AGAINST THE FINNISH ARMY IN 1939-1944**

Stepanova Elena Evgenievna,

D. in History, Leading Researcher,
Prince Alexander Nevsky Military University (Moscow)

Abstract. Finland has now joined NATO, which requires Russia to review its information warfare policy at the interstate level. This determines the relevance of referring to the historical experience of Soviet special propaganda against the Finnish army and the population of this country in historical retrospect. Based on the analysis of archival documents, the article examines the experience of organizing special propaganda for the Finnish army and population during the Soviet-Finnish and Great Patriotic Wars, and evaluates the effectiveness of the forms and methods of this work. It has been established that the search for optimal forms, methods and means of special propaganda continued continuously, until Finland's withdrawal from the war. It is concluded that in order to increase the effectiveness of information impact, it is necessary to take into account the cultural, social, and political characteristics of Finns.

Key words: Finland, Finnish army, special propaganda, Soviet-Finnish war, Great Patriotic War, moral and psychological state.

© Степанова Е.Е., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 20.02.2025.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Степанова, Е. Е. «Если хочешь как следует разгромить противника, надо как следует его знать»: специальная пропаганда на финскую армию в 1939–1944 гг. – DOI 10.34685/HI.2025.36.19.018. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 2. – С. 39-46. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/692.html&j_id=64.

1525 ГОД: ДМИТРИЙ ГЕРАСИМОВ И ЗАРОЖДЕНИЕ ИДЕИ ПУТИ В КИТАЙ СЕВЕРНЫМИ МОРЯМИ

DOI 10.34685/ИИ.2025.11.97.019

Филин Павел Анатольевич,

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
Центра «Морская арктическая комплексная экспедиция»
Российского научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Москва);
старший научный сотрудник Музея антропологии и
этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН (Санкт-Петербург)
Email: pfilin@yandex.ru

Аннотация. Статья исследует один из знаковых эпизодов предыстории поисков северо-восточного прохода – высказывание русского дипломата Дмитрия Герасимова, зафиксированное в 1525 году итальянским гуманистом Павлом Йовием о возможности достижения Китая арктическим маршрутом. Это первое документально подтверждённое в европейской литературе предположение подобного рода, хотя Русское государство к тому времени уже вышло к арктическим рубежам и активно осваивало западный участок современного Северного морского пути. Особое внимание уделено критике интерпретаций высказывания Герасимова, иногда подвергавшегося упрощению или искажению в научной и публицистической литературе. Исследование показывает, что высказывание оказало значительное влияние на западноевропейские экспедиции XVI-XVII вв. (включая плавания Баренца), но в России до эпохи Петра I и Ломоносова не стало предметом целенаправленной государственной политики, оставаясь географической гипотезой. Подчёркивается, что идея Герасимова стала важным, но не первым этапом многовекового процесса освоения Россией северных морских путей, изначально направленного на обеспечение территориальной связности, а не только на поиск торгового маршрута. Практическая реализация Северного морского пути как транспортной артерии стала возможной лишь в Новейшее время.

Ключевые слова: Дмитрий Герасимов, Павел Йовий, Северо-восточный проход, Северный морской путь.

В 1525 году посланник царя Василия III к Папе Клименту VII Дмитрий Герасимов (известный политический и общественный деятель Московской Руси) в беседе с выдающимся итальянским гуманистом Павлом Йовием (итал. Paolo Giovio, лат. Paulus Iovius Novocomensis), высказал мысль о возможности достижения Китая северным путем: «Однако достаточно хорошо известно, что Двина, увлекая бесчисленные реки, несется в стремительном течении к северу, и что море там имеет такое огромное протяжение, что, по весьма вероятному предположению, держась правого берега, оттуда можно добраться на кораблях до страны Китая, если в промежутке не встретится какой-нибудь земли». Эта фраза была записана и опубликована Павлом Йовием в произведении «Посольство от Василия Иоанновича, Великого Князя Московского, к Папе Клименту VII-му» [1].

На данный момент это первое известное и зафиксированное в европейской литературе предположение о возможности сквозного плавания Северным Ледовитым океаном в Китай.

Если же рассматривать картографические произведения, то визуальный образ открытых

Universalis Cosmographia secundum Ptholomaei traditionem et Americi Vespucii lustrationes.

Waldseemüller, Martin, 1507. Library of Congress

Источник: www.loc.gov

морских пространств к северу от Евразии был реализован на карте Мартином Вальдземюллером несколько ранее, в 1507 году. Тем не менее, никаких описаний о возможном проходе из Европы в Китай составлено до Герасимова не было (по крайней мере, они неизвестны).

На основе рассказов Д. Герасимова П. Йовием была опубликована первая карта Московии как приложение к книге. Долгое время карту не удавалось отыскать ни в одном из сохранившихся экземпляров книги. Печатная карта Йовия считалась неизданной, однако в конце XX в. состоялась сенсационная находка экземпляра такой карты. В 1994 г. в Российский государственный архив древних актов (РГАДА) был передан приобретенный на аукционе «Сотбис» по согласованию с Правительством Российской Федерации оттиск гравированной на дереве первой печатной карты Московского государства [2]. Немного позже был найден и второй экземпляр карты [3]. К сожалению, на этой карте мы не видим отражения идеи Д. Герасимова о северном пути в Китай.

Сказанная Дмитрием Герасимовым очень короткая и осторожная фраза о возможности достижения Китая северным путем в 1930-1950-е гг., в связи с активным освоением Северного морского пути и осмыслением этой длительности, породила целый ряд советских, а потом и постсоветских интерпретаций. Географ Л.С. Берг предложил считать идею Герасимова «первым русским проектом северного морского пути» [4]. Более умеренную позицию занимал проф. В.Ю. Визе, который осторожно оценивал данное высказывание, но считал, что весьма возможно, именно сообщение Дмитрия Герасимова «разожгло аппетиты английских купцов и побудило их организовать «Общество купцов-изыскателей для открытия стран, земель, островов, государств и владений неведомых и доселе морским путем не посещенных». Это общество, впоследствии утвержденное английским правительством, ставило своей целью открытие Северного морского пути в Китай и Индию [5].

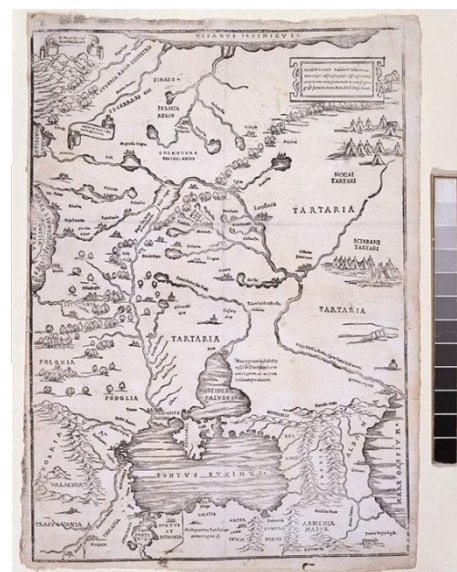
Самую «радикальную» позицию в оценке слов Герасимова занимал д.и.н. М.И. Белов, который в 1 томе «Истории Северного морского пути» посвятил данной теме целый раздел с названием «Проект Д. Герасимова». Он считал, что Герасимов поведал П. Йовию «свою сокровенную мысль о возможности морского пути из Европы в Китай» и показал ему чертеж севера России [6]. Анализируя книгу П. Йовия, невозможно заключить, показывал ли Герасимов чертеж или нет. Учитывая секретность и редкость таких документов, следует поставить под большое сомнение передачу карты.

Стремясь обосновать непрерывность морского пути в Китай некоторые историки и многие журналисты при цитировании слов Д. Герасимова редуцировали его фразу, убрав слова «если в промежутке не встретится какой-нибудь земли». Без этой фразы слова Герасимова звучат более убедительно. На эту процедуру, а также целый ряд других нестыковок в интерпретациях слов Д. Герасимова обратил внимание исследователь Д. Хотимский [7].

Мы вынуждены констатировать, что короткая фраза Д. Герасимова обросла множеством домыслов и интерпретаций, основанных на желании или нежелании найти обоснование древности идеи северного морского пути, а в ряде современных текстов попросту была фальсифицирована.

Идея Герасимова в России не была востребована и не являлась императивом государственной политики вплоть до эпохи Петра Первого и М.В. Ломоносова.

Несомненно, что сведения Герасимова оказали значительное влияние на последовавшие с середины XVI в. попытки западноевропейских негоциантов поиска северо-восточного прохода. Все они были неудачные, экспедиции не смогли пройти восточнее Новой Земли и Вайгача, в то время как русские мореходы, по словам тех же путешественников, караванами судов уходили далее на восток к Оби по т.н. «Мангазейскому морскому ходу».

Московский экземпляр карты П.Йовия
РГАДА. Ф. 192. Оп. 6. Д. 963

Вслед за Герасимовым идею достижения Индии и Китая полярными морями стал продвигать английский купец Роберт Торн (Robert Thorne), который в 1527 г. изложил ее в достаточно пространным письме доктору Эдварду Ли, капеллану английского короля Генриха VIII, впоследствии архиепископу Йоркскому. Туже идею он изложил в письме непосредственно королю Генриху VIII: «Я знаю, что мой священный долг – открыть Вашей светлости эту тайну, которая до сих пор, как я предполагаю, была скрыта: она заключается в том, что с помощью небольшого числа кораблей можно открыть множество новых земель и королевств <...> Для этих мест остается только один путь к открытию, а именно на север: ибо из четырех частей света, по-видимому, три части открыты другими государями <...> Так что теперь указанные северные части еще предстоит открыть, что, как мне кажется, возможно только ваша обязанность и долг <...> Потому что положение вашего королевства является для этого самым близким и подходящим из всех других» [8].

Анализируя письма Торна, затруднительно ответить на вопрос, был ли он знаком с книгой Павла Йовия, по крайней мере, прямых ссылок в письмах мы не нашли. Советский исследователь истории Северного морского пути М.С. Боднарский такое предположение делал [9].

В подтверждение того, что слова Герасимова, записанные Павлом Йовием, имели существенный эффект на Западе, можно найти в книге голландского купца и мореплавателя Яна Хейгена ван Линсхотена, написанной по итогам двух экспедиций по поиску северо-восточного прохода в 1594 и 1595 гг. (одним из участников и руководителей этих экспедиций, а также экспедиции 1596 г. являлся Виллем Баренц). В этой книге имеется приложение, а именно – «рекомендация <...> относительно того, что должно быть сделано для осуществления плавания в Китай через Пролив Нассау», подготовленная Бальтазаром Мушероном в апреле 1595 г., одним из организаторов поиска северо-восточного прохода. В этой «рекомендации» Мушерон цитирует и внимательно разбирает фрагмент книги П. Йовия, записанный за Д. Герасимовым [10]. Любопытно, что Мушерон называет Павла Йовия послом в Московию, очевидно, путая его с Д. Герасимовым, при этом самого Герасимова Мушерон не упоминает. При цитировании Йовия Мушерон, по-видимому, был первым, кто опустил и не стал давать в своем изложении слова «если в промежутке не встретится какой-нибудь земли». Как и в более позднее время, цитата без этого «хвоста» выглядела более убедительной. Тем не менее, само внимание к данной информации свидетельствует о ее известности и важности для планирования экспедиций северо-восточным проходом в XVI в.

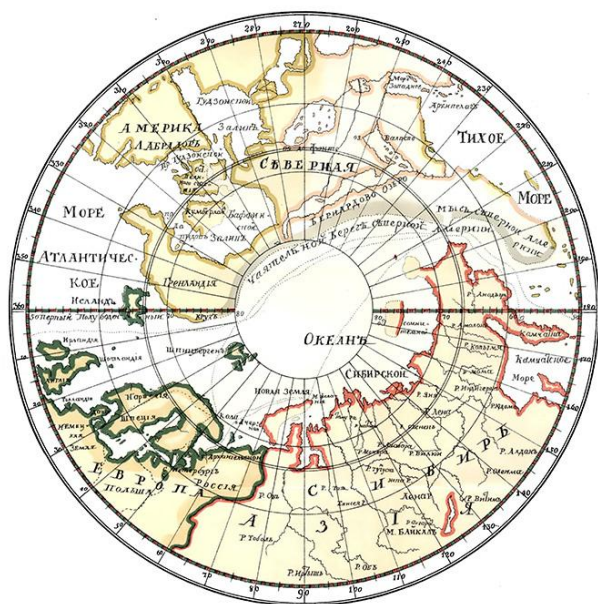
Появление европейских судов стало одной из причин создания г. Архангельска в 1584 г. как основного торгового порта на Русском Севере. С другой стороны, именно настойчивые попытки отыскать северо-восточный проход западноевропейскими торговыми кругами и, что еще более важно, их планы установить над этим маршрутом военный контроль стали причиной запрещения царским указом Мангазейского морского пути в 1619 г. Так, Бальтазар де Мушерон, в цитировавшейся выше «рекомендации» напрямую предлагал построить военный форт в проливе Нассау (Югорский Шар) со штабом в 200 человек, при этом осознал последствия: «Должен признать, что при строительстве укреплений может возникнуть осложнение по той причине, что эти земли принадлежат Московии, которой это будет неприятно, а также Дания претендует на их использование, да и англичане не захотят, чтобы проход по Проливу был закрыт, могут возникнуть и другие возражения у обитателей тех земель. Но героическому духу ничто не может помешать, героическим делам не воспрепятствует страх перед трудностями» [11].

Несмотря на прекращение мореплавания в западной части современного Северного морского пути с 1619 г. в связи с царскими указами, начиная с 1630-х гг. русские первопроходцы перенесли опыт мореплавания в восточную Арктику и на Дальний Восток, поэтапно освоили все основные морские участки и вышли в прямое соприкосновение с Китаем.

В России XVI-XVII вв., несомненно, знали и осознали «проблему» северо-восточного прохода. В Российском государственном архиве древних актов в фонде Тайного приказа сохранился документ «О невозможности проехать морем от Архангельска в Китай и о приключениях двух голландских кораблей, плававших около Новой Земли в 1597 (7105 году)». Это, по всей видимости, копия XVII века с более ранних записей, которые были сделаны в 1598 г. на следующий год после окончания последней экспедиции В. Баренца. Документ полностью опубликован в Трудах Морской арктической комплексной экспедиции (сборник «Новая Земля» за 1992 г.) [12]. Аналогичный, но более короткий документ в конце XIX в. был опубликован в «Чтениях Общества истории и древности российских» по неизвестному

источнику [13]. Оба документа представляют собой пересказ дневника Херрита де Вейра, участника экспедиций В.Баренца, который был опубликован в Нидерландах в 1598 г. Документ из Тайного приказа имеет предисловие, выдержку из которого мы приведем: «В прошлых годах в различные времена англичане и галанцы посылали по 2 и по 3 корабля изыскати ход мимо Новые Земли в Китайское государство и оттоле в Восточную Индию. Понеж зело ближе бы было, аще ли тем путем могли проходить. Однако ж сего учинити не возмogli и далее Новые Земли проходити великих ради льдов и стужи и тьмы и мгла. Итого ради иные возвратились назад, а иные и погибли. Потому что льды бывают толщиною по 20 и по 30 сажений и болши и движаятца, понеж не все море оледенеет... Есть же и пролива морская, имянуемая Аниан, которою естли б могли проплывати, мошно бы им было в Китай и во Индию проити. Однако ж так то Леденое море яко и Новую Землю никто не может проведати, пролива ли есть или море и Новая Земля остров ли есть или твердая земля соединена со Америкою, се есть с Новым Светом. Зане многии землеписатели чают, что Новая Земля соединяется с Северною Америкою. А ради выше причин никто те береги окияна отведати не может даже до Обь реки. Пишут ж землеписатели, что буде кто неблиз берега морем, но далеко во акиане плавати будет, может проити в Китай, но и тамо тьмы ради трудно есть путь прямой сыскати. А Обью рекою или Иртышем и иными сибирскими реками мошно ли тамо плавание имети никто того не проведаль. А сухим путем во Индею или в Китай ехать мошно чрез Астрахань от Яика каменого горою да как зрится он ниже писаной росписи» [14].

В этом предисловии имеется целый комплекс географических представлений и впрямую обозначенных исследовательских проблем. Мы видим, что морской путь полностью не отрицался, а только лишь обозначались серьезные препятствия в виде льдов и отсутствия знаний о том, сошлась ли Новая Земля с Америкой, и есть ли пролив? Кроме того, обозначается и проблема высокоширотной трассы – «буде кто неблиз берега морем, но далеко во акиане плавати», но и там неизвестный автор предполагает большие сложности в виде льдов и тьмы. Как мы знаем, первая проблема стала основой задачей Первой камчатской экспедиции, снаряженной по указу Петра Великого в 1724 г. А вторая – стала основой проекта «морского северного хода» высокими широтами М.В. Ломоносова и экспедиций В.Я. Чичагова в 1765 и 1766 гг., которая должна была двигаться с запада на восток, а также экспедиции П.К. Креницына и М.Д. Левашова в 1764-1769 гг., которая должна была двигаться с востока на запад. Как известно, экспедиции не добились поставленной цели, т.к. технические возможности того времени не позволяли реализовать замысел.

Полярная карта, приложенная к работе М.В.Ломоносова «Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию»

Отметим, что первое зафиксированное в литературе словосочетание «северный морской путь» мы находим именно в текстах М.В. Ломоносова, который активно прорабатывал проект трансарктического морского пути в Азию. В датированном 1764 г. документе «Прибавление второе, сочиненное по новым известиям промышленников из островов американских и по выспросу компанейщиков, тобольского купца Ильи Снигирева и вологодского купца Ивана Буренина» Ломоносов в параграфе 4 пишет: «Новые известия камчатских мореходцев немало соответствуют описанию испанских мореплавателей в рассуждении теплоты и пространства сего моря, как в сочинении о возможности *северного морского пути* на восток показано...» [15] (курсив мой. – П.Ф.). Данное словосочетание Ломоносов использует лишь один раз, но помимо этого в его работах встречается термин «северный морской ход». Тот же термин «северный морской ход» несколько ранее, в 1742 г., использовал историк Г.Миллер в своем произведении «Известия о северном морском ходе Россиян из устьев некоторых рек впадающих в ледяное море, для проведывания восточных стран» [16].

Так или иначе, после неудачных экспедиций В.Я. Чичагова в 1765 и 1766 гг. идея поиска пути в азиатские страны северными морями была снова отложена и к ней вернулись лишь в начале XX века в связи с военно-стратегическими задачами, вызванными «цусимской катастрофой» и поражением в Русско-японской войне.

Подводя итог отметим:

1) Мы имеем лишь краткое и очень осторожное высказывание Д. Герасимова о возможности прохода северными морями в Китай, если по пути не встретится какой земли.

2) Это первое из известных зафиксированное в литературе высказывание о возможности прохода в Китай северным путем.

3) Несомненно, данное высказывание оказало существенное влияние на активизацию поисков северо-восточного прохода англичанами и голландцами.

4) Их экспедиции привели, с одной стороны, к развитию торговли на Севере и основанию Архангельска, с другой – к официальному закрытию Мангазейского морского пути.

5) Идея, высказанная Д. Герасимовым, ни в XVI ни в XVII вв. не стала предметом целенаправленной государственной политики. Но это не значит, что государство не интересовалось севером страны. Происходило его планомерное освоение и уместное использование отдельных морских и речных участков на севере для целей развития. В тоже время, до эпохи Ломоносова северо-восточный проход как единая торговая трасса не рассматривался на уровне государства как цель.

6) На протяжении XVII в. в России интересовались темой северо-восточного прохода, но было четкое осознание сложности мореплавания в ледовитом море. Также были обозначены географические проблемы: является ли Новая Земля островом? Не сошлась ли Америка? Возможно ли достичь Китая, если плыть далеко от берега?

7) Задолго до Д. Герасимова и Новгородская республика и, позже, Московская Русь поэтапно осваивали северные морские рубежи, основными этапами этого процесса были основание монастырей (особенно Соловецкого) в первой половине XV века и Пустозерского острога в 1499 г., а затем и организация походов Мангазейским морским ходом в XVI–XVII вв. Таким образом, уже к началу XVI в. и до высказывания Д. Герасимова, Россия по сути освоила западную часть современного Северного морского пути, но не использовала его для целей поиска сквозного прохода в Китай.

8) Отметим также, что даже в 1930-50-х гг. концепция освоения Северного морского пути была направлена, прежде всего, на развитие каботажного плавания не с целью внешней торговли (хотя и это не скидывалось со счетов), а для организации территориальной связности государства и защиты стратегических интересов страны. Рассматривая многовековую линию интереса России к северным рубежам мы в первую очередь должны выделить именно эту цель – территориальная связанность, практический интерес к освоению и обживанию северных рубежей [17]. И в этом коренное отличие от западноевропейской концепции северо-восточного прохода, где во главу угла поставлены торговые интересы. Именно поэтому Северный морской путь закреплен в Российском законодательстве как «исторически сложившаяся национальная транспортная коммуникация Российской Федерации».

9) Высказывание Д. Герасимова имело серьезные последствия для продвижения западноевропейцев на Север, и по всей видимости, оказало влияние на организацию череды крупных, но неудачных экспедиций северо-восточным проходом. Но это было именно зарождение идеи, и из краткой фразы Герасимова не следует, что он имел в виду "проект Северного морского пути". Нет никаких сведений о том, что Д. Герасимов когда-либо возвращался к высказанной им единожды идее.

В связи с вышеизложенным, мы можем говорить о том, что в 2025 г. исполняется 500 лет зарождения русской идеи достижения Индии и Китая северными морями. В такой формулировке наиболее адекватно отражается суть исторических процессов. А в целом, деятельность Руси-России по

освоению северных рубежей, в том числе северных морских и речных путей, несомненно, древнее высказывания Дмитрия Герасимова и на этом пути фраза Герасимова – лишь один из знаковых этапов.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

- [1] Библиотека иностранных писателей о России : Т. 1. – Санкт-Петербург, 1836. – С. 31-32; *Giovio, P.* Libellus de legatione Basili Magni, Principis Moscoviae ad Clementem VII., Pont. Max. – Roma, 1525.
- [2] Хотимский, Д. А., Булатов, А. М. Первая печатная карта Московии: историография и сравнительный анализ ее экземпляров из РГАДА и библиотеки Св. Марка // Отечественные архивы. – 2021. – № 5. – С. 29-40. – То же: <https://rusarchives.ru/publikacii/otchestvennye-arhivy/7328/hotimskiy-bulatov-pervaya-pechatnaya-karta-moskovii> (дата обращения: 11.05.2025).
- Скан карты выложен на сайте Российского государственного архива древних актов (РГАДА) (rgada.info).
- [3] *Khotimsky, D. A.* The two surviving copies of the 1525 Moscovia map by Paolo Giovio: A comparative study. – Текст : электронный // Imago.by : [сайт]. – URL: <https://imago.by/images/stories/Articles/22/ichc-giovio/ichc-preprint-20220703.pdf> (дата обращения: 11.05.2025).
- [4] Берг, Л. С. Очерки по истории русских географических открытий. – Москва; Ленинград : Изд-во Акад. Наук, 1946. – С. 10.
- [5] Визе, В. Ю. Моря российской Арктики / Ред.: П.В. Боярский, Ю.К. Бурлаков. – Москва : Европейские издания, 2008. – С. 33.
- [6] Белов, М. И. История открытия и освоения Северного морского пути. Т. 1: Арктическое мореплавание с древнейших времен до середины XIX века / Под ред. Я.Я. Гаккеля [и др.]. – Москва : Речн. транспорт, 1956. – 592 с.
- [7] Хотимский, Д. А. О толмаче Димитрии, что был послом в Риме: Дмитрий Герасимов и вехи его посмертной карьеры. – Текст : электронный // Academia : [сайт]. – URL: <https://www.academia.edu/119900897> (дата обращения: 11.05.2025).
- [8] Цит. по: *Baver, J. N.* A History of geographical Discovery and explorationn, London. 1937. P. 119. (пер. с англ. П.А.Филина). Полный текст: *Hakluyt, R.* Divers Voyages Touching the Discovery of America and the Islands. – London. Printed for the Hakluyt Society, 1850. – Pp. 33-54.
- [9] Боднарский, М. С. Великий Северный Морской Путь : историко-географический очерк открытия Северо-восточного прохода. – Москва ; Ленинград : Гос. изд-во, 1926. – С. 11.
- [10] *Linschoten, J. H. van.* Reizen Naar Het Norden door, 1594-1595 / uitgegeven door S. P. L'Honors Naber. – 's-Gravenhage : Martinus Nijhoff, 1914. – P. 234-235.
- [11] Там же. Перевод И.М.Михайловой.
- [12] Боярский, П. В. К истории изучения Новой Земли. Обзор литературных и архивных источников / Боярский, П. В., Волков, В. А., Куликова, М. В. // Новая Земля. Т. 1 : Труды Морской арктической комплексной экспедиции / Под общ. ред. П.В.Боярского. – Москва : Рос. НИИ культ. и природ. наследия, 1993. – С. 56-60. [Архивная ссылка: РГАДА. Ф. 27. Оп. 1. Д. 333. Л. 1-6.]
- [13] Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете 1895 г. Кн. 4(175). Унив. тип., 1895. Смесь. С. 3-5.
- [14] Цит по.: Боярский, П. В. Указ. соч. С. 56.
- [15] Ломоносов, М. В. Краткое описание разных путешествий по северным морям и показание возможного проходу Сибирским океаном в Восточную Индию // Ломоносов, М. В. Полное собрание сочинений. Т. 6: Труды русской истории, общественно-экономическим вопросам и географии. 1747—1765 гг. — Москва ; Ленинград : Изд-во АН СССР, 1952. – С. 511.
- [16] Миллер, Г. Известия о северном морском ходе Россиян из устьей некоторых рек впадающих в ледяное море, для проведывания восточных стран // Примечания к Ведомостям. Часть 50 и 51. В Санкт-Петербурге. Июня 21 дня, 1742 г. С. 197.
- [17] *Filin, P.* "Russia's Main Façade". A Discussion of the Reasons for Official Interest in the Study and Development of the Arctic in the First Third of the Twentieth Century [=Филин, П. А. «Главный фасад» России. Рассуждение о причинах интереса власти к изучению и освоению Арктики в первой трети XX в.] – Текст : электронный // Journal of Modern Russian History and Historiography. – 2023. – N 16(1). – P. 237-267. – URL: <https://doi.org/10.30965/22102388-12340027> (дата обращения: 11.05.2025).

1525: DMITRY GERASIMOV AND THE ORIGIN OF THE IDEA OF A ROUTE TO CHINA BY THE NORTHERN SEAS

Filin Pavel Anatolyevich,

PhD in History, Senior Researcher at the Marine Arctic Complex Expedition Center,
Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage (Moscow); Senior Researcher at the Peter the Great
Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera)
of the Russian Academy of Sciences (Saint-Petersburg)

Abstract. *The article examines one of the significant episodes in the prehistory of the search for the North-East passage – the statement of the Russian diplomat Dmitry Gerasimov, recorded in 1525 by the Italian humanist Paul Jovius about the possibility of reaching China via the Arctic route. This is the first documented assumption of this kind in European literature, although the Russian state by that time had already reached the Arctic borders and was actively developing the western section of the modern Northern Sea Route. Particular attention is paid to the criticism of interpretations of Gerasimov's statement, which was sometimes simplified or distorted in scientific and journalistic literature. The study shows that the statement had a significant influence on Western European expeditions of the 16th-17th centuries (including the voyages of Barents), but in Russia until the era of Peter I and Lomonosov it did not become the subject of a targeted state policy, remaining a geographical hypothesis. It is emphasized that Gerasimov's idea became an important, but not the first stage of the centuries-long process of Russia's development of the Northern Sea routes, initially aimed at ensuring territorial connectivity, and not just searching for a trade route. The practical implementation of the Northern Sea Route as a transport artery became possible only in Modern times.*

Key words: Dmitry Gerasimov, Paolo Giovio, Northeast passage, Northern sea route.

© Филин П.А., текст, ил., 2025
Статья поступила в редакцию 11.05.2025.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Филин, П. А. 1525 год: Дмитрий Герасимов и зарождение идеи пути в Китай северными морями. –
DOI 10.34685/NI.2025.11.97.019. – Текст : электронный // Культурологический журнал . – 2025. – № 2. – С. 47-53. –
URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/693.html&j_id=64.

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ФАКТОРЫ РАЗВИТИЯ
СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ КОРПОРАТИВНОЙ КУЛЬТУРЫ**

DOI 10.34685/HI.2025.25.57.012

Давиденко Елена Анатольевна,
соискатель, Южный филиал Российского
научно-исследовательского института культурного
и природного наследия имени Д.С.Лихачёва (Краснодар)
Email: david.sch@yandex.ru,

Аннотация. *Статья посвящена значимым для современного этапа развития российского общества аксиологическим основаниям и сформировавшимся на их основе нормативно-ценностным регулятивам в сфере материального и духовного производства в отечественной корпоративной культуре. Попытки подчинения российской корпоративной культуры западным моделям функционирования в качестве формализованных и неформальных институтов, превращения постсоветской России в глубокую периферию Европы обернулись откатом, вызванным возрождением суверенитета российского общества и государства на основе сохранения аксиологического ядра российской ментальности в геополитическом, геоэкономическом и геокультурном пространстве миросистемы. При этом российская корпоративная культура далека от капсулирования и изоляции, открыта всем позитивным достижениям мировой науки и практики, способна воспринимать и творчески адаптировать достижения западной цивилизации к российским конкретно-историческим условиям и реалиям.*

Ключевые слова: корпоративная культура, цивилизация, аксиология, ценностное ядро культуры, индивидуализм, коллективизм.

Выделение социокультурных факторов, детерминирующих развитие различных типологических моделей корпоративной культуры, являющейся одним из системообразующих элементов национальной культуры, является необходимым основанием понимания процессов возможных векторов современного развития культуры как системы аксиологических оснований развития российской цивилизации. В свою очередь, аксиологические основания поступательного развития цивилизации позволяют определить как конкурентные преимущества, так и проблемные места, которые в условиях современной глобальной миросистемной конкуренции могут являться драйверами ускорения развития, или барьерами в области эффективности функционирования всех сфер социальной жизни.

Формирование и инкорпорирование в российскую корпоративную культуру универсальных принципов глобальных моделей корпоративной культуры транснациональных корпораций могут порождать как индивидуалистско-корпоративистские ориентации персонала в организациях и на предприятиях, подверженные влиянию геополитических, геоэкономических и геокультурных противников современной России, так и солидаристско-коллективистские основания синтеза традиционных российских ценностей и адаптированных к ним достижений зарубежных культурных форм корпоративной культуры. Это, в свою очередь, приводит к гармонизации цивилизационных и корпоративных культурных ценностей и норм и сохранению и развитию конкурентных преимуществ в процессах многовекторных цивилизационных противостояний при опоре на базовые основания российской социокультурной и государственно-гражданской идентичности. При этом следует принять во внимание, что подавляющее количество публикаций на темы корпоративной культуры посвящены корпоративной культуре университетов, предприятий, организаций, в то время как вопросы о воспроизведении цивилизационных аксиологических ценностях остаются на периферии исследовательского интереса.

Интерес к исследованию детерминирующих факторов корпоративной культуры проявился в 70-80-е гг. XX в. Классические типологические модели и их структура были проанализированы Э. Шейном, а детерминанты подробно разработаны голландским ученым Г. Хофстеде [1-4]. В отечественной науке

основные концептуальные подходы к особенностям отечественной корпоративной культуры были проанализированы А. А. Кокошиным, обратившим внимание на ее цивилизационные особенности в связи с решением задач модернизации российского общества [5]. Углубленное исследование российской культуры управления и, отчасти, корпоративной культуры в рамках цивилизационной парадигмы А. П. Прохоровым [6]. Различные аспекты особенностей корпоративной культуры и адаптации ее западных образцов к российским реалиям изучались в работах А. В. Верникова, В. А. Ядова, Ж. А. Мугаловой, Г. Б. Кошарной, Н. Н. Зарубиной [7-11]. А в последние годы корпоративная культура российских корпораций и организаций вновь привлекла внимание Е. Ю. Душариной, Н. И. Кондрашкиной, В. И. Гостениной, Ж. А. Казориной, А. С. Новикова [12-14] и др. отечественных ученых. Все они, отмечая поливариативность российской корпоративной культуры, сходятся в характеристике отечественной корпоративной культуры как нуждающейся в дальнейших социологических и теоретических культурологических исследованиях.

Целью данного исследования является изучение роли и функций традиционных цивилизационных ценностей российского общества в современной российской корпоративной культуре. Задачей исследования является выявление места и роли функций традиционных ценностей российской цивилизации в современной российской корпоративной культуре в контексте кросс-культурных взаимодействий с инокультурными основаниями зарубежных корпоративных культур. Предмет исследования – аксиологические основания современной российской корпоративной культуры.

Научная новизна исследования определяется обращением к анализу традиционных ценностей российской цивилизации в современной российской корпоративной культуре, которые, как правило, представлялись в отечественной научной литературе по проблеме как тормозящий фактор внедрения международных стандартов корпоративной культуры именуемой давосской бизнес-культурой. Эта культура как многоуровневая социокультурная система, сформированная западным бизнес-сообществом, стремилась навязать другим цивилизациям и странам стандарты западного англосаксонского предпринимательства как высшего достижения в развитии мирового бизнес-сообщества, предлагая им проекты модернизации, то есть приведения в соответствие с глобальными западными стандартами развития своих стран [15].

Проведенные отечественными исследователями корпоративной культуры научные изыскания показали наличие противоречивой картины: с одной стороны, в большинстве компаний и организаций корпоративная культура использовалась, с другой стороны, до сих пор научно не обоснованы модели корпоративной культуры в соответствии со стратегическими направлениями и современным уровнем развития российского общества в целях успешного поступательного продвижения в конкурентном мире.

В методологии исследования корпоративной культуры в прикладных работах основной массив отечественных исследований основывался на подходах западного менеджмента, социологии и психологии управления. В них изначально преобладал акцент на дифференциации различных аспектов изучения корпоративной культуры отдельных, как правило, наиболее успешных крупных компаний и индивидуалистских основаниях межличностных социально-коммуникативных взаимодействий.

Сформулированные определения моделей корпоративной культуры, по преимуществу, пренебрегали цивилизационными особенностями, сосредотачиваясь на роли руководителей корпоративных организаций различного уровня, типологизации организационной культуры и типологических моделях стилей управления. Пожалуй, лишь трехуровневая модель организационной культуры Э. Шейна, включающей глубинный уровень, охватывающей такие элементы как национальный менталитет, верования и убеждения, смыслы предметов и явлений, понимание пространственно-временных отношений, отношение к человеку и его деятельности соответствует отчасти представлениям автора статьи. Причем на осознаваемых сотрудниками организации уровнях ученый поместил поверхностный и подповерхностный уровни. В то время как базовый или глубинный уровень он отнес к трудно осознаваемым персоналом системным элементам организационной культуры [1; 2]. Углубленно дифференцирующие основания различных принципов организационных культур изучил Г. Хофстеде на основании глубинных интервью, программа которых была реализована в 1960-1970-е гг. [3].

Источниковой базой исследования являются научные работы, посвященные корпоративной культуре и результаты исследований корпоративной культуры, содержащихся в различных вторичных социологических источниках – результатах опросов, глубинных интервью.

Классик исследования корпоративной культуры Э. Шейн полагал, что корпоративная культура представляет собой доминантные ценностные ориентации (*dominant value orientations*), которые связаны с дескриптором паттернов (*decipher the pattern*), то есть систему фреймов аксиологических представлений, категоризирующих явления внешней и внутренней среды организации. Они исторически сложились или сформировались в процессе целенаправленного конструирования моделей социально-коммуникативных взаимодействий сотрудников, образующих управляющую и управляемую подсистемы организации [1; 12, с. 64; 13].

Корпоративная культура может представлять собой развернутые применительно к сформулированной миссии компании нормативно-ценностные регулирующие социально-коммуникативные практики установки и нормы по управлению внутриорганизационными либо ориентированными на взаимоотношения с внешними субъектами социального взаимодействия (актерами социально-экономической и медийно-коммуникативной деятельности), в рамках которых в российской предпринимательской культуре 90% руководителей воспринимают внешнюю среду как угрозу стабильности и развитию компании [16].

В российских организациях, как свидетельствуют эксперты, корпоративная культура, сформировавшаяся на основе результатов совместной деятельности в процессе функционирования, охватывает 80% организаций, в то время как социально сконструированная корпоративная культура была генерирована и развита в 20% проанализированных организаций. По данным аналитиков, в западных компаниях это соотношение составляет 30% versus 70%, а в странах Востока – 20% versus 80% [10; 11; 16]. На индивидуальном уровне культура личности, по справедливому замечанию Г. Хофстеде, формируется под влиянием первичной и вторичной социализации и может быть адаптирована к принципам, ценностям и регулятивам корпоративной культуры [3].

О наличии проблемного фактора в формировании корпоративной культуры, заключающегося в воплощении миссии или философии организации в реальной атмосфере внутрикорпоративного климата и межличностных (межстратификационных) отношений в организации свидетельствуют данные опроса Исследовательского центра портала Superjob.ru, проведенного в декабре 2023г.: 85% руководителей компаний указали на недостаток кадров для эффективного функционирования [17].

Соискатели вакансий на российском рынке труда, согласно данным портала Superjob.ru, в числе доминантных факторов при выборе работы отмечают высокий уровень оплаты труда – 61%, адекватность руководства – 36%, стабильность компании – 30%, карьерные перспективы – 29%, комфортную психологическую обстановку – 27% [18]. Причем, как отмечают эксперты, современный рынок труда ориентирован на постоянную адаптацию к динамике социально-культурных изменений в сфере трудовых отношений [19, с. 185]. Попытки клонирования моделей западной корпоративной культуры и их имплантации в российские организации показали несовместимость принципов корпоративной западной культуры и российских реалий [20, с. 89]. 70% опрошенных в 2019-2020 гг. слушателей программы МВА МГУ им. М. В. Ломоносова отметили наличие сформировавшейся корпоративной культуры в своих компаниях, доминантой которой (54% респондентов) назвали культуру ролей, а проектную культуру (адаптивную) выбрали лишь 25% респондентов [21].

Это приводит к состоянию постоянной турбулентности во внутренней сфере отечественной корпоративной культуры, которая побуждает сотрудников различного уровня действовать по сложившимся в данный конкретный момент обстоятельствам – в рамках корпоративных традиций и нормативных ограничений, с одной стороны, и ситуативно, ориентируясь на достижение цели пусть и ценой нарушения установок корпоративной культуры, с другой стороны. Причем для россиян характерно контаминация терпеливого ожидания изменений в лучшую сторону для решения назревших проблем с параллельной ориентацией на скорейшее достижение результата, который требуется административному руководству, что создает особый мобилизационный настрой персонала [5, с. 22].

Кроме того, в российской корпоративной культуре реально действуют механизмы социально-стратификационной солидарности, когда, нарушая официально регламентированные нормы и правила, работники одного уровня стараются поддерживать друг друга, даже в том случае, когда это противоречит целям производственной деятельности. [6, с. 218-226.]

Корпоративная культура в российской варианте издавна представляла собой баланс между завышенными требованиями и ожиданиями администраторов и возможностями подчиненных. Этот баланс соблюдался благодаря тому, что менеджерское звено управления в организациях постоянно смягчало требования вышестоящих управленческих уровней за счет повышения давления на нижестоящие уровни, при этом добиваясь максимального соответствия корпоративных требований и реальных продуктивных практик непосредственно вовлеченных в продуктивную деятельность низовых структур и страт работников [6, с. 309-310]. Во многом эти процессы обусловлены инерционностью социокультурных процессов в деятельности старших возрастных групп работников, которую пытается преодолеть приходящее им на смену поколение центениалов [21].

Отметим, что базовые ценности корпоративной культуры, опираются на аксиологические подходы национальной культуры, что определяет стратегическую ориентацию корпоративной культуры [22, с. 127]. А. С. Кармин обратил внимание отечественных ученых на положения, высказанные Г. Хофстеде, отмечавшего, что культура программирует поведение человека посредством первичной и вторичной социализации в различных коллективах [23, с. 13].

Вместе с тем, согласно мнению ученых, для российских организаций корпоративная культура все еще имеет меньшее значение, в силу более низкого уровня конкуренции в российском бизнес-пространстве, чем в странах Запада [22, с. 127]. На существующем уровне российской корпоративной культуры она определяется сочетанием нормативно-ценностных установок, сформированных в организации, и образом личных имиджей сотрудников, демонстрируя своеобразный гибридный характер [24, с. 17-18]. Но это не отменяет различной степени культуры участия в организации – от формального декларативно-внешнего следования принятым в организации корпоративным культурным стандартам до всестороннего полного углубленного принятия этих стандартов [9, с. 84].

Ряд зарубежных ученых и находящихся в фарватере их методологии исследования отечественных ученых указывают на абстрактную и эволюционирующую природу ценностей, полагая, что ценности изменчивы и под давлением внешних обстоятельств их влияние на корпоративную культуру может снижаться [8, с. 25-29].

В начале XXI в. под агрессивным информационным воздействием медиасреды, продвигающей ценности западной цивилизации, в российском обществе возросла роль ценностей, ориентированных на проявление индивидуализма в различных сферах жизнедеятельности, включая и трудовую деятельность в организациях. Как показали результаты социологического исследования 2006 г., 44% респондентов отметили, что в российском предпринимательском сообществе сформировалась особая корпоративная культура, в которой компании, ориентированные на ее западные модели, составили 55,8%, 32,6% сформировали гибридные модели западной и советской корпоративной культуры, 23,3% ориентировались на советские модели [26, с. 3].

Напротив, коллективистская направленность предполагает соотношение коллективизма и индивидуализма, отражающихся и в современной корпоративной культуре, что свидетельствует о возрастании коллективистских установок в период вторичной социализации, обусловленной выбором жизненной траектории, при сохранении ядра традиционной ментальности. Одновременно коллективизм проявляет себя в широком контексте ролевых моделей социально-коммуникативного поведения [27]. Это и явилось, как представляется, основанием «мутаций» заимствованных форм корпоративного управления и корпоративной культуры западных стран на российской почве реальных социальных отношений и принципов функционирования социальной системы [7].

В современной российской корпоративной культуре в контуре рамочной ценностной матрицы развиваются различные платформы, культивирующие различные модели корпоративной культуры, выбор которых обусловлен различными ориентациями по сферам деятельности и целевым сегментам потребителей, что отражает инновационные процессы в эволюции отечественной корпоративной

культуры [28]. Развитие корпоративной культуры способствует формированию «ценностных ориентиров организации, становятся индивидуальными ценностями сотрудника» [14, с. 55]. А это, в свою очередь, настоятельно требует развития теоретических и прикладных основ новой российской корпоративной культуры, которая, опираясь на достижения мировой науки, позволит создать вариативные модели корпоративной культуры для различных сфер деятельности российского общества на основе исторически сложившегося и развивавшегося аксиологического ценностного ядра российской цивилизации.

Таким образом, российская корпоративная культура формировалась под влиянием советской корпоративной административно-командной культуры и западной корпоративной культуры.

Испытав на себе мощнейшее давление западной литературы по проблемам социального конструирования корпоративной культуры на рубеже XX–XXI вв. и сохраняя в ряде случаев инерционное воздействие советской административно-командной корпоративной культуры, российская корпоративная культура формировалась в режиме адаптации обоих типов корпоративной культуры, пытаясь создать гибридные модели, которые, однако, сохраняли ментальное аксиологическое ядро российской цивилизации.

В настоящее время требуется специальная научно обоснованная разработка нового типа российской корпоративной культуры, которая воплотила бы в себе лучшие черты передовых корпоративных культур, адаптированных к российским реалиям.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Schein, E. H. Organizational culture and leadership / 3rd ed. – San Francisco, CA : Jossey-Bass. A Wiley Imprint, 2004. – 437 p.*
- [2] *Шейн, Э. Организационная культура и лидерство / пер. с англ. С. Жильцов. – Москва; Санкт-Петербург : Питер, 2011. – 330 с.*
- [3] *Hofstede, G. Cultures and Organisations: Software of the Mind. – London : McGraw-Hill, 1991. –576 p.*
- [4] *Hofstede, G. Culture's Consequences. Comparing Values, Behaviors, Institutions and Organizations Across Nations. – Thousand Oaks, CA: SAGE Publ. Inc, 2001. – 616 p.*
- [5] *Кокошин, А. У России своя траектория развития в современном мире // Человек и труд. - 2000. – № 2. – С. 19-23.*
- [6] *Прохоров, А. П. Русская модель управления. – Москва : Журн. Эксперт : Урал-Прес, 2002. – 376 с.*
- [7] *Верников, А. В. Мутация импортных институтов (на примере институтов корпоративного управления) // Концептуальные проблемы рыночной трансформации в России : Сб. ст. / ред. Р.Н. Евстигнеев. – Москва : ИЭ РАН, 2009. – С. 217-249.*
- [8] *Ядов, В. А. К вопросу о национальных особенностях модернизации российского общества // Мир России. – 2010. - № 3. – С. 46-56.*
- [9] *Мугалова, Ж. А. Корпоративная культура современной организации в условиях меняющегося общества // Вестник МИЭП. – 2015. – № 3 -(20). – С. 79-89.*
- [10] *Кошарная, Г. Б. Сущность, структура и функции культуры предпринимательства в современном российском обществе: методологический аспект // Общественные науки. Социология. – 2010. – № 4 -(16). – С. 76-84.*
- [11] *Зарубина, Н. Н. Инновационное развитие России в цивилизационном и институциональном контексте // Мир России. – 2015. – Т. 24. №2. – С. 28-49.*
- [12] *Душарина, Е. Ю. Основные элементы корпоративной культуры // Экономика и бизнес: теория и практика. – 2020. – №3-1(61). – С. 64-67.*
- [13] *Кондрашкина, И. И. Корпоративная культура как фактор конкурентоспособности компании // Вестник Российского университета кооперации. – 2020. – № 2(40). – С. 128-131.*
- [14] *Гостенина, В. И. Корпоративная культура как управленческая технология формирования идентичности персонала / В. И. Гостенина, Ж. А. Казорина, А. С. Новиков // Среднерусский вестник общественных наук. – 2021. – Т. 16. № 4. – С. 42-57.*

- [15] Многоликая глобализация: культурное разнообразие в современном мире / под ред. П.Л.Бергера и С.П.Хантиктона; пер. с англ. В. В. Сапова под ред. М. М. Лебедевой. – Москва : Аспект Пресс, 2004. – 378 с.
- [16] Рубин, Ю. Б. Основы предпринимательства / 2-е изд. – Москва : Синергия, 2019. – 456 с.
- [17] Рынок труда в 2023: тенденции и прогнозы // Исследовательский центр портала Superjob.ru : [сайт]. – URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/114374/rynok-truda-v-2023/> (дата обращения: 07.03.2025).
- [18] При выборе места работы россияне стали чаще обращать внимание на перспективы карьерного роста, но зарплата важнее всего. Социологические опросы. 6 февраля 2025 года // Исследовательский центр портала Superjob.ru : [сайт]. – URL: <https://www.superjob.ru/research/articles/115140/pri-vybore-mesta-raboty-rossiyane-stali-chasche-obraschat-vnimanie-na-perspektivy-karernogo-rosta/> (дата обращения: 07.03.2025).
- [19] Воронов, В. В., Малышев, М. Л. Общее и особенное в новых условиях занятости на рынке труда в стране и регионах // Власть. – 2024. – № 5. – С. 179-186.
- [20] Прокопенко, С. В. Особенности развития предпринимательской культуры России в рыночных условиях. – Текст : электронный // Российский экономический Интернет-журнал. – 2018. – № 4. – С. 89. – URL: <https://www.e-rej.ru/> (дата обращения: 07.03.2025).
- [21] Гудкова, Т. В. Корпоративная культура российских компаний: особенности формирования и тенденции развития // Национальный совет по корпоративному управлению : портал. – URL: <https://nccg.ru/assets/files/3.-t.gudkova-korporativnaya-kultura.pdf/> (дата обращения: 07.03.2025).
- [22] Цыцарова, Н. М. Сильная корпоративная культура как условие обеспечения прочности организации в условиях неопределенности // Экономика и управление: научно-практ. журнал. – 2022. – № 3 -(165). – С. 125-128.
- [23] Кармин, А. С. Культура социальных отношений. – Санкт-Петербург : Лань, 2003. – 928 с.
- [24] Линн, Л. Личный бренд. Позаботьтесь о вашей репутации прежде, чем это сделают другие. – Москва : Азбука Бизнес; Азбука-Аткус, 2014. – 157 с.
- [25] Ajzen, I., Fishbein, M. Attitude-Behavior Relations: A Theoretical Analysis and Review of the Research // Psychological Bulletin. – 1977. – Vol. 84. № 5. – P. 888-918.
- [26] Соловьева, М. В. Корпоративная культура государственных служащих : Сб. по результатам XXVII заоч. науч. конф. // Международный научно-исследовательский журнал [=Research Journal of International Studies]. – 2014. – № 5(24). Ч. 3. – С.49-53. – URL: www.research-journal.org/ (дата обращения: 07.03.2025).
- [27] Пищик, В. И., Жолдасов Д. С. Тренды коллективизма и индивидуализма в ментальности представителей молодых поколений. – Текст : электронный // Мир науки. Педагогика и психология. – 2024. – Т. 12. № 1. – URL: <https://mir-nauki.com/PDF/17PSMN124.pdf> / (дата обращения: 07.03.2025).
- [28] Корпоративная культура и корпоративная среда в России: сложившиеся практики и будущее глазами экспертов // СКАН-Интерфакс : [сайт] . – URL: <https://scan-interfax.ru/blog/korporativnaya-kultura-i-korporativnaya-sreda-v-rossii-slozhivshiesya-praktiki-i-budushhee-glazamiekspertov/?ysclid=m81n484f7w61368428/> (дата обращения: 07.03.2025).

SOCIOCULTURAL FACTORS OF DEVELOPMENT OF MODERN RUSSIAN CORPORATE CULTURE

Davidenko Elena Anatolyevna,

External post-graduate student,
Southern Branch of the Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Krasnodar)

Abstract. *The article is devoted to axiological foundations that are significant for the current stage of development of Russian society and the normative and value regulations formed on their basis in the field of material and spiritual production in the domestic corporate culture. Attempts to subordinate Russian corporate culture to Western models of functioning as formalized and informal institutions, and to transform post-Soviet Russia into a deep periphery of Europe turned into a setback caused by the revival of the sovereignty of Russian society and the state based on the preservation of the axiological core of the Russian mentality in the geopolitical, geo-economic and geocultural space of the world system. At the same time, the Russian corporate culture is far from encapsulation and isolation, is open to all the positive achievements of world science and practice, and is able to perceive and creatively adapt the achievements of Western civilization to Russian specific historical conditions and realities.*

Key words: *corporate culture, civilization, axiology, value core of culture, individualism, collectivism.*

© Давиденко Е.А., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 21.03.2025.

Ссылка на статью:

Давиденко, Е. А. Социокультурные факторы развития современной российской корпоративной культуры – DOI 10.34685/NI.2025.25.57.012. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 2. – С. 54-60. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/694.html&j_id=64.

**ИСКУССТВЕННЫЙ ИНТЕЛЛЕКТ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
ЧЕРЕЗ ПРИЗМУ СУВЕРЕННОСТИ:
К ПРОБЛЕМЕ ЦИФРОВОГО ИНТЕРВЕНЦИОНИЗМА**

DOI 10.34685/HI.2025.38.72.013

Ипполитов Сергей Сергеевич,

доктор исторических наук, главный научный сотрудник
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачёва;
Российская государственная академия интеллектуальной собственности (Москва)
Email: nivestnik@yandex.ru

Аннотация. Недоверие правительственного аппарата к национальному экспертному сообществу; отсутствие собственной национально-ориентированной экспертизы глобальных проектов, определяющих развитие государства на десятилетия вперед; слепое и безоговорочное доверие западным рейтингам; нежелание заниматься трудоемкими аналитическими процедурами и экспертными изысканиями в противовес доступной «чужой» аналитике – эти и целый ряд иных когнитивных, политических и экономических препятствий могут иметь своим следствием потерю государством суверенитета в гуманитарной сфере. Принятая в 2024 г. в Республике Казахстан Концепция развития искусственного интеллекта на 2024-2029 годы, в основу которой был положен рейтинг британской компании Oxford Insights «Индекс готовности правительств к искусственному интеллекту 2023», стала конкретным примером использования в государственном планировании сомнительного источника данных. В статье подробно анализируется деятельность и компетенции компании Oxford Insights в контексте декларируемой ею политики цифрового интервенционизма.

Ключевые слова: искусственный интеллект, Республика Казахстан, интервенционизм, нейросети, творческие индустрии, суверенность, национальный суверенитет, цветная революция, Oxford Insights, DeepSeek.

Искусственный интеллект, ставший одним из главных событий цифровой, научной и общественной жизни последних пяти лет, повлек за собой стремительные изменения во всех отраслях экономики, предпринимательства, социальной сферы. Национальные правительства практически всех стран мира с тем или иным успехом принялись за разработку и срочное принятие государственных программ развития ИИ-инфраструктуры и адаптацию законодательств к изменившимся правовым реалиям.

Приметой текущего момента стало резкое увеличение публицистических и научных трудов, исследующих новую цифровую реальность, созданную активным проникновением ИИ во все сферы человеческой жизни [1–9]. На фоне значительного количества исследований, посвященных этическим, правовым, технологическим аспектам внедрения ИИ, продолжает нарастать дефицит профессиональных трудов, посвященных философским, политическим и гуманитарным вызовам, порождаемым активной деятельностью нейросетей. Одним из таких вызовов в нейросетевой реальности становится зависимость суверенных государств от ИИ-моделей, создаваемых ограниченным кругом высокотехнологических компаний, занимающихся как разработкой программного обеспечения, так и производством элементной базы для серверов, поддерживающих ИИ-решения.

Не менее острой проблемой в этом контексте является сегодня крайне ограниченный круг аналитиков и экспертов в данной области. Разработка национальных программ развития ИИ-инфраструктуры осуществляется правительствами ряда государств во многом интуитивно, зачастую с опорой на различного рода рейтинги, составлением которых занимается, как правило, узкий круг западных организаций, вовлеченных в разработку глобальных стратегий цифрового развития, с явным уклоном на соблюдение интересов ограниченного перечня заинтересованных государств.

Типичным примером такого подхода к созданию национальной долгосрочной программы развития искусственного интеллекта стала Концепция Республики Казахстан, принятая 24 июля 2024 года, и рассчитанная на период до 2029 г. Одним из побудительных мотивов создания Концепции стало выступление Президента Казахстана Касым-Жомарт Токаева на Международном технологическом форуме "Digital Bridge 2023" в Астане, в котором была подчеркнута важность искусственного интеллекта для экономического роста страны [10].

Уже в преамбуле документа его составители прямо заявили, что «готовность правительств к использованию искусственного интеллекта определяется методикой расчета Oxford Insights, в которой анализируются основные тенденции и инициативы. Согласно Индексу готовности правительства к искусственному интеллекту на 2023 год, проведенному Oxford Insights, Казахстан находится на 72 месте среди 193 стран» [10].

Именно на ранжировании рейтинга компании Oxford Insights построены умозаключения авторов документа и вся правительственная программа развития искусственного интеллекта крупнейшего центрально-азиатского государства, утвержденная правительством Республики Казахстан и подписанная премьер-министром О.Бектеновым.

Прогнозируемая успешность государственной программы развития ИИ в Республике Казахстан также оказывается тесно увязанной с рейтингом компании Oxford Insight: «Рост результатов Казахстана в рейтинге Oxford Insights по направлению "Доступ к данным" (каждый год увеличение рейтинга как минимум на одну позицию с 2024 по 2029 гг.).

Рост результатов Казахстана в рейтинге Oxford Insights по направлению "Инфраструктура" (каждый год увеличение рейтинга как минимум на одну позицию с 2024–2029 гг.).

Рост результатов Казахстана в рейтинге Oxford Insights по направлению "Видение" и "Управление и этика" (каждый год увеличение рейтинга как минимум на одну позицию с 2024–2029 гг.).

Рост результатов Казахстана в рейтинге Oxford Insights по направлению "Человеческий капитал" (каждый год увеличение рейтинга как минимум на одну позицию с 2024–2029 гг.)» [10].

Действительно, компания Oxford Insights специализируется на консультировании и аналитике в сфере управления данными. На официальном сайте компании констатируется, что «инновации в коммерческих технологиях могут обеспечить огромное конкурентное преимущество для экономики страны. Однако выбор режима управления данными – **это глубоко политический акт**. Наиболее влиятельные государства в киберпространстве ввели совершенно разные правовые кодексы, и **развивающиеся страны, как правило, следуют подходу своих крупнейших экономических партнёров** при разработке собственных стратегий в отношении данных [11].

Учредителями Oxford Insights являются два физических лица: Эмма Мартино-Трусвелл и Ричард Стирлинг.

На персональной странице Эммы Мартино-Трусвелл указано, что она «стала соучредителем стартап-хаба Labora; консультировала правительства Израиля, Австралии и Украины по вопросам управления изменениями» [12]. При попытке перейти по предложенной гиперссылке и ознакомиться с деятельностью стартап-хаба Labora сделать это не удастся: вместо официальной страницы стартап-хаба открывается страница провайдера, где появляется объявление: «Доменное имя Labora.io выставлено на продажу!» [13] Указана также цена, по которой любой желающий может приобрести доменное имя этого перспективного стартап-хаба, учрежденного Эммой Мартино-Трусвел, из чего можно предположить, что опыт самостоятельной деятельности соучредителя Oxford Insights не был удачным. Насколько успешным оказалось «консультирование Израиля, Австралии и Украины по вопросам управления изменениями» трудно оценить из-за отсутствия достоверной информации.

Другим достижением учредителя Oxford Insights Эммы Мартино-Трусвелл, по утверждению официального сайта компании, стала разработка программы ASEAN Data Startup Accelerator, призванной «объединять стартапы и социальные предприятия для прохождения обучения, получения

экспертных консультаций» [14]. Последняя новость, размещенная на сайте этого проекта, датируется мартом 2018 года.

Вторым соучредителем и одновременно генеральным директором Oxford Insights является Ричард Стирлинг. На его персональной странице сообщается, что он является ведущим куратором Международной хартии открытых данных, основными направлениями деятельности которой заявлены «борьба с коррупцией, меры по борьбе с изменением климата и достижение гендерного равенства» [15]. При этом процитированный список является исчерпывающим – иных направлений деятельности на официальном сайте хартии не указано.

Другой организацией, с которой сотрудничает Ричард Стирлинг, значится Open North – «некоммерческая организация, деятельность которой направлена на общее благо». Стремление к общему благу, в понимании Open North, означает, что «все люди по своей природе обладают силой и правом голоса, чтобы заявлять о своих приоритетах, потребностях и желаниях и определять своё будущее. Благодаря нашей работе в области данных и цифровых технологий мы стремимся **выявлять и устранять системные барьеры для маргинализированных групп**, которые часто не участвуют в принятии решений, влияющих на их жизнь» [16].

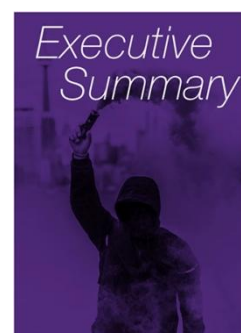
На официальном сайте Oxford Insights опубликовано несколько докладов, позволяющих понять основные направления деятельности этой организации. Так, в аналитическом докладе «Искусственный интеллект и новые миры протеста, революции и цифрового интервенционизма» обозначена цель исследования: «проанализировать возникающую технологическую напряжённость в новых мирах протеста и государственного контроля. Эта напряжённость влияет на внешнюю политику правительств либеральных демократий, таких как Великобритания, где мы базируемся. Правительства либеральных демократий часто оказываются втянутыми в государственные кризисы за рубежом, когда возникает необходимость действовать, чтобы противостоять злоупотреблениям авторитарных режимов. Им необходимо понимать, как развиваются эти протесты и революции, чтобы их реакция была принципиальной и последовательной [17].

Содержательную часть доклада предваряет иллюстрация, которая, вероятно, должна в графической и эмоциональной форме декларировать его основную цель (Илл. 1):

В числе прочего доклад рекомендует «работать над созданием международных норм и доступом оппозиционных групп к технологическим инструментам, которые позволили бы, например, обнаруживать дезинформацию, или как ИИ должен и не должен использоваться для уклонения от надзора против собственных граждан страны» [17].

В качестве конкретного примера и образца для подражания Oxford Insights рекомендует использовать опыт «цифрового художника» Андрея Максимова, создавшего видео, как искусственный интеллект может быть использован для идентификации человека, а конкретно – полицейского, выполняющего свои должностные обязанности в маске. Доклад Oxford Insights констатирует, что видео Максимова предназначено для того, чтобы **«вселить страх в полицию Беларуси**, основываясь на том, что ИИ может сделать при использовании инструментов распознавания лиц» [17].

В докладе анализируются также протесты в Гонконге, где «страх перед системами видеонаблюдения заставил протестующих надеть маски для лица или взять зонтики. Для протестующих маска была необходимым инструментом, чтобы избежать устрашающей руки пекинского аппарата наблюдения». В ответ на запрет китайского правительства на использование скрывающих лица масок протестующие попытались создать инструмент распознавания лиц для идентификации анонимных сотрудников полиции, но «не смогли завершить проект, потому что не хватало времени и ресурсов». Подводя промежуточный итог в анализе использования искусственного интеллекта для дестабилизации суверенных государств, авторы Oxford Insights отмечают, что «поддержка со стороны иностранных НПО и правительств могла бы быть целенаправленной. Вполне возможно, что в будущих государственных кризисах протестующие настроят государство наблюдения против самого себя.

Одним из новых направлений протеста вполне может стать **взлом "умных" систем с целью дестабилизации правительства**. Oxford Insights отмечает, что **"Цифровой интервенционизм", возможно, является дешевым и относительно безрисковым способом прямого влияния на протестные движения за рубежом** [17].

Одним из «плодотворных путей» возможного развития цифрового интервенционизма Oxford Insights видит создание в Китае механизма демонтажа большей части архитектуры искусственного интеллекта с помощью некоего международного надзорного органа. При этом Oxford Insights отмечает, что «международное давление, основанное на четкой правовой базе, возможно, менее рискованно в долгосрочной перспективе, чем **кампании по цифровому разрушению в поддержку протестующих как одна из форм цифрового интервенционизма**».

«Цифровое вмешательство», по мнению Oxford Insights, является дешевым и относительно безрисковым способом прямого влияния на ход протестных движений. Стратегия поддержки «продемократических» движений за рубежом может включать в себя проведение обучения на низовом уровне, которое поможет выявлять «подделки», или создание международной системы аккредитации для отличия реальных видеозаписей от поддельных. Искусственный интеллект также должен играть определенную роль в обнаружении ботов, дезинформации и глубоких подделок. **Для местных оппозиционных деятелей разработка такой технологии или доступ к ней могут иметь жизненно важное значение для их успеха или неудачи** [17].

Следует отдать должное аналитикам Oxford Insights: в определенный момент они задаются вопросом, а что если их геополитические оппоненты также начнут использовать искусственный интеллект описанным выше способом? «Оправданно ли осуждать такие страны, как Россия, когда они нацелены на граждан либерально-демократических стран с помощью дезинформации»? Как относиться к кампаниям влияния, которые идут «в другом направлении»? При ответе на эти гипотетически-неудобные вопросы авторы Oxford Insights дают безупречный идеологический ответ: «можно утверждать, что цель защиты граждан от угнетающего государства делает эти случаи разными» [17].

Развивая далее эту идеологическую установку, Oxford Insights рассуждает о «либеральных демократиях», которые могут пожелать ограничить доступ к информации, кто и как проходит обучение этим технологиям **[цифрового интервенционизма]** и кому может быть предоставлен доступ к соответствующему программному обеспечению, прямо ассоциируя данную деятельность с оборотом оружия: «это вопросы такого рода, как **ограничение на продажу оружия**, которое должно лежать в основе любого обсуждения продажи оборудования определенным режимам. Вероятно, потребуется основа для критики внедрения таких технологий Китаем, Россией и странами, начинающими сталкиваться с этими вопросами, включая, например, саудовские компании» [17].

Что же представляет собой Индекс готовности правительств к искусственному интеллекту 2023, представленный Oxford Insights? Рейтинг составлен на основе большого количества различных индикаторов, находящихся в открытом доступе: Индекс готовности правительства к использованию

Government AI Readiness Index 2023

Annex II: Detailed scores

Global Ranking	Country	Total score	Government Pillar	Technology Sector Pillar	Data & Infrastructure Pillar
1	United States of America	84.80	86.04	81.02	87.32
2	Singapore	81.97	90.40	66.19	89.32
3	United Kingdom	78.57	82.50	68.80	84.42
4	Finland	77.37	88.34	60.36	83.39
5	Canada	77.07	85.30	64.73	81.17
6	France	76.07	84.03	60.40	83.80
7	Republic of Korea	75.65	87.55	54.36	85.02
8	Germany	75.26	80.78	63.28	81.72
9	Japan	75.08	82.76	56.85	85.61
10	Netherlands	74.47	78.90	61.96	82.55
11	Denmark	73.91	84.11	59.98	77.65
12	Australia	73.89	83.34	52.57	85.75
13	Norway	72.71	81.77	54.97	81.40
14	Sweden	72.55	74.70	62.71	80.26
15	Austria	72.37	77.69	56.43	82.98
16	China	70.94	77.32	60.76	74.75
17	Estonia	70.86	80.54	52.52	79.54
18	United Arab Emirates	70.42	78.32	56.67	76.28
19	Taiwan	70.25	75.33	54.58	80.85
20	Ireland	69.82	71.51	56.96	81.00

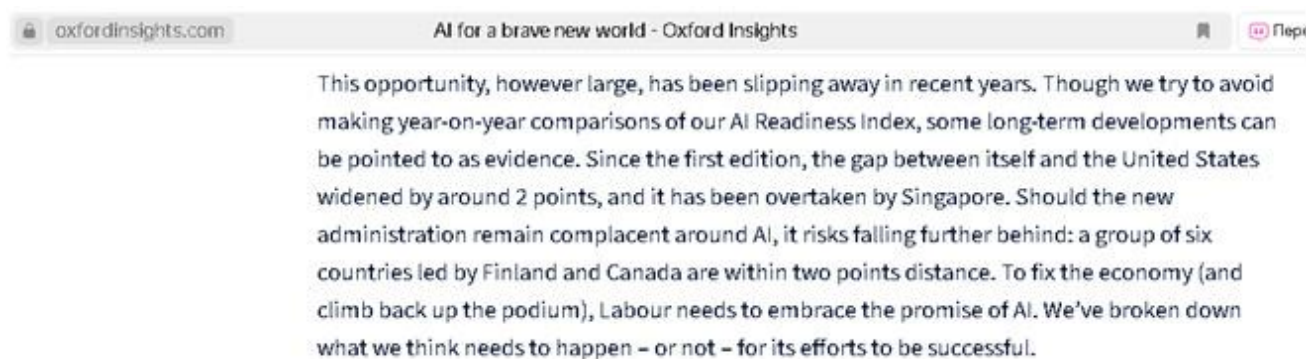
ИИ объединяет 39 показателей по 10 направлениям, объединённых в 3 блока. «Показатели получены в результате кабинетных исследований и из вторичных источников, таких как оценки из других индексов или наборы данных из крупных хранилищ, таких как Всемирный банк или ООН» [17].

Первая двадцатка лидеров, по версии Oxford Insights, представляет собой следующее (Илл. 2) [18]:

В индексе 2023 г. Республика Казахстан расположена на 72-й позиции; Российская Федерация – на 38-й. Первую позицию рейтинга и в 2023, и в 2022 годах заняли США; на второй позиции авторы расположили Сингапур. Именно эта версия Индекса стала той основой, на которой впоследствии стали выстраивать свою суверенную политику в области развития искусственного интеллекта другие страны мира.

Насколько объективна и достоверна предложенная градация? Ниже в статье мы кратко остановимся на критериях оценки государств, использованных Oxford Insights, но сейчас приведем цитату генерального директора и соучредителя компании, уже упоминавшегося выше Ричарда Стирлинга, из его интервью, опубликованного 30 июля 2024 г. на официальном сайте Oxford Insights: «Хотя мы стараемся не сравнивать наш индекс готовности к ИИ из года в год, можно привести некоторые долгосрочные тенденции. С момента выхода первого издания разрыв между Сингапуром и Соединёнными Штатами увеличился примерно на 2 пункта, **и Сингапур обогнал США**. Если новая администрация продолжит бездействовать в отношении ИИ, она рискует ещё больше отстать: группа из шести стран во главе с Финляндией и Канадой отстаёт всего на два пункта» [19].

Ниже приведен скриншот оригинального текста с официального сайта Oxford Insights (Иллюстрация 3).

Напомним, рейтинг правительств по готовности к ИИ был опубликован 20 декабря 2023, т.е. за семь месяцев до выхода интервью Ричарда Стирлинга.

Какая же информация верна? Какое государство действительно занимает первую строчку рейтинга: США или Сингапур? Что произошло: генеральный директор Oxford Insights забыл о каких-то договоренностях и случайно разгласил конфиденциальную информацию о реальном положении дел в отрасли? Насколько верны и объективны оценки других участников рейтинга? К сожалению, у нас нет ответа на возникающие вопросы.

А вопросы при анализе рейтинга возникают. Так, например, Китайская Народная Республика оказалась на шестнадцатой строчке рейтинга, ниже Финляндии, Нидерландов, Дании, Австрии и Австралии, и всего лишь на одну ступень выше Эстонии. Предпринятая попытка найти информацию о развитии искусственного интеллекта в Финляндии, занимающей четвертую строчку рейтинга, в определенном смысле увенчалась успехом: была обнаружена новость от апреля 2024 г. о разработке в Финляндии нового рецепта приготовления кофе с помощью нейросети [20]. При этом не удалось установить, какая конкретно нейросеть для этого использовалась: национальная финская или иная.

На официальном сайте Oxford Insights имеется информация о процессе подготовки рейтинга и тех процедурах, которые сопровождали его создание. Так, в 2022 г. сотрудница компании Эмма Хэнкинс дала интервью, в котором подробно описала методологию составления рейтинга – текст интервью

опубликован на официальном сайте Oxford Insights. В числе прочего Эмма Хэнкинс отметила, что ей, «как человеку, работавшему с каждым фрагментом данных, из которых состоит индекс, **было трудно интерпретировать эти данные с практической точки зрения**. Цифры – это здорово, но сами по себе они часто не рассказывают понятную историю» [12].

Следующий этап работы над рейтингом, по словам Эммы Хэнкинс, – «нормализация» данных: «необработанные данные нормализуются таким образом, чтобы все показатели имели значения по шкале от 0 до 100, что необходимо для сравнения. **Мы также заменяем отсутствующие данные средним значением этого показателя для группы стран-аналогов** в соответствии с уровнем дохода и регионами Всемирного банка» [12].

Действительно, практика «средних значений» и «замены данных» не является для Oxford Insights исключительным явлением. Так, при описании методологии использования статистической информации, Oxford Insights особо оговаривает: «наборы данных EGD I ООН и Всемирного банка Worldwide Governance Indicators (WGI) доступны для 193 и 196 стран, соответственно. Баллы GTMI для семи экономик – Гонконг, Китай, Косово; Макао, Монако, Западный берег и сектор Газа; Сан Марино, Тайвань, не включенных в наборы данных EGD I или WGI, **были рассчитаны без учета пропущенных параметров (и путем уменьшения суммы максимальных баллов соответственно)**» [21].

«Из-за нехватки ресурсов и времени» набор данных GovTech изначально разрабатывался Oxford Insights с использованием общедоступных данных и отчетов на правительственных веб-сайтах – «сбор данных с помощью опросных форм или взаимодействия с государственными должностными лицами был невозможен из-за широкого спектра охваченных систем и услуг». Некоторые возможности, связанные с участием граждан и обратной связью, доступны только тогда, когда гражданин фактически регистрируется на портале, и эти встроенные функции могли быть упущены при сборе данных. Кроме того, набор данных мог не отражать наличия национального портала участия граждан в некоторых федеральных странах, хотя такие платформы могут существовать для различных министерств и агентств или на уровне провинций или штатов [21].

Иными словами, массив доступной информации о процессе и обстоятельствах подготовки Индекса готовности правительства к искусственному интеллекту на 2023 год по версии компании Oxford Insights не позволяет сколько-нибудь серьезно относиться к его рекомендациям и выводам. Рамки журнальной статьи не позволяют углубиться в исследование используемых в рейтинге Oxford Insights индикаторов и оценить чистоту их интерпретации. Но даже беглого взгляда на методику составления этого документа, без серьезного анализа принятого на вооружение некоторыми суверенными государствами, достаточно для понимания субъективизма и тенденциозности его авторов.

Следует отметить, что не только Республика Казахстан использовала для формирования собственной государственной политики этот сомнительный документ. На gov.ru – главном домене российских государственных сайтов, на котором находится основной сайт Правительства России, под эгидой Национального центра развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации опубликован подробный разбор рейтинга Oxford Insights, а также предоставлен полный его текст для скачивания [22]. Есть скромная надежда, что правительство Российской Федерации не последует примеру своих казахских коллег и не станет формировать национальную стратегию развития искусственного интеллекта на основе этого документа.

Особенно учитывая тот факт, что 27 января 2025 г., в процессе подготовки настоящей статьи, весь мир облетела новость о катастрофическом падении фондовых индексов высокотехнологических компаний США, связанных с разработкой моделей искусственного интеллекта и производством оборудования для него. Китайская модель искусственного интеллекта DeepSeek «вызвала панику по всей Кремниевой долине». А приложение, похожее по функционалу на американскую модель ChatGPT, вышло в лидеры рынка по количеству скачиваний. DeepSeek разработала лаборатория ИИ из Китая. Ее языковые модели «могут превзойти лучшие американские аналоги, несмотря на то, что китайские построены дешевле и с менее мощными чипами». DeepSeek представила свою модель в конце декабря. На ее создание ушло всего два месяца и менее шести миллионов долларов, с использованием более старых чипов от американской компании Nvidia, поставка которых в КНР запрещена незаконными экономическими рестрикциями американского правительства [23]. Общие потери американского фондового рынка за два дня с момента презентации DeepSeek превысили, по

некоторым оценкам, один триллион долларов. И осуществила этот технологический прорыв компания из страны, находящейся на шестнадцатом месте рейтинга Oxford Insights.

Еще более значимым показателем успеха DeepSeek стал тот факт, что создание этой ИИ-модели обошлось на несколько порядков дешевле американских аналогов; качество не уступает им, количество разработчиков меньше в разы, а сам функционал DeepSeek находится в открытом доступе. Эти факты полностью дискредитируют идеологию рейтинга Oxford Insights, базирующуюся на корреляции финансовых вложений с местом страны в индексе готовности правительств.

Остается открытым ответ на вопрос: что заставляет национальные правительства определять собственную политику на основании сомнительных, непрофессиональных и зачастую откровенно враждебных источников? Сложно представить, что интеллектуальные ресурсы Республики Казахстан не позволяют этому развитому государству осуществить самостоятельный аудит собственной государственной системы, экономической модели и IT-инфраструктуры, и на основе этого непредвзятого анализа построить национальную концепцию развития искусственного интеллекта. Аналогичный вопрос можно адресовать и правительству Российской Федерации. Что заставляет правительственных экспертов раз за разом обращаться к мнению западных источников? Слово "Oxford" в названии компании? Но одноименный британский университет не имеет никакого отношения к фирме Oxford Insights – ни один из представленных на сайте компании сотрудников это учебное заведение не оканчивал, а сам университет ни коим образом с этой фирмой не аффилирован – информация об обратном отсутствует на официальном сайте.

Недоверие правительственного аппарата к национальному экспертному сообществу; отсутствие собственной национально-ориентированной экспертизы глобальных проектов, определяющих развитие государства на десятилетия вперед; слепое и безоговорочное доверие западным рейтингам; нежелание заниматься трудоемкими аналитическими процедурами и экспертными изысканиями в противовес доступной «чужой» аналитике – эти и целый ряд иных когнитивных, политических и экономических препятствий могут иметь своим следствием потерю государством суверенитета в гуманитарной сфере. Использование в реализации государственных задач зарубежных экспертных оценок, неконтролируемое внедрение рекомендаций, советов и рейтингов иностранных аналитических центров чреваты опасностью цифрового интервенционизма, когда независимые суверенные государства будут подчинять свое развитие чуждым планам и целям.

Исследование выполнено в рамках исполнения НИР по теме: «Творческие (креативные) индустрии (по видам) как социально-экономический сегмент в государствах-членах ЕАЭС: состояние и перспективы» (2-ГЗ-2023). ФГБОУ ВО РГАИС.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Артений, Л. С.* Искусственный интеллект в авторском праве. – Текст : электронный // Вестник науки и образования. – 2019. – № 7-1(61). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-v-avtorskom-prave> (дата обращения: 12.05.2024).
- [2] *Атабеков, А. Р.* Анализ регулятивных подходов в области обеспечения защиты интеллектуальных прав искусственного интеллекта: опыт зарубежных стран и перспективы публичного права России. – Текст : электронный // Теория и практика общественного развития. – 2023. – № 5(181). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/analiz-regulyativnyh-podhodov-v-oblasti-obespecheniya-zaschity-intellektualnyh-prav-iskusstvennogo-intellekta-opyt-zarubezhnyh> (дата обращения: 12.05.2024).
- [3] *Искакова, Ж. Т., Кашкин С. Ю.* Современное авторское право и проблемы развития искусственного интеллекта. – Текст : электронный // Вестник Университета имени О.Е.Кутафина. – 2020. – № 2(66). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sovremennoe-avtorskoe-pravo-i-problemy-razvitiya-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 12.05.2024).
- [4] *Лаптев, В. А.* Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу. – Текст : электронный // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2019. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ponyatie-iskusstvennogo-intellekta-i-yuridicheskaya-otvetstvennost-za-ego-rabotu> (дата обращения: 12.05.2024).

- [5] *Михович, Е. А.* Правовой режим произведений, созданных с помощью искусственного интеллекта. – Текст : электронный // Скиф. – 2022. – № 5(69). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-rezhim-proizvedeniy-sozdannyh-s-pomoschyu-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 12.05.2024).
- [6] *Наумов, В. Б., Тютюк, Е. К.* К вопросу о правовом статусе «Творчества» искусственного интеллекта. – Текст : электронный // Правоведение. – 2018. – № 3. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-pravovom-statuse-tvorchestva-iskusstvennogo-intellekta> (дата обращения: 12.05.2024).
- [7] *Овсепян, Т. Р.* Искусственный интеллект: правообладатель или исполнитель произведения искусства? – Текст : электронный // Государственная служба и кадры. – 2023. – № 5. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-pravoobladatel-ili-ispolnitel-proizvedeniya-iskusstva> (дата обращения: 09.05.2024).
- [8] *Тормозова, В. А.* К вопросу о возможности признания искусственного интеллекта автором результатов интеллектуальной деятельности. – Текст : электронный // Научные записки молодых исследователей. – 2022. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-o-vozmozhnosti-priznaniya-iskusstvennogo-intellekta-avtorom-rezultatov-intellektualnoy-deyatelnosti> (дата обращения: 12.05.2024).
- [9] *Черничкина, Г. Н.* К вопросу развития правовой охраны произведения в условиях цифровизации с опорой на традиции. – Текст : электронный // Право и государство: теория и практика. – 2023. – № 4(220). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/k-voprosu-razvitiya-pravovoy-ohrany-proizvedeniya-v-usloviyah-tsifrovizatsii-s-oporoy-na-traditsii> (дата обращения: 12.05.2024).
- [10] Информационно-правовая система нормативных правовых актов Республики Казахстан. Об утверждении Концепции развития искусственного интеллекта на 2024–2029 годы. Постановление Правительства Республики Казахстан от 24 июля 2024 года № 592. – URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/P2400000592> (дата обращения: 29.01.2024).
- [11] Oxford Insights : [сайт]. – URL: <https://oxfordinsights.com/projects/the-geopolitics-of-data-governance-data-governance-regimes/> (дата обращения: 28.01.2025).
- [12] Emma Martinho-Truswell. – URL: <https://oxfordinsights.com/team/emma-martinho-truswell/> (дата обращения: 28.01.2025).
- [13] GoDaddy Operating Company, LLC. – URL: https://www.godaddy.com/forsale/labora.io?utm_source=TDFS_BINNS2&utm_medium=parkedpages&utm_campaign=x_corp_tdfs-binns2_base&traffic_type=TDFS_BINNS2&traffic_id=binns2& (дата обращения: 28.01.2025).
- [14] ASEAN Data Startup Accelerator. – URL: <https://gust.com/programs/asean-data-startup-cohort-2> (дата обращения: 28.01.2025).
- [15] Хартия открытых данных. – URL: <https://opendatacharter.org/> (дата обращения: 28.01.2025).
- [16] Open North. – URL: <https://opennorth.ca/about/#values> (дата обращения: 28.01.2025).
- [17] Artificial Intelligence and the New Worlds of Protest, Revolution, and Digital Interventionism. – URL: <https://oxfordinsights.com/projects/artificial-intelligence-and-the-new-worlds-of-protest-revolution-and-digital-interventionism/> (дата обращения: 28.01.2025).
- [18] Release: 2023 Government AI Readiness Index reveals which governments are most prepared to use AI. – URL: <https://oxfordinsights.com/insights/release-2023-government-ai-readiness-index-reveals-which-governments-are-most-prepared-to-use-ai/> (дата обращения: 29.01.2025).
- [19] *Stirling, R., Grau, G.* AI for a brave new world. – URL: <https://oxfordinsights.com/insights/ai-for-a-brave-new-world/> (дата обращения: 29.01.2025).
- [20] В Финляндии искусственный интеллект создал новый кофе. Эксперты признали разработанный нейросетью купаж идеальным // РБК : [сайт]. – URL: <https://www.rbc.ru/life/news/6627a1139a79470cb66c30fc?ysclid=m6htlppdy5509686905> (дата обращения: 28.01.2025).
- [21] 2024 Assessing potential future artificial intelligence risks, benefits and policy imperatives // OECD Artificial Intelligence Papers. Nov. 2024. No 27. – URL: https://www.oecd.org/content/dam/oecd/en/publications/reports/2024/11/assessing-potential-future-artificial-intelligence-risks-benefits-and-policy-imperatives_8a491447/3f4e3dfb-en.pdf (дата обращения: 28.01.2025).
- [22] 2023 Government AI Readiness Index 2023, OXIL. – URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/infrastruktura-ii/2023_indeks_gotovnosti_pravitelstv_k_vnedreniyu_iskusstvennogo_intellekta_2023_government_ai_readiness_index_2023_oxil/ (дата обращения: 28.01.2025).
- [23] Китайская версия ИИ наделала шума в Кремниевой долине. – URL: <https://easaily.com/ru/news/2025/01/27/kitayskaya-versiya-ii-nadelala-shuma-v-kremnievoy-doline> (дата обращения: 28.01.2025).

**ARTIFICIAL INTELLIGENCE OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
THROUGH THE PRISM OF SOVEREIGNTY:
TOWARDS THE PROBLEM OF DIGITAL INTERVENTIONISM**

Ippolitov Sergey Sergeevich,

D. in History, Chief Researcher, Likhachev Russian
Research Institute for Cultural and Natural Heritage;
Russian State Academy of Intellectual Property (Moscow)

Abstract. *The government's distrust of the national expert community; the lack of its own nationally oriented expertise of global projects that determine the development of the state for decades to come; blind and unconditional trust in Western ratings; unwillingness to engage in laborious analytical procedures and expert research as opposed to accessible "foreign" analytics - these and a number of other cognitive, political and economic obstacles may have as a result, the State's loss of sovereignty in the humanitarian sphere. Adopted in 2024. In the Republic of Kazakhstan, the Concept of Artificial Intelligence development for 2024-2029, based on the rating of the British company Oxford Insights "Government Readiness Index for Artificial Intelligence 2023", has become a concrete example of the use of a dubious data source in government planning. The article analyzes in detail the activities and competencies of Oxford Insights in the context of its declared policy of digital interventionism.*

Key words: *artificial intelligence, Republic of Kazakhstan, interventionism, neural networks, creative industries, sovereignty, national sovereignty, color revolution, Oxford Insights, DeepSeek.*

© Ипполитов С.С., текст, ил., 2025
Статья поступила в редакцию 20.02.2025.
Публикуется в авторской редакции.

Ссылка на статью:

Ипполитов, С. С. Искусственный интеллект Республики Казахстан через призму суверенности: к проблеме цифрового интервенционизма. – DOI DOI 10.34685/ИИ.2025.38.72.013. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 2. – С. 61-69. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/696.html&j_id=64.

СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ КАК ДРАЙВЕР ФОРМИРОВАНИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО КАПИТАЛА

DOI 10.34685/HI.2025.87.56.016

Макухина Анастасия Владиславовна,

директор коммуникационного агентства MAVLAN (Москва);

аспирант, Государственный институт искусствознания

Email: nastua.nastya2000@gmail.com

Аннотация. В статье рассматриваются возможности использования социальных сетей как драйвера формирования человеческого капитала в условиях цифровизации культуры. На основе теоретических подходов к пониманию человеческого и культурного капитала анализируется, каким образом сетевые коммуникации, осуществляемые учреждениями культуры, могут способствовать его накоплению. Отдельное внимание уделено просветительской, коммуникативной и мотивационной функциям социальных сетей, а также их роли в снижении барьеров доступа к культурным практикам. В качестве примера рассматривается деятельность театров в цифровом пространстве. Показано, что социальные сети могут формировать культурную вовлечённость, усиливать зрительскую мотивацию и расширять аудиторию. Делается вывод о необходимости дальнейших прикладных исследований, направленных на оценку эффективности цифровых стратегий учреждений культуры с точки зрения формирования человеческого капитала.

Ключевые слова: социальные сети, человеческий капитал, культурный капитал, цифровизация культуры, театр, культура, зрительская аудитория.

Теория «человеческого капитала» как учение о влиянии общего уровня развития населения на экономику страны была исследована Т. Шульцем, Дж. Минсером и Г. Беккером в XX веке. Ее трактовали следующим образом: «любой актив – физический или человеческий – является капиталом, так как он обладает способностью генерировать поток будущих доходов» [1]. Основными факторами, влияющими на человеческий капитал, являются расходы на социальную сферу: образование, науку, здравоохранение, культурный и спортивный досуг. Важнейшим источником человеческого капитала является художественная культура. Она способна воздействовать на сознание индивида, задавать ориентиры во всех сферах жизни и формировать общественную и индивидуальную систему ценностей и мотиваций, определяющих человеческое поведение.

Понятие «культура» богато своими трактовками. Анализ определений показывает, что исследователи подходят к раскрытию этого понятия с разных ракурсов: философского, социологического, культурологического и других. В данной работе культура рассматривается как совокупность норм, ценностей, знаний, форм поведения и способов символического взаимодействия, которые формируются и воспроизводятся в обществе. Такое понимание включает не только продукты творческой деятельности, но и более широкие культурные практики – обучение, социальную коммуникацию, передачу ценностей и др. Такой подход соотносится с семиотической концепцией, согласно которой культура выступает как механизм хранения, трансляции и преобразования социально значимой информации.

Актуальность настоящего исследования обусловлена тем, что в современных условиях культура рассматривается как важнейший ресурс, способствующий формированию человеческого капитала. Согласно Стратегии социально-экономического развития Российской Федерации до 2030 года, инвестиции в развитие личности и вовлечения граждан в культурную жизнь являются условием для устойчивого экономического роста. Приобщение к культуре расширяет горизонты мышления, укрепляет ценностные ориентиры, формирует социальные и коммуникативные навыки — всё это напрямую связано с накоплением культурного и человеческого капитала. В связи с этим особое значение приобретают инструменты, способные облегчить доступ к культурным благам. Одним из таких

инструментов сегодня выступают социальные сети, благодаря которым культурные блага, ранее доступные ограниченному кругу людей, стали частью широкой общественной повседневности.

Цель статьи — показать, что социальные сети могут выступать драйвером формирования человеческого капитала через сетевую активность учреждений культуры.

Развитие теории человеческого капитала

В широком смысле слова человеческий капитал — это умственный и физический потенциал человека, который помогает ему увеличивать собственную производительность труда и, как следствие, свой доход, что напрямую влияет на экономику государства. Эта теория возникла благодаря трудам институциональной и неоклассической экономических школ, а также неокейнсианскому направлению экономической мысли.

Среди первых попыток осмыслить важность культурных инвестиций в развитие человека можно выделить труды экономиста Уильяма Петти. В 1676 году в «Политической арифметике» он предпринял попытку оценить человеческий капитал Великобритании. Согласно вычислениям, материальное богатство страны оказалось ниже уровня человеческого капитала. Эта работа впервые подтвердила гипотезу о том, что население можно рассматривать как часть национального богатства [2], хотя сам подход вызывает вопрос о корректности сравнения разнородных экономических величин — человеческий капитал и материальные ресурсы сложно соотнести в единой системе измерений.

Современную концепцию человеческого капитала сформулировал Гэри Беккер, за что в 1992 году был награжден Нобелевской премией. Американский экономист назвал три главных составляющих человеческого капитала: знания, производственные навыки и мотивацию. Согласно его теории, дополнительное финансирование образования сопоставимо с вложениями в закупку материально-технической базы для производства и может являться долгосрочной инвестицией в будущую прибыль компании [3]. Эта идея получила убедительное подтверждение в 2008 году, когда была доказана связь между ВВП на душу населения регионов Европейского Союза и затратами на НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) [4].

Изучив работы Г. Беккера, Т. Шульца, Ц. Грилихеса, В.А. Бреннера, Р.И. Капелюшникова, можно сделать вывод, что основными видами инвестиций в человеческий капитал принято считать вложения в образование, профессиональную подготовку, здравоохранение, миграцию трудовых ресурсов и информационное обеспечение на рынке труда. При этом опыт развитых стран показывает, что уровень человеческого капитала, который принято измерять индексом человеческого развития, прямо зависит от вложений в духовную культуру и качество жизни граждан. В этих странах культура становится стратегически важным ресурсом для развития экономического потенциала государства. Обеспечивая доступность культурных благ для своего населения, страны увеличивают уровень его образования и культуры, тем самым возвращая человеческий капитал.

С развитием общественных наук, экономисты и социологи стали выделять новые формы человеческого капитала — культурный, социальный и другие. Культурным капиталом принято называть капитал, который представлен в виде знаний, навыков и представлений. При этом приращение культурного капитала индивида невозможно рассматривать отдельно от факторов, влияющих на него: семья, уровень образования, место жительства, уровень дохода, здоровье и др. Приобщение человека к искусству также оказывает колоссальное влияние на развитие личности. Культура способна воздействовать на сознание индивида, задавать ориентиры во всех сферах жизни и формировать общественную и индивидуальную систему ценностей и мотиваций, определяющих человеческое поведение.

Приобретение культурного капитала во многих случаях происходит неосознанно и зависит от прошлых и настоящих социальных условий и обстоятельств жизни человека. В работе «Формы капитала» основоположник теории культурного капитала Пьер Бурдьё пишет: «Такой инкорпорированный капитал, внешнее богатство, превращенное в неотъемлемую часть личности, в габитус, не может мгновенно передаваться посредством акта дарения или наследования, покупки или обмена» [5]. Однако этот

процесс не всегда является спонтанным: неслучайно многие родители, например, сознательно вкладываются в воспитание и культурное развитие своих детей.

Впрочем, уровень образования не может считаться единственным источником культурного капитала. Так, А.А. Ушкарев доказал на основе эконометрического анализа социологических данных опосредованность связи этих измерений личности, а также тот факт, что мера культурного капитала напрямую зависит не только от образованности, которая не может быть сведена к продолжительности обучения в школе и вузе, но и от опыта культурного потребления, который определяется стажем и частотой контактов человека с искусством [6]. Это подтверждает значимость культурного потребления в формировании культурного капитала и объясняет возможность его осознанного накопления через приобщение людей к искусству в зрелом возрасте, особенно если это мотивировано стремлением к саморазвитию, социальному статусу или демонстрации принадлежности к определённой страте.

Существует и обратная связь. В том же исследовании было показано, что культурный капитал, накопление которого во многом обусловлено культурным участием, сам является «важной детерминантой потребительского поведения человека в культуре» [6]. Иными словами, чем выше уровень культурного капитала, тем выше вероятность того, что человек будет проявлять высокую культурную активность, посещая учреждения искусства. Это связано с тем, что зритель, владеющий «ключами для дешифровки», способен наиболее адекватно воспринимать разнообразие и глубину смыслов художественного текста.

Роль организаций сферы культуры и искусства в формировании культурного капитала сложно переоценить. Учреждения культуры способны насыщать население новыми прикладными и фундаментальными знаниями, участвовать в формировании системы ценностей граждан. Кроме чисто художественных и эстетических, культурные учреждения выполняют важнейшие социальные функции, среди которых: социализирующая, идентификационная, воспитательная, мобилизационная, рекреационная и акселеративная, способная усиливать влияние культуры на развитие личности и общества в целом.

Вложения в сферу культуры и искусства ведут к увеличению интеллектуального уровня общества и, как следствие, являются социальными инвестициями. Благодаря развитой культурной среде человек может накапливать и реализовывать интеллектуальную составляющую своего потенциала. В настоящий момент формула оценки этого фактора не разработана, однако развитие устойчивости и конкурентоспособности отечественной экономики явно невозможно без него.

Среди факторов, влияющих на посещение музеев, театров, филармоний и других культурных организаций, можно выделить несколько распространённых типов мотивации. Рекреационная мотивация связана с желанием провести время с пользой, отдохнуть или развлечься, но, как правило, сопутствует эпизодическим визитам. Содержательная мотивация проявляется в устойчивом интересе к конкретным постановкам, авторам или тематикам, отражая стремление к интеллектуальному обогащению. Статусная мотивация, основанная на желании быть причастным к престижным событиям, может проявляться по-разному — в зависимости от социального контекста и аудитории [7; 8]. Эти типы мотивации не всегда выступают непосредственными стимулами к культурному потреблению, однако позволяют шире взглянуть на причины выбора тех или иных форм участия в культурной жизни.

Сегодня приходит осознание того, что общество не может быть прогрессивным и защищенным, если рост материальной составляющей сопряжен с одновременным падением моральных и этических норм, упадком культурной и окружающей среды. Поэтому инвестиции в российскую экономику должны сопровождаться вложениями в человеческий капитал, культуру и образование. Развивая интеллектуальный и культурный капитал нации, государство не только может преодолеть кризисы, но и расширить возможности для экономического роста и социального прогресса.

Роль социальных сетей в коммуникации между культурой и обществом

В 50-х гг. XX века в научном сообществе стала разрабатываться концепция рассмотрения общества через взаимосвязанную сеть контактов. Английский социолог Джон Барнс одним из первых дал определение термину «социальная сеть»: «Каждый человек имеет определенный круг друзей, а эти

друзья имеют, в свою очередь, собственных друзей. Некоторые из друзей одного человека знают друг друга, другие – нет. Я нашел удобным говорить о такого рода социальных полях как о сетях. Под этим мне видится система точек, некоторые из которых соединены между собой. Точками этой системы являются люди, и линии соединения этих точек указывают, какие люди и как взаимодействуют друг с другом» [9].

Позже российский ученый Н.И.Бритвин заключил, что «социальная сеть – это социальная структура, состоящая из узлов/акторов (примерами узлов могут быть отдельные люди, группы людей или сообщества), связанных между собой одним или несколькими способами (главным образом нецентрализованного типа) посредством социальных взаимоотношений» [10]. Именно эта структура лежит в основе сетевого пространства, о котором пойдет речь в данной работе.

В конце 1990-х гг. в сети стали появляться блоги, которые позволяли людям публиковать «дневниковые заметки» и обсуждать их. К 2005 году существовало уже несколько сотен социальных сетей, а число их пользователей превышало миллион, что считалось значительным показателем по тем временам. В 2022 году Одноклассниками ежемесячно пользовались уже 36,5 млн россиян, на конец 2023 года российская аудитория ВКонтакте составила 79,5 млн, а в феврале 2024 года Телеграмом пользовались 50,2 млн человек [11]. Это значительное увеличение объема интернет-коммуникаций во многом связано с расширением услуг сотовой связи, развитием высокоскоростного беспроводного интернета и разработкой приложений для социальных сетей на персональных носимых устройствах. Пользователи получили возможность использовать свои социальные сети во множестве различных ситуаций и контекстов.

В процессе становления новой экономики, основанной на накоплении знаний, интеллектуального труда и развитии информационных технологий, сетевые потоки, структуры и взаимодействия приобретают всё большее значение, и индивиду наряду с культурными организациями становится все важнее быть интегрированным в сетевое пространство.

Цифровизация культуры и художественной жизни представляет собой часть глобального процесса, происходящего на пересечении социального и технологического развития общества. В этих условиях проект «Цифровая культура», реализуемый в рамках Национального проекта «Культура», направлен на институциональную поддержку этой трансформации. Его задачи – создание цифровых каналов и платформ, обеспечивающих доступ к культурному наследию, а также формирование среды, в которой современные технологии становятся инструментами постижения культурных смыслов. Подобное направление развития отчасти соотносится с семиотической концепцией Ю.М.Лотмана, в которой культура рассматривается как система передачи и преобразования значимой информации.

Использование мультимедийных технологий, социальных сетей, онлайн-платформ и цифровых каналов коммуникации позволяет учреждениям культуры – театрам, музеям, концертным залам – расширять аудиторию и преодолевать территориальные и физические барьеры.

Сегодня учреждения культуры конкурируют как с домашними видами досуга, например просмотром телевидения, так и с активным внедомашним времяпровождением – посещением кинотеатров, парков, спортивных событий, и образовательными мероприятиями. Борьба за зрителя усиливается и между самими театральными организациями, число которых стремительно растет. Если в 1990 году существовало 375 государственных театральных организаций, то на момент 2021 года, согласно данным Министерства культуры РФ, их число составляло 666 учреждений. В результате театр был вынужден сосредоточиться не только на создании собственных постановок, но и на формировании доверия аудитории и собственной узнаваемости. Впоследствии эти усилия могут привести к прочным взаимоотношениям как с потребителями культурных благ и трудовым коллективом, так и с теми, от кого может зависеть дальнейшая судьба учреждения: государство, бизнес и фонды. В этих обстоятельствах важной задачей театральных менеджеров является поиск и последующее сохранение баланса между сложившейся миссией театра и запросами аудитории.

Театры могут рассматривать социальные сети как один из самых доступных источников донесения до зрителя информации о собственном продукте: это не требует обязательного привлечения дополнительного финансирования. Публикации могут распространяться в аудитории органически, то

есть, бесплатно. Главное, соблюдать внутренние правила социальных сетей и знать принцип работы их алгоритмов, направленных на распространения контента.

Различные сегменты аудитории театра могут демонстрировать разное отношение к театру и его рекламным кампаниям. Потенциальному зрителю, как правило, доступны два типа информации о культурных событиях: мотивирующая – формирующая общее представление и создающая интерес или желание посетить мероприятие, и конкретизирующая – содержащая детали, такие как дата, место проведения и состав участников. Однако эти виды информации лишь запускают процесс принятия решения и не всегда становятся достаточным основанием для реального посещения культурного события.

Поведение потенциального зрителя в информационном пространстве искусства коррелирует с уровнем накопленных интеллектуально-культурных ресурсов личности. Чем выше уровень культурного капитала, тем более независимым становится зритель в своих культурных предпочтениях. Он с большей долей вероятности будет подвержен объективным источникам информации, чем общественному мнению. Этот факт указывает на то, что у театра есть возможность разрабатывать адресные маркетинговые стратегии, основываясь на избирательном коммуникативном потенциале различных каналов распространения информации. С помощью грамотно выстроенной контент-стратегии в социальных сетях организации смогут достичь органического наращивания культурного капитала собственной аудитории и, как следствие, увеличить посещаемость своих спектаклей.

Автором статьи уже был доказан факт положительного влияния на посещаемость театра его контактов со зрителями на собственных сетевых ресурсах [12; 13]. Грамотно используя социальные сети, учреждение культуры может формировать зрительскую аудиторию, ее мотивацию и предпочтения.

В условиях массовой цифровизации усиливается социокультурная роль Интернета. Сетевое пространство становится не только новой коммуникационной платформой, но и порождает новые культурные карты — интернет-пространства, которые становятся частью институтов гражданского общества. Таким образом, социальные сети становятся не только объектом познания, но условием для него и культурной самоидентификации человека. Кроме того, цифровая культура может оказывать влияние на мышление людей, определять их действия, формировать стиль коммуникации с окружающими и помогать им адаптироваться в обществе и коллективе.

В контексте сетевой природы культуры и распределения знания уместно обратиться к теории «рассеянного знания» Фридриха Хайека, согласно которой общество не может обладать исчерпывающим знанием, поскольку оно рассеяно среди индивидов, где каждый обладает его «частицей» [14]. Единственное, что, по мнению автора, может объединить атомы воедино – это рынок.

Перенося теорию «рассеянного знания» на исследуемую в данной работе область культуры, а в частности театральные учреждения, ее можно истолковать следующим образом: ни один зритель не обладает искомым театральным знанием и/или опытом. И в этом смысле сетевая активность учреждения будет иметь как коммуникативную функцию (способствовать обсуждениям в комментариях и взаимодействию через лайки, реакции, стикеры и др.), так и информационно-просветительскую. В таких условиях время, проведенное пользователем в социальных сетях, может выполнять не только рекреационную функцию, но и стимулировать интерес к знакомству с искусством и повышению культурного опыта пользователей. Такой эффект вызван увеличивающейся конкуренцией за внимание аудитории сетевого пространства.

Таким образом, социальные сети, трансформировавшиеся в виртуальные площадки для межличностного общения, сегодня всё активнее интегрируются в культурное пространство и приобретают статус полноценного канала коммуникации между организациями исполнительских искусств и аудиторией. Их потенциал проявляется не только в распространении информации, но и в формировании зрительской мотивации, вовлечённости, расширении аудитории и увеличении доступности искусства. Всё это позволяет рассматривать сетевое пространство как значимый инструмент взаимодействия культуры и общества в цифровую эпоху.

Заключение

Проведенный анализ подтверждает, что социальные сети, активно используемые учреждениями культуры, могут оказывать значительное влияние на формирование человеческого капитала в условиях цифровизации. Это влияние реализуется через несколько взаимосвязанных механизмов.

Во-первых, через просветительскую функцию. Публикации образовательного, аналитического и контекстного контента способствуют расширению культурного кругозора, развитию критического мышления и способности к интерпретации произведений искусства. Таким образом, социальные сети становятся инструментом не только коммуникации, но и распространения знаний, способствующего когнитивному развитию личности.

Во-вторых, социальные сети выполняют коммуникативную и идентификационную функцию. Они обеспечивают обратную связь, формируют доверие и эмоциональную связь между учреждением культуры и аудиторией. Человек, взаимодействующий с культурной организацией в цифровом пространстве, чувствует свою причастность к культурной жизни, а значит – укрепляет личностную и социальную составляющие человеческого капитала.

В-третьих, через мотивационный механизм: яркий, актуальный, визуально выразительный контент способен не только информировать, но и побуждать к культурному участию. Это особенно важно в молодёжной среде, где культурная мотивация всё чаще формируется в онлайн-пространстве.

Кроме того, социальные сети позволяют снижать территориальные, экономические и коммуникационные барьеры. Они делают культурные события более доступными для жителей регионов, людей с ограниченными возможностями и других групп, ранее исключённых из регулярного культурного участия.

Несмотря на теоретическую обоснованность этих эффектов, работа с литературой также выявила пробелы. Отсутствуют масштабные эмпирические исследования, позволяющие количественно оценить влияние сетевой активности учреждений культуры на поведение аудитории и динамику формирования культурного капитала. Недостаточно изучены особенности потребления культурного контента в соцсетях, мотивации пользователей, а также различия между типами учреждений и аудиториями.

Настоящую статью мы рассматриваем как еще один шаг на пути развития прикладных исследований. Перспективными направлениями представляются: разработка метрик и индикаторов эффективности, социологические замеры вовлеченности, интервью с представителями учреждений культуры, анализ успешных кейсов и формулирование стратегий, позволяющих использовать социальные сети как полноценный ресурс культурной политики.

Но уже сейчас мы можем утверждать, что социальные сети являются эффективным инструментом формирования человеческого капитала через культурное потребление. Это создает основания для включения цифровых коммуникационных практик в стратегические планы культурных учреждений и государственной поддержки их сетевого присутствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Schultz, T. W.* Investment in Human Capital // *The American Economic Review*. – 1961. – Vol. 51. – Pp. 1-17.

[2] *Petty, W.* Essays on mankind and political arithmetic. – London : Cassell, 1888. – 200 p.

[3] *Becker, G.* Human Capital. – New York : National bureau of econ. research, 1964. – 216 p.

[4] *Rodríguez-Pose, A., Crescenzi, R.* Research and Development, Spillovers, Innovation Systems, and the Genesis of Regional Growth in Europe // *Regional Studies*. – 2008. – No 42(1). – Pp. 51–67.

[5] *Бурдые, П.* Формы капитала // *Экономическая социология*. – 2002. – Т. 3. № 5. – С. 60–74.

[6] *Ушкарев, А. А.* Культурный капитал как драйвер потребления искусства // *Обсерватория культуры*. – 2018. – Т. 15. № 2. – С. 178–187.

- [7] Ушкарев, А. А. Культурная активность посетителей художественного музея: роль культурного капитала и мотиваций // Культура и искусство. – 2018. – № 5. – С. 69–78.
- [8] Ушкарев, А. А. Статусная мотивация потребления искусства // Культура и искусство. – 2018. – № 6. – С. 1-12.
- [9] Barnes J. A. Class and Committees in a Norwegian Parish Islands // Human relations. – 1954. – Vol. 7. – Pp. 43–44.
- [10] Бритвин, Н. И. Социальные сети как прообраз общественного устройства // Власть. – 2008. – №1. – С. 45-49.
- [11] Новый медиакит 2023 года: глобальные обновления в ОК [Электронный ресурс]. 2023. – URL: https://www.ok-magazine.ru/files4editor/MK_OK!magazine_2023_RUS.pdf (дата обращения: 23.02.2024).
- [12] Бураков, Н. А. Макухина, А. В. Социальные сети как фактор формирования дополнительного спроса на театральные блага // Театральное дело: наука и практика : сб. ст. Вып. 6 / отв. ред. Сундстрем Л. Н. – Санкт-Петербург : Чистый лист, 2022. – С. 150-167.
- [13] Макухина, А. В. Анализ ведения сетевых аккаунтов и рекламных кампаний // Публика оперы и балета. Опыт эмпирического исследования зрительской аудитории Московского академического музыкального театра имени К.С. Станиславского и Вл.И. Немировича-Данченко : Экспертно-аналит. доклад / ред. А.А. Ушкарев. – Санкт-Петербург : Алетейя, 2023. – 104 с.
- [14] Hayek, F. von. The Use of Knowledge in Society // The American Economic Review. – 1945. – Т. 35, № 4. – Pp. 519-530.

SOCIAL MEDIA AS A DRIVER OF HUMAN CAPITAL FORMATION

Makukhina Anastasia Vladislavovna,

Director of the communication agency MAVLAN (Moscow);

Post-graduate student, State Institute for Art Studies

Abstract. *This article explores the potential of social media as a driver of human capital formation in the context of cultural digitalization. Drawing on theoretical approaches to human and cultural capital, the study analyzes how digital communication strategies employed by cultural institutions may contribute to the accumulation of human capital. Special attention is given to the educational, communicative, and motivational functions of social media, as well as their role in reducing barriers to cultural participation. The activity of theatres in digital space is considered as a case study. The article demonstrates that social media can foster cultural engagement, enhance audience motivation, and expand the reach of cultural institutions. The author concludes that further applied research is necessary to assess the effectiveness of digital strategies in the cultural sector in terms of their impact on human capital development.*

Key words: *social media, human capital, cultural capital, cultural digitalization, theatre, culture, audience engagement.*

© Макухина А.В., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 14.04.2025.

Ссылка на статью:

Макухина, А. В. Социальные сети как драйвер формирования человеческого капитала. – DOI 10.34685/NI.2025.87.56.016 . – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 2. – С. 70-76. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/695.html&j_id=64.

**ФИЛЬМ «ЗИГЗАГ УДАЧИ»
КАК ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОТРАЖЕНИЕ
РОЛИ И МЕСТА ДЕНЕГ
В ЖИЗНИ СОВЕТСКОГО ОБЫВАТЕЛЯ**

DOI 10.34685/HI.2025.77.42.021

Плещенко Вячеслав Игоревич,
кандидат экономических наук,
начальник управления АО «Гознак»
Email: v_pl@mail.ru

Аннотация. Советский художественный фильм 1968 года «Зигзаг удачи» – одна из немногих кинокартин, в которых содержится большое количество прямых и косвенных ассоциаций с проблематикой личного бюджета и финансов. Персонажами фильма используются особые финансовые инструменты и инфраструктура в СССР, такие как касса взаимопомощи, товарищеский суд, оказывающие ключевое влияние на развитие событий в рамках сценария. Эпизоды картины демонстрируют обывательский утилитаризм, в том числе прикрытый благими намерениями. Несмотря на то, что с момента выхода фильма прошло уже более 50 лет, он и сегодня довольно актуален, поскольку может выступать иллюстративным материалом для изучения советского быта, особенностей финансового поведения граждан, а также предоставляет наглядные примеры из области институциональной экономики и теории игр.

Ключевые слова: фильм, Зигзаг удачи, облигация государственного займа, деньги, касса взаимопомощи, товарищеский суд, обывательский утилитаризм.

Кинематограф является важной частью мирового культурного наследия и средством наглядной демонстрации прошедших времен и событий, из которых составляются истории государств. В произведениях киноискусства отражаются не только бытовые вопросы, но и социально-политические, финансово-экономические аспекты жизни людей.

В 1968 году на экраны в СССР вышел художественный фильм «Зигзаг удачи», снятый режиссером Э.Рязановым по сценарию, написанному им же совместно с Э.Брагинским. Кинокартина «Зигзаг удачи» – трагикомедия, то есть синтетический жанр киноискусства, в котором сложные и неоднозначные ситуации бытия показаны с комическим оттенком.

Фильм «Зигзаг удачи» содержит несколько сюжетных линий, основанных на взаимоотношениях между людьми. Среди них – фотограф Володя Орешников и работница сберкассы его невеста Оля, другой фотограф из ателье Лидия Сергеевна и ее неуклюжий муж-рентгенолог (которого она считает ничтожеством), нагловатый директор автобазы Иван Степанович и мечтающая о замужестве приемщица фотоателье Алевтина Васильевна. Все эти люди пытаются так или иначе обустроить свою личную жизнь. Но по большому счету такое лирическое наполнение «Зигзага удачи» – лишь фон (или сопровождение) для главного «героя», которым, на наш взгляд, являются деньги. В подтверждение этому следует отметить, что сразу же после начала фильма деньги выходят на первый план.

Действие картины начинается в фотоателье провинциального города. Приближается конец года, а план по выручке у организации не выполняется. В этой связи назначено общее собрание трудового коллектива, на котором директор ателье Кирилл Иванович Полотенцев просит работников дать предложения по выходу из сложившейся ситуации. Под угрозой не только выполнение плана, но и получение коллективом премии, что гораздо чувствительнее для людей. Поэтому по предложению

фотографа Володи Орешникова сотрудники начинают снимать друг друга и своих близких, чтобы хоть как то наверстать упущенное за год.¹

Таким образом, желание работников не остаться без премии под Новый год задает сюжетную линию картины. Из этого выходит, что величина личных доходов для коллектива фотоателье является фактором первостепенной важности. Впрочем, не все авторы публикаций с этим согласны. К примеру, А.А. Ковалева и Д.Д. Натаров придерживаются мнения, что герои фильма «решают выполнить план вовсе не из-за премии, а ради доблести, уважения, почета со стороны руководства» [6, с. 58]. Я не совсем согласен с такой пафосной трактовкой событий в фильме, поскольку звучащие в кадре слова о том что «мы не думаем о личной выгоде» вложены в уста профсоюзного активиста – председателя месткома Алевтины (которая на людях и не могла сказать иначе). Между тем в упомянутом эпизоде она оппонирует фотографу Лидии Сергеевне (по сценарию – довольно эффектной женщине с высоким самомнением), сомневающейся, что полученная «прогрессивка» покроет расходы сотрудников на фотографирование. Как показывает дальнейший ход событий, на самом деле Алевтина не такая уж и бессребреница. Она страдает от нехватки денег и мужского внимания, мечтает о хорошей одежде (чтобы выглядеть не хуже Лидии Сергеевны). При первой появившейся возможности Алевтина направляется в магазин за желанной обновкой. Так что не следует считать изображенных в фильме сотрудников фотоателье особо продвинутыми в идейном плане. Это обычные советские обыватели со своими мечтами, планами и проблемами.

Деньги занимают умы большинства героев кинокартины, практически у всех из них наблюдается неудовлетворенная потребность в финансах, необходимых на повседневные нужды. Так, у директора Полотенцева 10 детей, художник-ретушер Петя весь в долгах, молодожены-лаборанты Ира и Юра нуждаются в квартире. Многие персонажи не могут реализовать свои заветные желания. К примеру, Володя Орешников мечтает о карьере фотохудожника и намерен купить профессиональный фотоаппарат «Зенит», который выставлен на витрине в соседнем с ателье магазине и стоит 400 рублей. Но средств на столь дорогую покупку у него нет. Алевтина Васильевна хочет приобрести новую одежду (чтобы с помощью этого стать привлекательной), но не имеет такой возможности.

Но вопрос не только в наличии или отсутствии денег у персонажей. Есть еще одна причина, по которой «Зигзаг удачи» можно назвать довольно уникальным фильмом. По нашим оценкам, ни одна другая советская кинокартина (разве что «Золотой теленок» М.Швейцера) не содержит столько прямых и косвенных ассоциаций и отсылок к проблематике личного бюджета и финансов. Более того, без используемых персонажами особых финансовых инструментов и инфраструктуры, о которых мы поговорим далее, сценарий картины не мог быть написан. А стержневым элементом «Зигзага удачи», проходящим через весь фильм от начала до конца, является отношение различных типов людей к личным и общественным деньгам.

Поскольку Орешников в самом начале повествования проявил инициативу, то коллектив единогласно определил его ответственным за общественную кассу взаимопомощи. Он поначалу пытался отказаться от назначения, говоря, что растратит деньги, но после недолгих уговоров все-таки согласился. В результате Орешникову были выданы ключи от сейфа и бумажная ведомость. На Володю возложили обязанность по сбору средств со своих коллег, что оказалось совсем нелегкой задачей. В качестве примера сознательного поведения в новом статусе Орешникову пришлось сразу же сделать взнос в кассу. В числе первых пайщиков оказалась и председатель месткома Алевтина. При этом она жаловалась на нехватку денег и взяла нужную сумму в долг у Орешникова. Далее Володя направился к остальным работникам фотоателье с целью пополнения кассы. Процесс оказался нелегким, и как говорится в фильме, на сбор средств ушел целый рабочий день. В итоге все сотрудники сдали деньги в кассу взаимопомощи, за исключением одной лишь Лидии Сергеевны (как оказалось далее – хронической неплательщицы взносов).

В самом начале фильма идущий на работу Орешников увидел объявление о предстоящем розыгрыше облигаций государственного 3% выигрышного займа. Мечта о дорогостоящем фотоаппарате не оставляла его. Поэтому завершив сбор средств в кассу взаимопомощи, он тайком взял себе

¹ Усилия не были напрасными. В конце фильма оказалось, что годовой план фотоателье был перевыполнен на 0,2%.

находившиеся там 20 рублей (оставив в сейфе расписку) и после окончания работы направился в сберкасса, где работала его невеста Оля. Там Володя купил на них облигацию соответствующего номинала. Он верит в свою удачу (плюс Оля говорит, что у нее рука счастливая) и хочет выиграть максимально возможную в данном тираже сумму в 10 000 рублей.

К несчастью для Орешникова, сохранить в тайне несанкционированное использование денежных средств от коллег ему не удалось. На следующий день в фотоателье нашлись и другие желающие воспользоваться кассой взаимопомощи. Сначала художник-ретушер Петя захотел взять в долг из кассы 3 рубля, а потом и двое других сотрудников выразили желание воспользоваться общественными деньгами на организацию новогоднего мероприятия. В ответ Орешников заявил им, что средства он уже одолжил на покупку облигации и показал расписку. Сотрудники посчитали это «антиобщественным поступком» и, казалось бы, успокоились, но лишь до того самого момента, когда Володя объявил коллегам о своем фантастическом выигрыше. В начале фильма говорилось, что коллектив в фотоателье был без противоречий, дружный. Однако, как показало развитие событий после выигрыша Орешникова, морально-психологический климат в этом коллективе оказался не на высоком уровне. Денежный фактор моментально проявил накопившиеся противоречия между людьми.

Данная ремарка касается не только коллектива ателье в целом, но и отдельных персонажей картины, включая самого фотографа Орешникова. Как отмечает в своей статье М.В.Воробьева «приобретение богатства, как правило, не ведет к счастью», а «обычный человек, на которого сваливаются “шальные деньги”, оказывается не готов к такому грузу – у него резко портится характер и отношения с окружающими» [1, с. 65].

Орешников после выигрыша начинает планировать свои траты, имея в приоритете довольно амбициозные варианты. Например, в его планах значатся квартира в Москве (двухкомнатная кооперативная), автомобиль. Кроме того, он намерен «швырять деньгами» и в первую очередь облагодетельствовать свою невесту, подарив ей шубу. В качестве «репетиции» (деньги по выигравшей облигации еще не получены) он и Оля отправляются в соответствующий магазин. Однако там, увидев реальные цены на меховую продукцию, его желание быстро улетучивается (несмотря на то, что шуба Оле очень понравилась)¹. Он заявляет, что шуба Оле не нужна, чем весьма ее разочаровывает. Апельсины в уличном лотке (в наборе с ненужной статуэткой) ему показались дорогими, и он не стал их покупать, решив ограничиться мороженым. При этом Орешников говорит, что он не жадный, а хозяйственный, однако Оля уже не хочет его больше видеть – таким Володя ей совершенно не нравится.

На этом эпизоде проблемы Орешникова только начинаются. Вскоре на собранном по инициативе Лидии Сергеевны профсоюзном собрании (а по сути – товарищеском суде) коллеги в один голос отмечают, что поскольку облигация была куплена на средства из кассы взаимопомощи (можно сказать, что на общие деньги), то они также выиграли. На основании этого Орешникову предлагают поделить выигрышем. Звучат различные варианты, от справедливого раздела 10000 рублей всем поровну до экзотической покупки для нужд коллектива автобуса (чтобы ездит за город, отдыхать и пить вино). В свою очередь, Лидия Сергеевна предложила свой вариант деления выигрыша – пропорционально заработной плате каждого работника фотоателье (ее зарплата выше, чем у многих других), намеренно забывая при этом, что она уже 4 месяца не сдавала взносов в кассу взаимопомощи. На основании задолженности она тут же исключается из числа членов кассы взаимопомощи. Следом за ней был исключен Орешников как «спекулировавший на общественные деньги». Коллектив завладел облигацией и немедленно направился в сберкасса за получением столь желанной наличности.

Таково краткое изложение основных событий в фильме «Зигзаг удачи». А теперь остановимся более подробно на анализе тех финансовых инструментов и институтов, которые сыграли важную роль в развитии сюжета.

¹ Любопытно, что в фильме Орешников, услышав цену, переспрашивает у продавца: «Новыми?». Но с момента денежной реформы 1961 года прошло уже 7 лет, в связи с чем вопрос звучит довольно сумбурно, возможно, подчеркивая душевное смятение говорящего.

Начнем с кассы взаимопомощи, ставшей для Орешникова первоначальным капиталом. Такой институт, как кассы взаимопомощи, нацеленные на оказание помощи отдельным категориям граждан, появился в России довольно давно. Упоминания о них встречаются еще в дореволюционные времена. Они имели различное сословное (профессиональное) предназначение. К примеру, существовали такие кассы для отставных военных. В начале XX века появились дворянские кассы взаимопомощи, что вероятно было обусловлено глубоким кризисом старинного дворянства, плохо приспособившегося к активно развивавшимся в стране капиталистическим отношениям. В СССР кассы взаимопомощи стали важным социальным инструментом государственного масштаба. С позиций сегодняшнего дня их характеризуют как своеобразный механизм микрофинансирования [2]. Взносы в кассу исчислялись в процентах от заработка и были обязательными, что дает право идентифицировать их как дополнительный механизм налогообложения, а также перераспределения денежных средств в обществе.

В послевоенном СССР касса взаимопомощи представляла собой добровольную организацию членов профсоюза, объединяющихся для оказания товарищеской материальной помощи. С целью систематизации и унификации был разработан типовый устав кассы взаимопомощи при комитете профсоюза, утвержденный постановлением Президиума ВЦСПС от 20.02.1959. Средства из кассы взаимопомощи предоставлялись в форме долгосрочных (под определенный процент) и краткосрочных (без платы за пользования деньгами) ссуд, а также безвозвратных пособий (в отдельных случаях). Безусловно, в фильме «Зигзаг удачи» функционирование кассы взаимопомощи показано весьма упрощенно. К примеру, тот же типовый устав не предусматривал исключения членов кассы взаимопомощи за какие-либо прегрешения, возможной мерой воздействия являлась приостановка выдачи ссуд. Да и выдача денежных средств нуждающимся лицам требовала соблюдения минимальных процедурных норм. В то же время мы имеем дело не с документальным кино, поэтому для художественного фильма указанные отклонения вполне допустимы.

Теперь перейдем к финансовому инструменту, который использовал Орешников для решения вопроса о средствах на покупку профессионального фотоаппарата, а именно – облигациям государственного займа. В отсутствие привычного для капиталистических стран рынка ценных бумаг в СССР имелись особые финансовые инструменты для вложения временно свободных денежных средств населения – облигации государственного займа. Как известно, с помощью выпуска займов государство решало вопросы финансирования крупных проектов, восстановления народного хозяйства в послевоенный период, а также консервации излишков денежной массы у населения в условиях хронического товарного дефицита. Выпуск займов был тогда обычным делом, а распространение облигаций среди людей по сути имело принудительный характер. В то же время авторитет этих ценных бумаг среди простого народа был сильно подорван после того как советское государство в 1957 году фактически отказалось платить по своим ранее сделанным долгам (отсрочив начало погашения на 20 лет), обосновав это (как это часто бывало в нашей современной истории) многочисленными просьбами трудящихся.

Во времена создания фильма «Зигзаг удачи» облигации государственного займа могли быть либо выигрышными, либо процентными [9]. В те годы государство перешло от принудительного распространения облигаций к добровольному. В 1966 году после значительного перерыва в СССР был выпущен 3% займ, облигации которого имели номинал в 10 и 20 рублей. Фигурировавшая в кинокартине 3% выигрышная облигация работала следующим образом [4]. Во-первых, она приносила владельцу гарантированный доход размером 3% годовых. Во-вторых, 30% проданных облигаций участвовали в розыгрышах различных денежных сумм. Таким образом, можно полагать, что облигации государственного займа – это довольно выгодное, практически безрисковое вложение средств. Гражданин имел возможность выиграть определенную сумму либо остаться при своих деньгах, сдав в любой момент облигацию в сберкасса по номинальной цене (т.е. актив был еще и высоколиквидным). Кроме того, выигрыш не облагался налогом, что также привлекало население.

Таким образом, Орешников поступил довольно авантюрно, но риск его был минимальным (и он это понимал). Фотограф несанкционированно воспользовался общественной кассой взаимопомощи и купил облигацию (он сам говорит коллегам, что если они бы знали, на что он потратит деньги, то никогда бы не согласились). В случае выигрыша Орешников получал доход, превышающий стоимость облигации, а также возвращал взятые средства назад в кассу взаимопомощи. Если же облигация не выигрывала, тогда Володя сдал бы ее в сберкасса по номинальной стоимости и опять же положил

деньги в сейф. Поскольку по сценарию фильма розыгрыш был на следующий день после покупки облигации, вероятность выявления недостачи в кассе взаимопомощи была минимальной (но и тут он «подстелил соломку», оставив в сейфе расписку). Однако он не учел, что время было предновогоднее, когда людям требуется больше денег на текущие расходы. Это и не позволило его деянию остаться незамеченным. В противном случае уже после выигрыша Орешников мог и не называть источник средств на покупку облигации, чем сделал бы претензии в свой адрес совершенно беспочвенными. Так что налицо проявление бытового, обывательского утилитаризма со стороны Орешникова.

Выигрыш по облигации в размере 10000 рублей – это очень значительная сумма во времена СССР. Ретушер Петя, персонаж Георгия Буркова, тут же пересчитывает ее в пол-литровые бутылки водки, определив, что Орешников может купить 3484 пол-литры, а еще 92 копейки останется на закуску. В любом случае, чтобы потратить этот выигрыш, требовалось серьезно постараться, преодолевая типичные для дефицитной экономики СССР препятствия для потребителей. Отложенный спрос на блага в сочетании с неудовлетворенным спросом на лучшую жизнь превратил советскую цивилизацию в общество ожидания [12, с. 88]. Даже хранение денег на депозитах в сберегательных кассах гражданами СССР, в отличие от населения стран с рыночной экономикой, имело целью не получение процентных выплат по вкладам, а откладывание спроса до лучших дней [5, с. 519]. В свою очередь, хронический дефицит товаров при наличии у людей растущих накоплений стимулировал рост распространения особых отношений блата, покупки «по знакомству» и др.

Время выхода фильма «Зигзаг удачи» можно охарактеризовать как начало формирования массового потребительского общества в СССР. Коммунистическая партия провозгласила курс на всемерное удовлетворение требований населения, рост уровня жизни людей. Выступая на закрытии XXIII съезда КПСС в 1966 г., генеральный секретарь ЦК КПСС Л.И.Брежнев акцентировал внимание собравшихся на необходимости «обеспечить достижение новых рубежей в строительстве коммунизма в нашей стране, добиться резкого повышения эффективности всего общественного производства, неуклонного роста материального благосостояния трудящихся...» [7]

Но, несмотря на значительные усилия, предпринимаемые партией и правительством СССР, наличие денежных средств не давало рядовому советскому гражданину возможности истратить их в любое время по собственному усмотрению. В 80-е годы дошло до того, что академик Н.Я.Петраков сравнивал советские рубли с лотерейными билетами [10, с. 120-121]. И действительно, возможность совершить желаемую покупку во времена позднего СССР сильно напоминала выигрыш в лотерею, поэтому у населения возникали большие объемы вынужденных сбережений, а спрос носил отложенный характер. При этом приучать людей к тому, что приобретение благ есть процесс случайный, зависящий от удачи, власти начали еще в 1920-е гг., придумав т.н. «денежно-вещевые лотереи», которые в условиях товарного дефицита, по словам Е.Ю.Селезневой, стали «надеждой в кредит» и создавали «иллюзию предвкушения счастья» [11, с. 90]. Во многом именно поэтому в СССР вещевые выигрыши были «более желаемыми для населения и составляли большую ценность, чем деньги» [Там же, с. 87].

Еще один типично советский общественный институт, который фигурирует в фильме «Зигзаг удачи», – товарищеский суд. В принципе, это была хорошая задумка, соответствовавшая идеологическим установкам тех времен о последовательном приближении к коммунистическому обществу. Согласно им, по мере движения к коммунизму институты государства будут постепенно отмирать, а на смену им придет широкое общественное самоуправление. Предполагалось, что функции охраны порядка и прав граждан, культурного обслуживания, развития физкультуры и спорта со временем перейдут к таким новым институтам, как народная милиция (дружины), товарищеские суды и другим общественным организациям [8, с. 122]. В то же время профсоюзное собрание в фильме, на котором «судили» Орешникова, выглядит не как инструмент восстановления справедливости, а как средство психологического давления на человека с целью получения денег. Речи выступающих на собрании участников процесса корявы и бессодержательны. Вероятно, что так оно было и на самом деле, ведь в целом товарищеские суды в позднем советском обществе воспринимались иронически, о чем свидетельствуют и другие советские комедийные фильмы тех времен: «Афоня», «Бриллиантовая рука», «Большая перемена» [3, с. 168].

Несмотря на преимущественно комедийную интерпретацию событий, фильм «Зигзаг удачи» может оказаться весьма показательным материалом для демонстрации примеров из области институциональной экономической теории, теории игр, теории коллективных действий и др.

Рассмотрим в этой связи несколько примеров. Первым из них будет известная проблема безбилетника. Она заключается в том, что отдельные потребители общественных благ не вносят свой вклад в их обеспечение, рассчитывая на то что это сделают другие участники, по сути, перекадывая на них свои издержки. В нашем случае таким безбилетником является Лидия Сергеевна, не внесшая свой взнос, но активно претендующая на ставшее «общественным» благо (выигрыш).

Далее обратим внимание на кооперативные игры, которые помогают ответить на вопрос, кому и с кем из участников процесса выгодно объединяться и нужно ли это делать вообще, каким образом следует координировать свои действия, чтобы получить лучшие результаты. Тут опять же «отличилась» Лидия Сергеевна, которая сначала вступила в коалицию с Алевтиной, чтобы отомстить Орешникову и завладеть своей долей выигрыша. Но после того, как ее саму исключили из числа членов кассы взаимопомощи, Лидия Сергеевна кардинально меняет свои ориентиры и уже координирует свои действия с Орешниковым, что позволяет им вдвоем проникнуть в фотоателье и завладеть портфелем с деньгами.

Также на примере эпизодов фильма «Зигзаг удачи» демонстрируются игры с нулевой и ненулевой суммами. Напомним, что игрой с нулевой суммой считается положение, когда один игрок получает все, а другому не достается ничего. В фильме имеется целых два варианта такой ситуации, которые «разыгрывались» персонажами киноленты. Первый вариант (до товарищеского суда): Орешников планирует забрать выигрыш, а коллективу ничего не достается. Вариант второй (после товарищеского суда): коллектив забирает облигацию, исключает Орешникова из числа пайщиков кассы взаимопомощи и получает выигрыш в сберкассе. В то же время конец фильма проходит уже под знаком игры с ненулевой суммой, т.е. все участники получают равные доли денежного выигрыша и выглядят удовлетворенными.

Выводы и обобщения

Подводя итог написанному, отметим следующее. Несмотря на обилие в «Зигзаге удачи» разнообразных персонажей и сюжетных линий, главный герой картины – это деньги. Деньги занимают умы героев картины, определяют их действия, поочередно разобщают и объединяют их. Несмотря на пафосные высказывания отдельных персонажей об отсутствии личной выгоды, на самом деле именно ее они и пытаются найти. Правда, при этом их интересы сталкиваются с интересами других лиц, что, в конце концов, приводит к вынужденному компромиссу. Так что можно констатировать, что роль денег в жизни героев, влияние финансового фактора на их судьбы находят художественное отражение в эпизодах фильма.

При этом фильм «Зигзаг удачи» предоставляет нам важную историческую информацию о принятых в советском обществе моделях финансового поведения, демонстрирует работу различных социальных институтов, регулирующих поведение индивидов в СССР. В частности, среди них такие механизмы, как профсоюзная касса взаимопомощи, товарищеский суд. Тут важно констатировать, что герои картины воспринимали кассу взаимопомощи как ненужную обузу, избегая общественной работы и отказываясь делать взносы. В то же время, как только стала очевидной причинно-следственная связь между кассой и выигрышем 10000 рублей, мнение большинства людей кардинальным образом изменилось. Они сразу вспомнили о формальной стороне вопроса, после чего заложенный в систему санкционный механизм заработал. Также и товарищеский суд: в том месте, где люди обычно сидели и молчали, дожидаясь конца собрания, ход событий резко активизировался тогда, когда речь зашла о возможности для участников получить довольно приличную денежную сумму. Так что обывательский утилитаризм здесь налицо.

И наконец, необходимо указать, что общественную значимость кинокартине придает тот факт, что в «Зигзаге удачи» имеет место скрытая агитация населения за займы. Это явление отражает организующую роль киноискусства в рамках реализации той или иной государственной политики. Более того, сама концовка фильма в принципе выглядит как реклама государственного займа: на просьбу одолжить деньги из кассы взаимопомощи улыбающийся Орешников говорит, что он опять потратил их на облигацию и надеется, что у него вновь удача сделает зигзаг. При этом купленная облигация на этот раз уже находится в общественном сейфе, свидетельствуя об усвоенном фотографом жизненном уроке.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Воробьева, М. В. «Шальные деньги», махинаторы, случайные жертвы: богатство и зажиточность в позднесоветском кинематографе // Социальная компетентность. – 2018. – Т. 3. № 4. – С. 60–66.
- [2] Жизнь взаимы: что покупали в кредит советские граждане. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/4475142> (дата обращения: 16.05.2025).
- [3] Зотов, Д. Товарищи-судьи // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 1. – С. 167–168.
- [4] Инвестиции в кино. – URL: <https://museum.cbr.ru/photostory/investitsii-v-kino/?story=44425> (дата обращения: 16.05.2025).
- [5] Кирсанов, Р. Г. Сберегательные кассы в СССР: источник государственного кредита и фактор сдерживания потребительского спроса населения // Экономическая история. Ежегодник, 2013. – Москва, 2014. – С. 518–548.
- [6] Ковалева, А. В., Натаров, Д. Д. Трансляция ценностей труда в средствах массовой коммуникации // PR и реклама в изменяющемся мире: региональный аспект. – 2018. – Вып. 19. – С. 55–62.
- [7] Материалы XXIII съезда КПСС. – URL: <http://www.history.ru.com/doc/persons/br/do-corg/xxiii/page11.html> (дата обращения: 16.05.2025).
- [8] Меняйло, И. Л. – Основные законы материалистической диалектики. – Москва : Выс. школа, 1973. – 128 с.
- [9] Облигации государственного займа СССР. – URL: <https://www.russian-money.ru/articles/goszaim> (дата обращения: 16.05.2025).
- [10] Петраков, Н. Я. Русская рулетка: экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. – Москва : Экономика, 1998. – 286 с.
- [11] Селезнева, Е. Ю. Денежно-вещевая лотерея как инструмент фискальной политики на Дальнем Востоке СССР (конец 1950-х – начало 60-х гг.) // Вестник СВНЦ ДВО РАН. – 2008. – № 4. – С. 86–91.
- [12] Хакимов, Р. Ш. СССР – страна отложенного спроса // XX век и Россия: общество, реформы, революции. – 2016. – № 4. – С. 84–89.

THE FILM "ZIGZAG OF FORTUNE" AS AN ARTISTIC REFLECTION OF THE ROLE AND PLACE OF MONEY IN THE LIFE OF A SOVIET ORDINARY PERSONS

Pleshchenko Vyacheslav Igorevich

PhD in Economics,
Head of Department, "Goznak" (Moscow)

Abstract. *The 1968 Soviet film "Zigzag of Fortune" is one of the few films that contains a large number of direct and indirect associations with personal budget and financial issues. The characters of the film use special financial instruments and infrastructure in USSR, such as a mutual aid fund, a friendly court, which have a key impact on the development of events within the script. The episodes of the film demonstrate philistine utilitarianism, including those disguised by good intentions. Despite the fact that more than 50 years have passed since the film's release, it is still quite relevant today, as it can serve as illustrative material for studying the peculiarities of Soviet life, financial behavior of citizens, as well as provide illustrative examples from the field of institutional economics and game theory.*

Key words: *film, Zigzag of Fortune, government loan bond, money, mutual aid box, friendly court, philistine utilitarianism.*

© Плещенко В.И., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 13.05.2025.

Ссылка на статью:

Плещенко, В. И. Фильм «Зигзаг удачи» как художественное отражение роли и места денег в жизни советского обывателя. – DOI 10.34685/HI.2025.77.42.021. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 2. – С. 77-83. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/699.html&j_id=64.

**РАЗВИТИЕ ПОТЕНЦИАЛА НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКИХ МУЗЕЕВ
В ПОПУЛЯРИЗАЦИИ НАУЧНО-ТЕХНИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ В СФЕРЕ ТУРИЗМА**

DOI 10.34685/HI.2025.71.54.011

Бычкова Ольга Ивановна,
кандидат экономических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник Южного филиала
Российского научно-исследовательского института
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачева (Краснодар)
Email: bychkovaoi@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается роль научно-технических музеев в популяризации научно-технического наследия. Целью исследования является выявление потенциала научно-технических музеев в формировании научного мировосприятия личности через популяризацию научно-технического наследия в сфере туризма. Установлены основные особенности и даны рекомендации по определению критериев эффективности научно-технических музеев в области просветительства в сфере туризма. Сделан вывод, что формирование успешной концепции участия музеев науки и техники в развитии туризма в России требует комплексного подхода, основанного на взаимодействии научных, образовательных организаций, научно-технических музеев и представителей креативных индустрий. Благодаря этому будет расширена аудитория научно-технических музеев и созданы дополнительные возможности для развития российских территорий.

Ключевые слова: научно-технические музеи, научно-техническое наследие, сфера туризма, популяризация, эффективность.

Быстрое внедрение инноваций в век научных технологий требует нового подхода к коммуникации между учеными и общественностью. Традиционные методы популяризации науки уже недостаточны. Сегодня все чаще возникает необходимость в прямом диалоге, в возможности заглянуть за кулисы научных исследований, увидеть своими глазами, как работает современная наука. Именно здесь на авансцену выходят музеи науки и техники, играющие ключевую роль в этом процессе,

Необходимость создания музеев, посвящённых науке и технике, появилась, когда научные и технологические достижения стали важной частью жизни людей. В 1872 году открылся Политехнический музей, фонды которого были созданы на основании экспонатов Политехнической выставки, прошедшей в том же году. Эти экспонаты иллюстрировали различные новшества в области науки и техники, включая физические приборы, телеграфы, заводские машины, а также паровозы и пароходы. Такое широкое внедрение технических средств поставило перед обществом задачу объяснить принцип их функционирования. В ответ на эту необходимость был основан научно-технический музей, который стремится знакомить общественность с прикладными науками и содействовать их популяризации.

Политехнический музей стал не просто хранилищем артефактов, но и образовательным центром, где посетители могли воочию увидеть развитие технологий и понять их влияние на повседневную жизнь. Экскурсии, лекции и демонстрации предметов научно-технического наследия позволяли расширить кругозор и сформировать представление о научном прогрессе.

Со временем концепция научно-технических музеев эволюционировала. От статичных выставок, демонстрирующих отдельные экспонаты, музеи перешли к интерактивным экспозициям, где посетители могли самостоятельно проводить эксперименты, управлять моделями и углубляться в принципы работы различных устройств. Такой подход не только увлекал, но и способствовал лучшему усвоению представляемого материала.

Современный научно-технический музей – это динамичное пространство, сочетающее в себе историческую экспозицию, интерактивные зоны и образовательные программы. Он призван не только рассказать о научно-техническом наследии, достижениях прошлого, но и вдохновить на новые открытия, стимулировать интерес к науке и технике у молодого поколения. В сфере туризма музеи, демонстрируя объекты научно-технического наследия, позволяют посетителям не только увидеть, но и освоить научные принципы и технологии в действии, тем самым усиливая понимание сложных концепций современного развития науки и техники.

Исследования, касающиеся технических музеев, сталкиваются с определёнными трудностями из-за недостатка академических работ в области научно-технического наследия. Данная работа анализирует труды, посвященные общим подходам к работе научно-технических музеев, таких ученых, как Г.Григорян и Л.М.Кожина [1], В.Л.Гвоздецкий [2], О.Миллер [3], Д.Е.Озерова [4], К.Хадсон [5]. Историко-культурные концепции, представленные в исследованиях Д.Брэдли [6], В.П.Грицкевича [7] и Т.Ю.Юреновой [8], служат основой для анализа эволюции технических музеев в контексте их истории. Описание потенциала научно-технических музеев как популяризаторов научных знаний основано на исследованиях Д.Агаповой [9], В.П.Аксенова [10], М.Д.Адамса [11], Л.Н.Бакаютовой [12], К.Кнайфера [13].

Ключевая цель данного исследования — выявить потенциал научно-технических музеев в формировании научного мировосприятия личности через популяризацию научно-технического наследия в сфере туризма.

Исследование ставит задачи изучения возможностей использования образовательных пространств музеев для углубления знаний в области научно-технического наследия и разработки критериев эффективности популяризации научно-технического наследия средствами музея в сфере туризма.

Для детального анализа поставленных задач рассмотрим статистику по музеям научно-технического направления. Общее число музеев федерального и местного значения вместе с филиалами на 31 декабря 2023 г. составило 3119 единиц. Среди них, по классификатору сайта museum.ru, на музеи науки, техники и отраслей народного хозяйства (данные откорректированы на позицию «ботанический сад, парки», которая уже вошла в позицию естественнонаучные музеи) пришлось 291 единица, а на естественнонаучные музеи – 662. Из естественнонаучных музеев большинство – палеонтологические (369), биологические (256) и геологические (238), меньше всего – зоопарков и аквариумов (9), а также ботанических садов (8). Крупнейшим российским естественнонаучным музеем является Государственный Дарвиновский музей в Москве. С 1996 г. работает Ассоциация естественнoисторических музеев Российского Комитета Международного Совета музеев с методическим центром в Дарвиновском музее.

Под научные и технические музеи в России, помимо перечисленных, традиционно попадают все музеи, так или иначе экспонирующие технику. Большая часть из них – музеи авиации и космонавтики (62), сельского хозяйства (27), железнодорожного транспорта и метро (24) и средств связи (23).

Ассоциация научно-технических музеев Российского комитета Международного Совета музеев (ICOM) создана в 1988 году. Ее основателями были Политехнический музей, Центральный музей железнодорожного транспорта Российской Федерации, Центральный музей связи им. А.С.Попова, журнал «Мир музея». В Ассоциацию вошли 56 музеев – ее коллективных членов и тринадцать индивидуальных членов. В 2014 г. Политехнический музей возобновил действия по координированию и обновлению работы Ассоциации, а 22 июня 2015 г. по его инициативе была учреждена Ассоциация содействия развитию научно-технических музеев АМНИТ. Также при Политехническом музее функционирует Экспертный совет по памятникам науки и техники.

Рассмотрение особенностей функционирования современных научно-технических музеев предполагает выявление закономерностей изменения научно-технического знания в контексте деятельности научно-технических музеев (далее – НТМ) через изучение специфики их функций.

НТМ выполняют те же основные функции и сталкиваются с теми же проблемами, что и другие музеи. Однако научно-технические музеи имеют и свои особенности, которые взаимосвязаны с

особенностями научно-технических предметов и выражаются в выполнении специфических музейных функций.

Образовательная функция научно-технических музеев реализуется через специальные мероприятия по распространению научных знаний и популяризации объектов научно-технического наследия. Результаты такой деятельности вызывают творческий интерес посетителей и стимулируют научное и исследовательское мышление. Образовательная функция может быть реализована также через музейные экспозиции, выставки, экскурсии и образовательные программы.

Осуществление функции документирования истории техники и научно-технических знаний требует от НТМ умения объяснять принципы работы технических устройств и физических явлений. Музей науки и техники призван не только отражать, но и объяснять исторические процессы и явления. Как и любой музей, НТМ должен реконструировать прошлое, используя подлинные предметы научно-технического наследия. Исследователь Л.М.Кожина приводит два подхода к такой реконструкции, используемых в научно-технических музеях. Один из них – рассматривать историю «как науку о прошлом и относиться к ее реальности как к наследию, доставшемуся людям от предыдущих поколений» [14, с. 8]. Этот подход является классическим и до сих пор используется во многих научно-технических музеях.

Однако у него есть свои недостатки. Прежде всего, это сложность отбора коллекций: до второй половины XX века, т.к. данная задача не была актуальной, поскольку техника не развивалась так быстро. Однако со второй половины XX века материалы, отражающие научно-технические знания, стали более разнообразными, и их отбор, объективно отражающий исторические процессы, стал проблемой для некоторых музеев: «История рассматривается и объясняется через деятельность людей, через связи этой деятельности, ее средства и продукты» [Там же, с. 9]. При таком подходе предметы науки и техники рассматриваются как материальное воплощение человеческой деятельности, как форма взаимодействия человека с окружающей действительностью. Реконструкция прошлого на основе данного подхода осуществляется путем рассмотрения форм предметов и символов как диаграмм человеческой деятельности с целью моделирования условий воспроизводства и возникновения этих диаграмм [Там же]. Эти принцип используется во многих НТМ универсального профиля.

Л.М.Кожина также выделяет несколько задач, которые должны ставить перед собой данные музеи, выполняя свою функцию документирования истории техники и научно-технических знаний. Первая задача – определить изучаемый процесс или явление в его генезисе и становлении. Далее необходимо «выбрать структурный уровень, на котором будет рассматриваться данный объект, и соответствующий этому уровню историко-технологический, хронологический отрезок развития» [Там же, с. 10]. Следующий этап посвящен выявлению элементов, образующих данный объект, в их взаимосвязях друг с другом и с объектом в целом. Четвертая, заключительная задача – анализ музейных коллекций исследуемого направления, а также других коллекций НТМ, где они указывают на направление технологии или научно-технического знания. Таким образом, эти задачи позволяют представить объективную и полную историю развития техники и научно-технических знаний на основе музейных коллекций.

Кроме того, схема, предложенная Л.М.Кожиной, предусматривает поэтапное и углубленное рассмотрение, что позволяет выполнять не только документальную, но и исследовательскую функцию. Говоря об исследовательской функции музея, стоит повторить мысль о том, что НТМ обладает неисчерпаемым информационным потенциалом. Следовательно, задача музея – раскрыть и изучить этот потенциал. Результаты таких исследований должны реализовываться через публикации, научные конференции, круглые столы, специальные лекции и семинары. Однако в настоящее время исследовательская работа в музеях идет на спад. Музеи становятся скорее досуговыми проектами, чем исследовательскими центрами. Такая ситуация негативно сказывается на работе музеев, ведь без научных исследований музеи не могут выполнять свои функции по обучению, воспитанию и документированию.

Следующей важнейшей функцией НТМ является сохранение и защита памятников науки и техники. Являясь хранилищем ценностей, музеи обязаны не только демонстрировать их ценность, но и надлежащим образом сохранять для будущих поколений. Научно-технические музеи не являются исключением, однако у них есть и свои особенности, основанные на определенной специфике.

Как уже говорилось, объекты науки и техники представляют собой обширный пласт материальных предметов, отражающих всевозможные источники, поэтому в НТМ помимо технических коллекций могут быть коллекции картин, фотографий, текстовых материалов. Для хранения таких разных типов коллекций необходимо организовать различные режимы хранения. Кроме того, большие размеры многих научно-технических коллекций затрудняют организацию пространства для хранения. Это одна из самых актуальных и важных проблем музеев. Ведь музейные площади ограничены и не всегда достаточны для быстро растущих коллекций. Рост коллекций приводит к тому, что музейные фонды перестают храниться должным образом, т.е. музей не может в полной мере обеспечить сохранность предметов научно-технического наследия. Эта проблема также вызвана тем обстоятельством, что музеи, которые расположены в исторических зданиях, не оборудованы специальной системой вентиляции и кондиционирования для поддержания оптимальной температуры и влажности. Решить эту проблему можно, создав оборудованные независимые кладовые помещения, которые обеспечат оптимальные условия для сохранения музейных коллекций.

Хранение музейных коллекций в научно-технических музеях может быть затруднено из-за особенностей объектов науки и техники, то есть их практических характеристик. Как уже говорилось, при экспонировании предметов коллекции необходимо продемонстрировать их функциональность.

Использование аутентичных предметов по их первоначальному назначению приводит к преждевременной порче и физическому износу. В связи с этим встает вопрос об их сохранности. В результате НТМ вынуждены прибегать к дополнительным средствам и мерам, позволяющим избежать интенсивного использования аутентичных предметов. Такими дополнительными средствами могут быть реплики (макеты, модели) предметов из музейной коллекции, интерактивные аналоги предметов или видеоролики, демонстрирующие работу предметов из коллекции. Следует отметить, что все эти средства расширяют, но не заменяют информацию о предмете.

Что касается туристской деятельности, то опыт ведущих мировых музеев данного направления показывает, что особенности их функционирования приводят к необходимости изучения специфики НТМ в направлении просветительства, которая определяется рядом ключевых критериев.

Основой механизма популяризации научно-технического наследия в музее служат визуально-демонстрационные характеристики экспонатов, которые предоставляют посетителям возможность осваивать основные законы природы через практический опыт. Объект технического наследия в научно-техническом музее не полностью изолирован от своей привычной среды, а продолжает действовать в соответствии со своим первоначальным предназначением.

Большое значение имеет не только доступность и интерактивность экспозиций для туристов, но и глубина погружения в научные процессы, возможность личного общения с учеными, учет специфики региональных социально-экономических условий и, что немаловажно, интеграция с креативными индустриями. Формирование успешной концепции участия музеев науки и техники в развитии туризма в России требует комплексного подхода, основанного на взаимодействии различных секторов хозяйственной деятельности. Необходим плодотворный диалог между научными и образовательными организациями, с одной стороны, и представителями современной культуры и креативных индустрий – с другой. Это гарантирует разработку интересных, доступных и актуальных туристических программ, способных привлечь широкую аудиторию.

По результатам исследования современной деятельности научно-технических музеев выявлены основные критерии эффективности НТМ в области просветительства в сфере туризма:

– интерактивность и иммерсивность. Музейные экспозиции должны быть не просто информативными, но и вовлекающими, позволяющими туристам активно участвовать в процессе познания, проводить эксперименты, использовать современные технологии виртуальной и дополненной реальности;

– доступность и инклюзивность. Музеи науки и техники должны быть доступны для всех категорий населения, независимо от возраста, уровня образования и физических возможностей. Необходимо разрабатывать программы, учитывающие потребности людей с ограниченными возможностями здоровья;

– взаимодействие с учеными. Прямой контакт с исследователями – ключ к пониманию научного процесса. Лекции, мастер-классы, экскурсии в действующие лаборатории, на старейшие предприятия, возможность задать вопросы ученым – все это способствует формированию доверительного отношения к науке, к изучению научно-технического наследия;

– региональная специфика. Стратегия развития НТМ должна учитывать уникальные особенности конкретного региона в сфере туризма, его научный потенциал и социально-экономические условия;

– креативные индустрии. Совместная работа с дизайнерами, художниками, мультимедийными специалистами позволит создать яркие, запоминающиеся и эстетически привлекательные экспозиции, способные заинтересовать самую широкую туристскую аудиторию.

НТМ – это не просто музеи, а инновационные площадки, способствующие формированию научной грамотности населения. Их успешная деятельность зависит от взаимодействия научных, образовательных и креативных сил. Только комплексный подход, учитывающий все перечисленные факторы просветительской деятельности в сфере туризма, позволит создать действительно эффективные НТМ в России, способствующие развитию науки и технологий и укреплению связи между научным сообществом и обществом в целом. Это инвестиция в будущее, гарантия научно-технологического прогресса страны.

*Статья подготовлена в рамках выполнения государственного задания Южного филиала
Российского научно-исследовательского института культурного и природного наследия им. Д.С.Лихачева»
по теме «Научно-техническое наследие как ресурс развития внутреннего туризма».*

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Григорян, Г. Г., Кожина Л. М. Научно-технические музеи и культурное наследие в области техники // Вопросы истории естествознания и техники. – 2003. – № 4. – С. 75-87.
- [2] Гвоздецкий, В. Л. История техники и научно-технический музей: специфика и общность // Институт истории естествознания и техники им. С.И.Вавилова. Годичная научная конференция, 1997. Ч. 1. – Москва : Янус-К, 1997. – С. 31-38.
- [3] Miller, O. v. Technische Museen als Stätten der Volksbelehrung. – Berlin : VDI-Verlag, 1929. – 27 p.
- [4] Озерова, Д. Е., Личак, Н. А. Музеи науки и техники: от образовательного центра до «научного аттракциона». – Ярославль : Изд-во ЯГТУ, 2011. – 76 с.
- [5] Хадсон, К. Влиятельные музеи. – Новосибирск : Сиб. Хронограф, 2001. – 196 с.
- [6] Брэдли, Д. Наука в городе: Основание московского политехнического музея // Россия XXI. – 2005. – № 2. – С. 96-127.
- [7] Грицкевич, В. П. История музейного дела конца XVIII – начала XX века. – Санкт-Петербург : С.-Петерб. гос. ун-т культуры и искусств, 2004. – 335 с.
- [8] Юренева, Т. Ю. Музей в мировой культуре. – Москва : Рус. слово, 2003. – 531 с.
- [9] Агапова, Д. А. Культура участия: миллионы диалогов // Музей как пространство образования: игра, диалог, культура участия. Вып. 1. – Москва : Музейные решения, 2012. – С. 8-21.
- [10] Аксенов, В. П. Интерактивные методы в научно-техническом музее. – Текст : электронный // Театр Занимательной Науки : [сайт]. – URL: <http://t-z-n.ru/archives/inter.pdf> (дата обращения: 28.02.2025).
- [11] Адамс, М. Д. Роль музея в распространении знаний // Museum. – 1984. – № 141. – С. 14-18.
- [12] Бакаютова, Л. Н. Сущность и основные направления модернизации технических музеев (на примере музеев связи) // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И.Герцена. Аспирантские тетради. – 2008. – № 25. – С. 17-20.
- [13] Knipfer, K. Demonstration of a Discussion Terminal for Knowledge Acquisition and Opinion Formation in Science Museums // Proceedings of the 7th Computer Supported Collaborative Learning Conference. – New Brunswick, NJ: International Society of the Learning Sciences, 2007. – P. 376-378.

[14] Кожина, Л. М. Основы музейного документирования истории техники // Разработка методов и научного аппарата выявления, ранжирования и музеефикации и памятников науки и техники : Сб. ст. / Политехн. музей ; сост. Т. Ф. Соколова. – Москва : Знание, 2000. – С. 8-14.

DEVELOPMENT OF THE POTENTIAL OF SCIENTIFIC AND TECHNICAL MUSEUMS IN POPULARIZING SCIENTIFIC AND TECHNICAL HERITAGE IN THE FIELD OF TOURISM

Bychkova Olga Ivanovna,

PhD in Economic, Associate Professor,
Leading Researcher, Southern Branch of the
Likhachev Russian Research Institute for Cultural
and Natural Heritage (Krasnodar)

Abstract. *The article considers the role of science and technology museums in popularization of scientific and technical heritage. The purpose of the study is to identify the potential of science and technology museums in the formation of the scientific worldview of the individual through the popularization of scientific and technical heritage in the field of tourism. The main features are established and recommendations are given for determining the criteria for the effectiveness of science and technology museums in the education in the field of tourism. It is concluded that the formation of a successful concept for the participation of science and technology museums in the development of tourism in Russia requires an integrated approach based on the interaction of scientific, educational organizations, science and technology museums and representatives of creative industries. Thanks to this, the audience of science and technology museums will be expanded and additional opportunities for the development of Russian territories will be created.*

Key words: *science and technology museums, scientific and technical heritage, tourism, popularization, effectiveness.*

© Бычкова О.И., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 05.03.2025.

Ссылка на статью:

Бычкова, О. И. Развитие потенциала научно-технических музеев в популяризации научно-технического наследия в сфере туризма. – DOI 10.34685/HI.2025.71.54.011. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 2. – С. 84-89. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/700.html&j_id=64.

**БЛАГОТВОРИТЕЛЬНЫЙ КОНЦЕРТ В МУЗЕЕ:
ФАНДРАЙЗИНГ ИЛИ МИССИЯ?**

DOI 10.34685/HI.2025.50.96.014

Карabanова Ирина Михайловна,
заместитель генерального директора
Государственного историко-художественного музея
«Новый Иерусалим» (Истра, Московская область);
соискатель, Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачева
Email: irikar5@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается метод работы И.В.Цветаева с меценатами в процессе создания Музея изящных искусств, представлен первый этап на пути установления партнерских отношений для дальнейшей работы музея с бизнес-сообществом и частными жертвователями на примере благотворительного концерта. Определены цели и задачи, сформулированы причины, по которым установка взаимодействия музея с бизнес-структурами представляется затруднительной. Дается анализ результатов работы музея в ходе подготовки благотворительного концерта, проведенного Государственным историко-художественным музеем «Новый Иерусалим» в пользу Елизаветинского детского хосписа.

Ключевые слова: меценат, И.В.Цветаев, фандрайзинг, бизнес, культура, благотворительный концерт, музей, пожертвование, филантропия.

Работа с меценатами (физические лица) и патронами (юридические лица) является одной из важнейших задач для музеев и прежде всего их руководителей, так как пожертвования наряду со спонсорскими взносами составляют основную часть внебюджетных средств, привлекаемых музеем на свои проекты. Словарь бизнес-терминов Академик.ру дает следующее определение слову фандрайзинг: «Привлечение спонсорских финансовых средств на осуществление конкретной программы, систематическая и направленная деятельность организаций, включающих такие способы привлечения средств, как обращение за грантами, организация благотворительных мероприятий, сбор пожертвований и т.д.» [1].

По теме благотворительности, как феномену социокультурного пространства, в разные годы исследования проводились. Так, А.А.Быков, М.Л.Голкова, М.А.Лыгина рассматривали различные аспекты филантропии. Особый интерес среди источников научно-художественного наследия представляют Дневник и переписка 1899-1913 годов Ивана Владимировича Цветаева (1847-1913), профессора, руководителя кафедры теории и истории искусств Московского университета, основателя Музея изящных искусств в Москве [5, с. 5]. В этих материалах достаточно подробно излагается весь пройденный им путь привлечения средств на строительство и обустройство Музея изящных искусств, что представляет большой интерес для изучения принципов и методов работы с жертвователями. Личные знакомства, поддержание отношений, переходящие со временем в дружеские, привлечение близкого круга родных и знакомых для расширения пула, как говорил И.В.Цветаев, «жертв для музея» [Там же, с. 78], большая и длительная переписка, встречи, эмоциональные разговоры и обсуждения, интригующие и вдохновляющие потенциальных жертвователей, дипломатичность и настойчивость в общении и, наконец, долгожданное пожертвование. Пожертвование как акт филантропии не подразумевает что-либо взамен кроме благодарности, которая может иметь разный формат. Главной причиной поддержки меценатами такого крупного проекта, как строительство и оснащение Музея изящных искусств, является вера в нужность и важность задуманного, желание получить признание своей роли в обществе, а для И.В.Цветаева, выступавшего в роли фандрайзера, – убеждения, основанные на ценности создаваемого музея и своей миссии в его реализации. Объединив единомышленников в Комитет по устройству Музея, И.В.Цветаев предложил распределить залы музея среди жертвователей с присвоением им их имени. Удачная идея такого формата благодарности

увеличила количество доноров и суммы пожертвований. В своем Дневнике Иван Владимирович сделал такую запись: «Мысль об устройстве в Музее отдельных зал жертвователям с правом наименования их, по их желанию <...> пришлась многим по сердцу и вследствие того денежные средства Комитета стали расти вдруг и необычайно быстро» [Там же, с. 105]. Дневник и переписка И.В.Цветаева раскрывают технологию, которая показала свою успешность в работе с жертвователями и может служить и в XXI веке пособием по фандрайзингу в части работы с меценатами.

Пожертвование – это волеизъявление, порыв души жертвователя. Для того чтобы этот порыв сформировался в четкое желание оказать музею материальную помощь, последний должен создать определенные условия, которые будут содействовать осознанию жертвователем объективной необходимости поддержки деятельности музея материальными средствами. Первой задачей музея на пути к сердцу жертвователя является определение того, какое признание или благодарность он ожидает и какие из них были бы возможны и уместны со стороны музея. В этом процессе помогают критическое мышление и креативность с учетом психологии целевой аудитории. Вторая задача – найти способ донести необходимую информацию до потенциальных жертвователей.

Поиск путей привлечения внимания потенциальных жертвователей довольно сложен и требует серьезной творческой работы. Но здесь, как и во всяком другом сложном деле, легче достигнуть желаемого результата, если найти попутчиков, тех, кто также заинтересован в подобной материальной помощи и тоже ищет для своей деятельности пути привлечения внешних средств.

Коммерческим компаниям, как и музеям, необходимо думать о создании положительной репутации, о формировании общественного мнения и заботиться об увеличении своей популярности. Это напрямую может влиять и на их доходы, поскольку увеличение потока посетителей музея на проект, поддержанный бизнесом, усиление внимания СМИ и количество публикаций информационных волонтеров, увеличение потенциала сотрудничества – все это работает как на музей, так и на бизнес-партнера. Один из ведущих мировых экспертов в области маркетинга, профессор Филип Котлер пишет: «Формирование общественного мнения – управленческая функция, в рамках которой оценка отношений общественности, соотнесение принципов и приемов деятельности лица или организации с общественными интересами, планирование и проведение в жизнь программ действий, рассчитанных на завоевание понимания и восприятия со стороны общественности» [6, с. 440]. Общественное мнение – это сильнейший ресурс в работе с целевой аудиторией, которое необходимо учитывать и использовать музею, а главное – принимать активное участие в его формировании.

Решение о пожертвовании или выделении спонсорских средств принимается руководителем или владельцем компании. Важно войти в контакт как минимум с лицом, напрямую с ним контактирующим. Оценка осведомленности руководителей местных бизнес структур городского округа Истра Московской области о деятельности Государственного историко-художественного музея «Новый Иерусалим» показала, что о деятельности музея они не осведомлены. Их познания о музее практически равны нулю. В основном руководители крупных компаний приезжают на работу из Москвы, соответственно, свой и семейный вечерний досуг, как и в выходные дни, проводят не в Истре. Очевидно, что такие руководители компаний не только не стремятся, но даже не задумываются о целесообразности сосредоточить свое внимание как на своей социальной миссии, так и на эстетическом развитии и интеллектуальном досуге своих сотрудников. Они не осознают необходимости и значимости этого. Руководители компаний, которые озабочены только статистикой произведенных товаров, продаж и услуг не смогут удержать на рабочих местах своих сотрудников, повысить эффективность труда, не уделяя внимания моральному и психологическому состоянию сотрудников, не заботясь об их эстетическом развитии, повышении культурного уровня. Люди, у которых в душе есть место для искусства, более доброжелательны с коллегами и клиентами, лучше справляются со стрессом, у них лучше развита эмпатия, а значит, они больше удовлетворены жизнью, более счастливы и, соответственно, более эффективны в работе. Музей дает возможность лучше понять мир, осознать истину и красоту жизни. Луций Анней Сенека, выдающийся философ-стоик и государственный деятель утверждал: «Человек, не имеющий понятия об истине, никоим образом не может быть назван счастливым. Следовательно, жизнь счастлива, если она неизменно основывается на правильном, разумном суждении. Тогда дух человека отличается ясностью, свободен от всяких дурных влияний» [10, с. 243].

У людей нет врождённого инстинкта жертвовать, этому следует учить и учиться, постепенно развивая и укрепляя филантропические желания, мотивами которых могут быть любовь к людям, к красоте, стремление быть лучше и мудрее, сострадание. На человека также оказывает сильное влияние желание иметь хорошую репутацию и уважение в обществе, проявлять свою гражданскую позицию, соответствовать высоким ожиданиям общества.

Одной из многочисленных форм привлечения внимания потенциальных жертвователей к необходимости оказывать филантропическую помощь давно стали благотворительные концерты.

Благотворительные концерты – это важная и очень нужная деятельность многих организаций и людей, которая находит все больший отклик в сердцах граждан России. Цель таких концертов сводится к сбору денежных средств, которые направляются в благотворительные фонды, НКО (некоммерческие организации), такие как хосписы, детские дома и другие социальные учреждения. Поэтому была выдвинута идея провести благотворительный концерт в музее с целью не только проявить уважение и благодарность общества работникам хосписа и собрать определенную сумму в помощь нуждающейся стороне от музея организации, но и привлечь внимание потенциальных жертвователей, партнеров и спонсоров к деятельности самого музея, его социально-просветительской работе, которая, в свою очередь, тоже нуждается в дополнительной поддержке. В этой статье читателю предлагается взглянуть на благотворительный концерт более детально как на первый шаг в стратегии музея для установления контакта с бизнес-сообществом с целью дальнейшего сотрудничества, чтобы проанализировать его цели и задачи, сложности и потенциал для проведения подобных мероприятий в музее.

Государственный историко-художественный музей «Новый Иерусалим» является региональным, располагается на территории городского округа Истра на северо-западе Московской области. На этой территории находится много компаний, включая производственные площадки и логистические центры крупных бизнес-структур, которые на данный момент не проявляют никакого внимания к музею. Естественное желание выстроить отношения с соседями и быть полезными друг другу есть только у музея. Со стороны бизнес-структур такого желания не наблюдается. Они полностью игнорируют все обращения музея. Очевидно, что эти компании не понимают, зачем им вступать во взаимоотношения с музеем, если они не видят для себя экономической выгоды. Такое положение дел обязывает музей серьезно задуматься о стратегическом маркетинге для создания и изменения отношения этой целевой аудитории к музею, показывая ей возможность получения социальной выгоды взамен ожидаемой экономической. Ведь обычно ближайшие предприятия к учреждению культуры являются самыми активными партнерами, жертвователями и спонсорами.

Музей поставил перед собой задачу придумать активность для привлечения публичного внимания и получения общественной поддержки, когда местное сообщество могло бы объединиться для благодеяния, руководствуясь принципом: «Случай благотворительности представляется везде, где только есть человек» [10, с. 269]. Так возникла идея проводить в концертном зале музея «Новый Иерусалим» ежегодный благотворительный концерт в пользу одного из благотворительных фондов. Выбор бенефициара был логичным и естественным, поскольку Елизаветинский детский хоспис находится по соседству с музеем в поселке Пионерский городского округа Истра Московской области. Он и стал самым лучшим выбором.

Следующим этапом был визит в это медико-социальное учреждение, оказывающее бесплатную медицинскую помощь неизлечимо больным детям и психологическую и юридическую помощь их родителям, для более близкого знакомства и детального обсуждения проекта. Для сбора пожертвований была выбрана программа «Дерево желаний», в рамках которой сотрудники хосписа обеспечивали осуществление заветного желания каждого ребенка – пациента хосписа.

4 ноября 2024 года в День народного единства в концертном зале музея «Новый Иерусалим» прошел благотворительный концерт в пользу Елизаветинского детского хосписа.

Для сольного выступления в концертном зале музея был приглашен заслуженный артист России Б.В.Березовский. Пианист с мировой известностью согласился сразу. Как оказалось, Борис Вадимович дает 4-5 благотворительных концертов в год, поэтому договориться о выступлении смогли быстро.

Сложнее было определиться с датой концерта. Несмотря на очень плотный график выступлений музыканта, удалось согласовать день – 4 ноября, День народного единства. Организаторам концерта хотелось подчеркнуть, что людям надо объединяться для благодеяния – это так просто, почетно, приятно и очень нужно обществу.

Важно отметить осознанное, целенаправленное и чистосердечное желание Б.В.Березовского выступить в музее с благотворительным концертом. Музыканта своевременно информировали о каждом этапе подготовки концерта. Цены на билеты были выше обычных, но вполне доступными, чтобы жители Истры могли себе позволить купить билеты и стать участниками благотворительной акции. Все билеты были быстро раскуплены. Как оказалось, в качестве слушателей в зале были не только местные жители, но также приехали люди из других подмосковных городов и столицы. Основной целью покупки билетов было посещение концерта, чтобы услышать выступление выдающегося пианиста, именно по этой причине в зале был полный аншлаг. Однако участие в этой акции сформировало у публики концерта осознание своего вклада в общее дело, социальную значимость, вовлеченность в миссию – все это объединило публику и превратило в единое целое.

Французский социолог, историк и основатель социальной психологии Гюстав Лебон отмечал: «Самый поразительный факт, наблюдающийся в одухотворённой толпе, следующий: каковы бы ни были индивиды, составляющие ее, каков бы ни был их образ жизни, занятия, их характер или ум, одного их превращения в толпу достаточно для того, чтобы у них образовался род коллективной души, заставляющий их чувствовать, думать и действовать совершенно иначе, чем думал бы, чувствовал и действовал каждый из них в отдельности» [7, с. 175]. А всемирно известный врач – психиатр, создатель теории психоанализа Зигмунд Фрейд добавляет: «...если отдельные индивиды в массе объединяются в некоторое единое целое, то должно существовать нечто, что их соединяет» [12, с. 8]. Публику объединяло искусство, в данном случае – музыкальное. Это эмоция, которая увлекла слушателей в благородное путешествие. Эмоция, которая дала повод участникам концерта проявить свое участие в поддержке детского хосписа, что наверняка стало хорошей темой для обсуждения в кругу семьи, друзей, с сослуживцами на работе. Людям было приятно ощутить себя жертвователями в пользу благого дела.

После выступления со сцены прозвучали слова благодарности музыканту и организаторам концерта, сотрудникам хосписа – за их нелегкий труд, публике – за поддержку благотворительной акции. Всем слушателям концерта раздали листовки с информацией о хосписе, о программе «Дерево желаний», там же был размещен код для перечисления пожертвований. Интересно, что люди охотно покупали билеты на благотворительный концерт по повышенной цене, но не нашлось ни одного желающего дополнительно перевести деньги в хоспис. Организаторы концерта получили много восторженных отзывов от публики после завершения концерта. Помимо безусловного восторга от исполнения музыкальных произведений Борисом Вадимовичем Березовским, публика выражала признательность за то, что такое важное благотворительное событие прошло в Истре, участниками которого они были счастливы стать.

Каких целей удалось добиться музею? Прежде всего, этот концерт стал поводом для установления дружеских отношений с хосписом, которому музей смог оказать посильную помощь. Посетители музея узнали, что есть такой хоспис, как и на что можно перечислить им пожертвование. Сотрудники хосписа, присутствовавшие на концерте, ощутили признание и большую искреннюю благодарность публики за свою работу. Музей получил моральное удовлетворение, оказывая поддержку хоспису, подчеркнул свою значимость как центр культуры, заботящийся о моральном и психическом состоянии публики.

Освещение в СМИ было скудным. Ожидалось, что СМИ, блогеры, жители ближайших окрестностей, ведущие свои аккаунты в соцсетях, проявят большую социальную ответственность и более широко осветят данную акцию.

Работа по налаживанию связи с бизнес-сообществом продолжается. Требуется более тщательная подготовка и анализ информации по правилу СВИ: связь, возможности, интерес, где **Связь** – это поиск установления прямого контакта с руководителем компании или его заместителем в кругу знакомств. Творческий подход в поиске таких выходов необходим, так как недостаточно только найти телефон или электронный адрес нужных людей: важно обеспечить общение, которое во многом определяет успешность взаимодействия. Помощь муниципальной и региональной власти в этом вопросе особенно

ценна. **Возможности** – изучение возможности компании пожертвовать средства. В сети Интернет есть много ресурсов, где доступна информация об экономическом состоянии компаний. Однако задекларированная большая прибыль не является показателем готовности компании выделить средства для поддержки какого-либо социального или культурного проекта. **Интерес** – это индикатор вероятности пожертвования, определяющий вовлеченность потенциального донора в работу музея, опыт поддержки учреждений культуры или пожертвований в благотворительные фонды, который в большинстве случаев минимальный. Работа по этому правилу дает возможность собрать достоверную информацию и определить стратегию общения индивидуально с каждым потенциальным донором.

Одна из не менее важных задач музея – найти музыканта высочайшего уровня, который был бы согласен дать следующий благотворительный концерт. Это оказалось проблематичным. Музыканты хотят получить гонорар, в крайнем случае – широкое освещение в СМИ. В России большое количество народных и заслуженных артистов, но присвоение почетного звания не накладывает никаких обязательств на награждаемых. Представляется целесообразным ввести правило, по которому народным и заслуженным артистам было бы рекомендовано проводить не менее одного благотворительного концерта в год. Это не обременительно для музыкантов, но оказало бы мощную финансовую и моральную поддержку благотворительным фондам, социальным и культурным учреждениям.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Словарь бизнес-терминов //Академик : [сайт]. – URL: <https://dic.academic.ru/contents.nsf/business/> (дата обращения: 15.12.2024).
- [2] Быков, А. А. Благотворительность как социокультурный феномен: генезис идей и практик / Социология социальной сферы. – Текст : электронный // Вестник Томского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Политология. – 2012. – № 1(17). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/blagotvoritelnost-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-genezis-idey-i-praktik/viewer> (дата обращения: 15.12.2024).
- [3] Голкова, М. Л. Парадоксы благотворительности. Конфликт значений и смысла или смена культурной парадигмы. – Текст : электронный // Победитель конкурса поддержки публикационной активности молодых исследователей. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/paradoksy-blagotvoritelnosti-konflikt-znacheniy-i-smysla-ili-smena-kulturnoy-paradigmy/viewer> (дата обращения: 15.12.2024).
- [4] Елизаветинский детский хоспис // ВКонтакте : [соц. сеть]. – URL: https://vk.com/wall-211684852_512 (дата обращения: 15.12.2024).
- [5] И.В.Цветаев создает музей / Сост.: А.А.Демская, Л.М.Смирнова. – Москва : Галарт, 1995. – 448 с.
- [6] Котлер, Ф. Основы маркетинга. Краткий курс / пер. с англ. – Москва : И.Д. Вильямс, 2016. — 496 с.
- [7] Лебон, Г. Психология народов и масс / пер. с фр. Э.Пименовой. – Москва : Эксмо, 2024. – 352 с.
- [8] Лыгина, М. А. Филантропия как социокультурный феномен. – Текст : электронный // Известия ПГПУ. Гуманитарные науки. – 2008. – № 9(13). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/filantropiya-kak-sotsiokulturnyy-fenomen/viewer> (дата обращения: 15.12.2024).
- [9] Благотворительный концерт Бориса Березовского // «Новый Иерусалим»: государственный историко-художественный музей : официальный сайт. – URL: <https://njerusalem.ru/sobitiya/meroprivatiya/blagotvoritelnyj-kontsert-borisa-berezovskogo/> (дата обращения: 15.12.2024).
- [10] Сенека, Луций Анней. О милосердии. О счастливой жизни / Луций Анней Сенека; пер. с лат. – Санкт-Петербург : Азбука ; Азбука-Аттикус, 2022. – 352 с.
- [11] Телеканал 360: Репортаж о благотворительном концерте // RuTube : [сетевой видео-сервис]. – URL: <https://rutube.ru/video/581579b424a99146a80542b15b5bc46f/> (дата обращения: 15.12.2024).
- [12] Фрейд, З. Психология масс и анализ человеческого “я” : [сборник] / пер. с нем. А.Анваера. – Москва : АСТ, 2022. – 320 с.
- [13] Энциклопедия фандрайзинга. Как собирать деньги на социально значимые проекты / Под ред. Ю.Темпела, Т.Сейлера и Д.Берлингема; пер. с англ. И.Борисенко. – Москва : Нужна помощь, 2021. – 540 с.

CHARITY CONCERT AT THE MUSEUM: FUNDRAISING OR MISSION?

Karabanova Irina Mikhailovna,

Deputy General Director of the State Historical
and Art Museum "New Jerusalem" (Istra, Moscow region);
External post-graduate student, Likhachev Russian
Research Institute for Cultural and Natural Heritage

Abstract. *In the article, the method of I.V. Tsvetaev's work with maecenas in the process of creating the Museum of Fine Arts is presented. The first stage on the way to establishing partnerships for the further work of the museum with the business community and private donors is considered, using the example of a charity concert. The goals and objectives are defined, and the reasons why it is difficult to establish interaction between the museum and business structures are formulated.*

There is an analysis of the museum's work results during the preparation of a charity concert organised by the New Jerusalem Museum of History and Art in favor of the Elizabethan Children's Hospice.

Key words: *maecenas, I.V.Tsvetaev, fundraising, business, culture, charity, concert, museum, donation, philanthropy.*

© Карабанова И.М., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 20.02.2025.

Ссылка на статью:

Карабанова, И. М. Благотворительный концерт в музее: фандрайзинг или миссия? – DOI 10.34685/HI.2025.50.96.014. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 2. – С. 90-05. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/701.html&j_id=64.

ШВЕДСКОЕ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО XIX ВЕКА (ПО МАТЕРИАЛАМ АРХИВА ЭКСПЕРТИЗЫ ГОСНИИР)

DOI 10.34685/HI.2025.12.69.017

Скороход Александр Александрович,
младший научный сотрудник,
Государственный научно-исследовательский
институт реставрации (Москва)
Email: skorohodios@yandex.ru

Аннотация. Статья рассказывает о шведском изобразительном искусстве XIX века на примере творчества четырех художников: это Йохан Филип Корн (1728–1796), Густав Эриксон Фишер (1846–1893), Аксель Вильгельм Нордгрен (1828–1888), Франц Одельмарк (1849–1937). Работа основана на материалах архива экспертизы Государственного научно-исследовательского института реставрации (ГОСНИИР). Уникальность материала состоит в том, что речь идет о малоизвестных картинах шведских мастеров, на которых представлены крестьянские и религиозные сцены, портрет шведского короля Густава III и великолепный пейзаж с фьордом. Рассказ о живописных работах сопровождается иллюстрациями.

Также в статье затрагиваются отношения стран Северной Европы и России в XIX веке, рассказано о ярких представителях шведского художественного мира, кто формировал художественную мысль данного региона.

Ключевые слова: шведское изобразительное искусство, Северная Европа, экспертиза, ГОСНИИР.

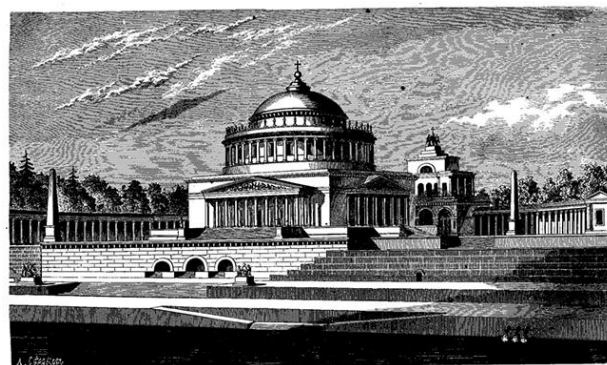
Изобразительное искусство Швеции после своего расцвета в XVIII столетии при короле Густаве III в XIX веке переживало свой упадок, что нашло свое отражение и в собраниях российских музеев того времени [1]. Лишь датская живопись XIX века прочно вошла в собрания таких российских музеев как Государственный Эрмитаж, Государственный Исторический музей, Государственный музей изобразительных искусств имени А.С.Пушкина.

Карл Мазер. Портрет тунгуса. 1850 г.
Фрагмент

Что же касается шведских художников в России, то наиболее выделяется Карл Мазер (1807–1884), который жил в России в период с 1838 по 1854 год. Он оставил после себя уникальный труд по картографии Сибири, с подробными рисунками местности, местных костюмов, сделанных с фотографической точностью.

Также стоит сказать об Александре Леонтьевиче Витберге (Карл Магнус Витберг (1787–1855), известном русском художнике шведского происхождения, представившего проект храма Христа Спасителя в Москве и финском художнике шведского происхождения Эмануэле Теннинге (1767–1831), внесшего существенный вклад в развитие изобразительного искусства Финляндии. За работу «Открытие Сейма в Порвоо» 1812 года он получал ежегодную государственную пенсию в размере 600 рублей. Умер художник в Петербурге в 1831 году в возрасте 64 лет [2].

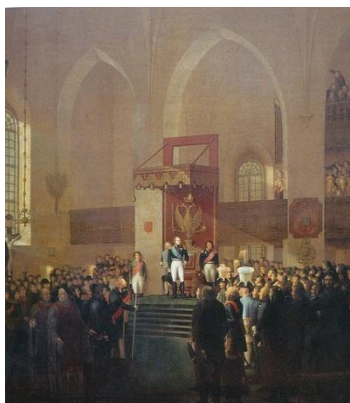

ХРАМЪ ХРИСТА СПАСИТЕЛЯ ВЪ МОСКВѢ,
ПРОЕКТЪ АНАДЖИНА ВИТБЕРГА.

Домашнее задание. С.-Петербургъ, 24 марта 1812 г.

1817 г.

Печатня Н. Н. Толстого, Владимирская, № 15.

Эмануэль Теннинг.
«Открытие Сейма в Порвоо». 1812 г.
Фрагмент

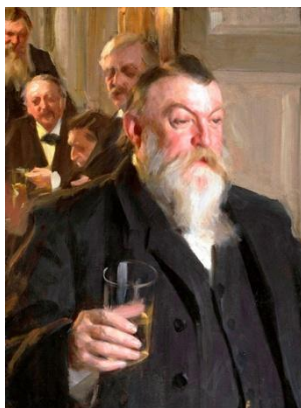
Карл Ларссон. «Зимняя жертва». 1915 г. Фрагмент

И конечно нужно сказать пару слов о крупнейших представителях шведского изобразительного искусства второй половины XIX века – Карле Ларссоне (1853–1919) и Андерсе Цорне (1860 – 1920). Они радикально изменили подход к изобразительному языку, вырабатывая свой, уникальный язык. Карл Ларссон явил миру свою частичку шведского романтизма, модного в ту пору течения. Наивысшей точкой его творчества стало шестиметровое полотно «Зимняя жертва» или «Жертвоприношение в середине зимы» 1915 года, на котором был изображен ритуал короля Домальда в храме Уппсалы. Благодаря развитию технологии цветопередачи свет увидел труд Карла Ларссона «Дом под солнцем» с великолепными графическими акварелями автора. Книга является шведским бестселлером и по сей день издается большими тиражами, в том числе и на русском языке.

Андерс Цорн стал известен в первую очередь своими портретами. Художник находился под влиянием импрессионизма, работая в, почти эскизной манере, смелыми пастозными мазками, ловко передавая эмоции изображаемых людей. К примеру, можно привести такие работы, как «Автопортрет в красном» 1915 г., «Автопортрет с моделью», «Тост в редакции газеты «Идун», «Портрет С.И.Мамонтова» и многие другие.

Андерс Цорн. «Автопортрет с моделью». 1898 г. Фрагмент

Андерс Цорн. «Тост в редакции газеты "Идун"». 1892 г.
Фрагмент

Андерс Цорн. «Портрет С.И. Мамонтова». 1892 г.
Фрагмент

Со второй половины XIX века культурным центром для молодых художников того времени становится Париж. Многие молодые мастера со всего света стремятся попасть сюда, дабы впитать модные направления и течения. Еще с XVIII века закрепляются контакты Швеции с Францией.

В XIX веке эта тенденция стала развиваться – начинающие художники стремились в Англию, Францию и Германию для получения современных и актуальных на тот момент знаний. Уже к 1870-м годам множество скандинавских художников обосновались во Франции, образовав целые колонии. В конце XIX в. через Париж прошли такие шведские художники, как упомянутые выше Андерс Цорн, Карл Ларссон, Нильс Крёгер, Карл Нордстрем, Бруно Лильефорс, Ричард Берг [3].

Важным стал фактор выбора школы, которые в тот момент начинают активно развиваться в Западной Европе. Каждая из этих школ имела свой уникальный стиль преподавания. Так, Дюссельдорфская Академия художеств специализировалась на работе с натуры и исследовании изображения природы. Именно данная школа сказалась на манере многих шведских художников того времени.

Искусствовед Анна Познанская во вступительном слове к каталогу «Страна живительной прохлады» отметила: «Влияние дюссельдорфской школы с ее романтическим уклоном сказалось прежде всего в живописи Швеции и Финляндии, в то время как на искусство Норвегии в большей степени повлияли художественные школы Берлина, Мюнхена и Карлсруэ. Однако и норвежские художники воздавали должное дюссельдорфской школе, о чем свидетельствует замечание К.Герца в отзыве о Всемирной выставке 1873 года в Вене: “Главное место на выставке занимает искусство Франции и Германии, особенно Дюссельдорфская школа во главе с Кнаутом. Швеция и Норвегия в лице своих лучших живописцев принадлежит к этой же Дюссельдорфской школе”» [4].

Музейная жизнь в России также не прошла мимо этого явления. Много лет назад в ГМИИ им. А.С.Пушкина была показана обстоятельная и интересная выставка живописи Дюссельдорфской школы [5]. И уже в наши дни в Музее русского пейзажа в городе Плесе Ивановской области была открыта выставка европейской живописи этого периода и этого региона из собрания Пушкинского музея, которая пользовалась большим успехом. Публике были представлены картины, которые редко покидают запасники. И этот факт и придал экспозиции особую новизну [6].

В настоящей статье мы хотим затронуть четырех шведских художников, которые в разное время проходили исследование в отделе экспертизы ГОСНИИР – одна работа XVIII века, четыре работы XIX века из частных собраний. В исследованиях приняли участие сотрудники отдела Экспертизы ГОСНИИР М.М.Красилин, К.А.Николаев, Ю.А.Халтурин, С.А.Кочкин и автор данной статьи.

Йохан Филип Корн (Korn, Johan Filip, 1728–1796).

Крестьянская сцена на берегу. Конец XVIII в.

Холст (подведены кромки), масло. 37 x 48,5. Швеция

Краткая заметка о художнике. Й.Ф.Корн – пейзажист, мастер декоративной живописи. Родился в городе Уддевалла на западном побережье Швеции. Учился первоначально у живописца Хр. Христиана, на чьей дочери затем женился. Потом учился в Стокгольме у Шульца, в стокгольмской Академии у Севенборна. В 1859 г. он получил звание художника. Выполнял главным образом декоративные панно, скомпонованные из пейзажей (уличные сценки с изображением построек, речные пейзажи с маленькими стаффажными фигурками), выполненных на основе натуральных штудий, под влиянием голландских гравюр, а также с использованием мотивов работ Ф. Буше. Писал на холсте и на дереве, в узнаваемой зеленоватой или коричневатой гамме. В поздний период испытывал нужду, что подтолкнуло его в 1782 году занять пост смотрителя в стокгольмской Академии художеств. Умер в Стокгольме, где и хранятся многие его работы (в Академии художеств, с собрании Стокгольмского университета, в Национальном музее и ряде других музейных собраний).

Йохан Корн. «Крестьянская сцена на берегу». Конец XVIII в.

Исследование работы. Специфика образно-стилистического решения работы, особенности приемов техники живописи дают основания для такой датировки. Поздняя надпись на подрамнике служит косвенным указанием на авторство шведского художника Й.Ф.Корна. Подписи на картине нет, но, как указывается в справочной литературе, работы Корна редко подписаны (Thieme/Becker. Leipzig, 1999. Band 21, 313). На европейских аукционах нередко проходят небольшие по размерам пейзажи этого мастера. Среди них есть ряд архитектурных «фантазий» с руиной на берегу и фигурками крестьян и рыбаков, отличающиеся стремлением к поэтизации будничной жизни. Они отмечены определенным влиянием голландской традиции XVII века с ее специфичными средствами живописно-пластического рассказа. Композиционно многие работы Корна напоминают рассматриваемую картину. Ей близки и свойственные живописи этого художника своеобразная декоративная организация плоскости в

изображении облаков, светлая колористическая гамма с преобладанием коричневатых оттенков, характерные в своем своеобразии пропорции стаффажных фигур, в том числе фигурок детей. Произведение выполнено на профессиональном уровне и имеет музейное значение.

Густав Эриксон Фишер (Fischer, Gustav Ericson, 1846-1893).

В конюшне. Мальчик с лошастью. 1885. Холст, масло. 57 x 44,7. Швеция

Краткая заметка о художнике. Шведский живописец Густав Эриксон Фишер учился в Академии художеств в Стокгольме, затем в Веймаре (1880). Писал пейзажи, жанровые мотивы с изображением лошадей. Произведения Фишера фигурируют на европейских художественных аукционах.

Исследование работы. Специфика образно-стилистического решения и особенности приемов техники живописи дают основания для датировки 1885 годом и позволяют связать рассматриваемую картину с североευропейской живописью этого периода. Выбор камерного бытового мотива из сельской жизни

Густав Фишер. «Мальчик с лошастью». 1885 г.

вполне характерен для «национального романтизма» скандинавской живописи 1880-1890-х, своеобразным манифестом которого стал совет Ж.Бастьен-Лепажа, данный в 1885 году одному из скандинавских художников в Париже: «Пишите свой дом, свои деревья, своих крестьян... Художник, оторванный от своих корней, бесполезен». В характерной тенденции к работе с натуры проявлялось также влияние дюссельдорфской школы, поскольку многие скандинавские художники учились в Германии. Подпись на работе соответствует авторскому красочному слою и указывает на авторство шведского художника Густава Эриксона Фишера. Характер живописной манеры свидетельствует об основательной академической подготовке и творческом опыте автора картины. Сюжет работы и характер изобразительного языка полностью соответствуют творческой практике Г.Э.Фишера, известного своими камерными сюжетными сценами, в том числе с изображением лошадей и конюхов. В частности, близкая по тематике и колориту картина с изображением сцены в конюшне (холст, масло, 1883) проходила в 2013 году на художественном аукционе во Франции. Обстоятельная передача

бытовых деталей подчинена здесь стремлению к лирически-созерцательной наполненности повествовательного мотива, передаче спокойной и теплой атмосферы изображенной бытовой сцены. Выраженная светотеневая моделировка корпусным формообразующим мазком с использованием жидкого коричневого подмалевка позволяет художнику ясно и умеренно подробно передать разницу фактур материалов предметной обстановки, пластическую весомость форм. Во всех деталях антуража картина объединена своеобразным неспешно-задумчивым настроением, достаточно характерным для чистого «бытовизма» скандинавских жанровых сцен. Работа исполнена на уверенном профессиональном уровне и имеет музейное значение.

Аксель Вильгельм Нордгрэн (Nordgren, Axel Wilhelm (1828, Стокгольм – 1888, Дюссельдорф).

Норвежский фьорд с рыбацкими лодками (Romsdalsfjord). 1870–80-е годы.

Холст, масло. 56,2 x 97,7. Швеция – Германия

Краткая заметка о художнике. Аксель Нордгрэн – шведский пейзажист. Родился в Стокгольме. Учился в Академии художеств в Стокгольме, затем с 1851 – в Академии художеств в Дюссельдорфе у Ганса Гуде (Hans Fredrik Gude, 1825-1903). Нордгрэн несколько раз совершал поездки в Норвегию. В 1868 стал членом Королевской академии искусств. Жил и работал в Дюссельдорфе. Работы Нордгрэна имеются в собрании различных музеев – в Бергене, Дрездене, Дюссельдорфе, Любеке, Майнце, Гетеборге, Стокгольме (Национальный музей) и др.

Исследование работы. Характер использованных материалов и признаки их старения, выраженные естественным образом, а также особенности манеры исполнения позволяют соотносить время создания работы с последней третью XIX в.

Подпись на изображении, аутентичная живопись, дает основание рассматривать в качестве автора художника А.В.Нордгрена (1828-1888). Графика начертания подписи обнаруживает сходство с сигнатурами Нордгрена на его эталонных работах.

Пейзажный мотив и его живописно-образная трактовка согласуются с творчеством этого художника. Нордгрэн часто обращался к подобным сюжетам с изображением норвежских фьордов, основанным на материале своих поездок в Норвегию. Изобразительный язык пейзажа можно сравнить, например, с

Аксель Нордгрэн. «Норвежский фьорд с рыбацкими лодками». 1888 г.

такими произведениями художника, как «Северный пейзаж с оленями», около 1870 г. (Дюссельдорф, музей Кунстпаласт), «Шведская рыбацкая деревня зимой», 1884 г. (Дрезден, Галерея новых мастеров). Особенности композиционного решения пейзажа, построение пейзажного пространства с плавным чередованием планов – широкий передний план с изображением залива с рыбацкой деревней на берегу, окруженного горными склонами, – трактовка световоздушного пространства, сдержанная тонально нюансированная контрастная цветовая гамма, полностью согласуются с оригинальными произведениями Нордгрена 1870–1880-х гг. Манера исполнения пейзажа, приемы

техники письма указывают на уверенную академическую подготовку художника. Красочное изображение исполнено в манере свободного фактурно разнородного письма близкого технике alla prima, с использованием жидкой цветовой подготовки, размечающей основные композиционные планы. Моделировка предметных форм ведется корпусными, преимущественно слегка продолговатыми по форме мазками, положенными раздельными ударами кисти и слитными касаниями при изображении крупных по площади композиционных участков – небо, заснеженные горные вершины, – проработанных с деликатным использованием мастихина. Изобразительные приемы, убедительность передачи освещения, привычное использование живописных приемов свидетельствуют о широкой творческой практике работы художника в этом жанре. Картина реставрировалась.

Франц Вильгельм Одельмарк (Odelmark, Frans Wilhelm, 1849–1937).

После службы. 1871. Холст, масло. 34,7 x 28,2. Швеция

Франц Одельмарк. «После службы». 1871 г.

Краткая заметка о художнике. Франц Одельмарк – шведский художник. Писал архитектурные пейзажи, жанровые сцены, преимущественно на темы Востока. Учился в Академии художеств в Стокгольме (1866–1868). В 1870–1882 работал в Дюссельдорфе, Италии, Испании, в 1882–1884 – в Мюнхене. Член Академии искусств в Стокгольме с 1897.

Исследование работы. Образность исследуемой картины и сюжетный мотив характерны для североевропейской жанровой живописи второй половины XIX века в общем и для творчества Одельмарка, в частности. Произведение написано на уверенном профессиональном уровне в классической послыной системе живописи. Изображение построено по цветному полупрозрачному подмалевку мелким рельефным мазком. По границам форм подмалевок оставлен не перекрытым, благодаря чему формируется мягкий контур фигур и усиливается впечатление глубины пространства. Работу отличает выразительная фактура красочной

поверхности, живописное обобщение при убедительной передаче фактуры изображаемых форм и материалов.

Нижняя часть произведения прописывалась, когда картина находилась в раме. Старая подпись была перекрыта и заново прописана.

Характер использованных материалов и признаки старения всей структуры произведения, выраженные естественным образом, не противоречат возможности его создания в 1871 году. Манера исполнения и стилистика исследуемой работы также соотносятся с художественной практикой североевропейской живописи того времени.

В заключение отметим, что Отдел научной экспертизы ГОСНИИР на протяжении многих лет встречается с работами художников Северной Европы, каталогизирует исследуемый материал. Архив экспертизы постоянно пополняется, причем преимущественно работами из частных собраний. Прошедшие всестороннее обследование произведения, представленные в данной статье, свидетельствуют о явно возросшем качестве приобретаемых работ. В этом ряду нашли свое подтверждение произведения как весьма заметных, так и малоизвестных художников региона. Закономерно, что многие из них находят свое место в собраниях таких крупных музеев, как Эрмитаж, Метрополитен и др.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] «Страна живительной прохлады...» : Искусство стран Северной Европы XVIII – начала XX века из собраний музеев России: Дания, Исландия, Норвегия, Финляндия, Швеция : каталог. – Москва : Красная площадь, 2001. – С. 26.
- [2] Сайт биографий известных финнов: <https://kansallisbiografia.fi/kansallisbiografia/henkilo/3660>.
- [3] «Страна живительной прохлады...»... С. 26.
- [4] Там же. С. 26–27.
- [5] Дюссельдорфская школа живописи XIX века : Каталог выставки / ГМИИ им. А.С.Пушкина. – Москва, 1985. – С. 113.
- [6] Западноевропейский пейзаж XIX века из собрания Государственного музея изобразительных искусств имени А.С. Пушкина : Каталог выставки. – Плес, 2024. – С. 44.

SWEDISH FINE ART OF THE 19TH CENTURY (BASED ON THE MATERIALS OF THE GOSNIIR EXPERTISE ARCHIVE)

Skorokhod Alexander Alexandrovich,

Researcher, State Research Institute for Restoration (Moscow)

Abstract. *The article tells about Swedish fine art of the 19th century using the works of four artists as an example: Johan Philip Korn (1728–1796), Gustav Ericsson Fischer (1846–1893), Axel Wilhelm Nordgren (1828–1888), Franz Odemark (1849–1937). The work is based on the materials of the examination archive of the State Research Institute for Restoration (GOSNIIR). The uniqueness of the material lies in the fact that it concerns little-known paintings by Swedish masters, which depict peasant and religious scenes, a portrait of the Swedish king Gustav III and a magnificent landscape with a fjord. The story about the paintings is accompanied by illustrations.*

The article also touches upon the relations between the countries of Northern Europe and Russia in the 19th century, and tells about the prominent representatives of the Swedish art world who shaped the artistic thought of this region.

Key words: *Swedish fine art, Northern Europe, expertise, GOSNIIR.*

© Скороход А.А., текст, ил., 2025
Статья поступила в редакцию 20.02.2025.

Ссылка на статью:

Скороход, А. А. Шведское изобразительное искусство XIX века (по материалам архива экспертизы ГОСНИИР). – DOI 10.34685/HI.2025.12.69.017. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 2. – С. 96-101. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/697.html&j_id=64.

К ВОПРОСУ О ТРАКТОВКЕ ТЕРМИНА «ПРЕВЕНТИВНАЯ КОНСЕРВАЦИЯ»

DOI 10.34685/MI.2025.58.53.020

Таловин Константин Дмитриевич,
аспирант, Российский научно-исследовательский институт
культурного и природного наследия имени Д.С.Лихачева (Москва)
Email: konstantintalovin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается многогранность понятия «превентивная консервация». Приводится краткая справка развития и анализ современного состояния данного направления. Автором подчеркивается слабая практическая и теоретическая разработанность методов превентивной консервации, недостаток методической литературы на русском языке. На основании рассмотренных материалов даются пути решения сложившейся ситуации в нашей стране.

Ключевые слова: превентивная консервация, сохранение историко-культурного наследия, артефакт, метод микросреды, археологические находки.

Предмет является важным источником информации, доступной при условии грамотной интерпретации. Полученные сведения дают исследователям возможность корректно атрибутировать обнаруженный артефакт и интегрировать его в культурный контекст соответствующей исторической эпохи. Тем не менее, для того чтобы сделать обоснованные выводы, в первую очередь необходимо сохранить артефакты. В полевых условиях это сделать гораздо сложнее, чем в лаборатории. В некоторых случаях требуется незамедлительное вмешательство. Например, предметы из органических компонентов (кожи, ткани, дерева, кости) могут начать разрушаться через несколько минут после извлечения из грунта. Замедлить такие процессы практически невозможно. В результате, предмет изменяется в размерах, деформируется и распадается на бесформенные фрагменты. Часть информации (исторического знания), которую мы могли извлечь из него и передать будущим поколениям, навсегда теряется.

Одним из решений данной проблемы может стать применение методов превентивной консервации. В отличие от интервенционных практик она не затрагивает физико-химических свойств предмета и не вмешивается в его внутреннюю структуру. Превентивная консервация может быть определена как любая мера, которая снижает вероятность или предотвращает ущерб историко-культурному наследию. Данное направление включает контроль за температурно-влажностным режимом в музейных помещениях и условиями хранения и экспонирования, меры безопасности при транспортировке культурных ценностей, охрану, обучение персонала и т.д. [1]

Одним из её ключевых направлений является создание микросреды, суть которого заключается в разработке оптимальных параметров с заданными свойствами внутри пространства, изолированного от остальной части помещения [2].

Методы превентивной консервации могут помочь там, где нет физической возможности отреставрировать все предметы, нуждающиеся в оперативном вмешательстве.

Развитие превентивной консервации можно разделить на три периода: с XIX до 1930-х, с 1930-х до 1990-х, с 1990-х до настоящего времени [3].

Однако это не говорит о том, что в прошлом люди не осознавали процессы разрушения различных материалов, но именно в XIX веке возникновение научного объяснения перенесло эту тему из области эмпирического наблюдения причин и следствий в сферу науки, где были установлены точные химические механизмы распада материальной основы артефактов.

С момента публикации работы немецкого ученого Фридриха Патгена “Konservierung von Altertumsfunden” («Сохранение древностей»), которая положила начало становления превентивной консервации, и до середины 1990-х годов эта дисциплина прошла значительный путь развития [4]. Она трансформировалась из набора простых правил о том, что можно и что нельзя делать, в область, требующую серьезного профессионального подхода, где применяются компромиссы и балансы [5].

С 1990-х и до настоящего времени превентивная консервация уделяет внимание комплексному подходу, выявляя наиболее серьезные угрозы и стремясь к их минимизации. В настоящее время превентивная консервация выделилась в самостоятельную дисциплину, которой отдается приоритет при сохранении объектов культурного наследия многими ведущими музеями мира (Британский музей, музей Метрополитен, Берлинский и т.д.).

Однако среди отечественных специалистов отношение к данному направлению неоднозначное. В музейной среде существует стереотип, что использование данных материалов – дорогостоящее занятие, а сама методика – вопрос будущего времени. В данном случае складывается двойственная ситуация, которая можно отразить через философскую концепцию Т.Куна «Смена парадигм» [6]. В ней Кун критикует устоявшиеся взгляды на развитие науки: например, постепенное накопление знаний, в результате чего наука прогрессирует линейно, накапливая независимые от теории факты.

Для Куна история науки характеризуется революциями в научном мировоззрении («парадигмы»). Парадигма – это общепризнанное научное достижение, которое на некоторое время предоставляет ученым типовые проблемы и решения. Это набор норм, диктующий ученым, как думать и вести себя. И хотя в науке существуют конкурирующие школы мысли, есть единая парадигма, которая не подвергается критической оценке. В разные периоды развития науки в зависимости от исторического контекста над мышлением исследователей господствовали определенные взгляды.

Т.Кун выделяет 4 фазы развития науки:

1. До науки. На данном этапе общепризнанная парадигма еще не определена, научное сообщество не пришло к единому консенсусу.
2. «Нормальная» наука. Устанавливается парадигма, которая закладывает основы для работы в рамках дисциплины.
3. Кризис. Происходит смена парадигмы.
4. Революция. Устанавливается новая научная парадигма [7].

Таким образом, автор стремился рассмотреть эволюцию науки через призму изменения, прежде всего, «психологических парадигм», которые приводят к возникновению новых научных гипотез и теорий. Он подчеркивал, что принятие или отвержение определенной парадигмы представляет собой не только логический, но и социальный процесс. Ключевые концепции реставрации культурного наследия, выделяемые в различные исторические периоды, также отражают многогранность процессов (социальных, политических, религиозных) в обществе, тем самым демонстрируя многогранность культуры в целом.

Согласно теории Т.Куна, сейчас в вопросе превентивной консервации мы находимся между фазами развития науки «до научной» и «нормальной наукой». В этом для нашей страны характерен определенный парадокс: есть общая признанная парадигма, которая хорошо известна и работает во многих других странах. Ученые единогласно пришли к консенсусу об её актуальности и эффективности. Данная практика показала свою работоспособность, что подтверждается, проведенными экспериментами и наблюдениями. Однако у нас, за исключением крупных музеев, широкого распространения она не получила.

Выделяются следующие причины сложившейся ситуации:

1. Нет единого определения понятия «превентивная консервация».

Практика показывает, что в большинстве случаев под превентивной консервацией понимается поддержание определенных параметров окружающей среды, зафиксированных в нормативных документах. Превентивная консервация как метод сохранения археологических артефактов практически не рассматривается как самостоятельное направление в рамках полевой консервации.

2. Превентивная консервация применима только для сохранения историко-культурного наследия в условиях длительного музейного хранения.

По устоявшемуся мнению, метод микросреды и превентивную консервацию в целом принято рассматривать как создание благоприятных условий в долгосрочной перспективе для хранения музейных артефактов в масштабах коллекций, а не отдельных предметов. На наш взгляд, это не совсем верное понимание данного направления.

3. Недостаточное количество специалистов в данной сфере.

4. Отсутствие дисциплины «Превентивная консервация» в образовательных программах учреждений, готовящих специалистов в сфере сохранения историко-культурного наследия.

5. Нет понимания сложности и глубины понятия «превентивная консервация» как многогранной деятельности, включающей различные взаимосвязанные аспекты.

Проведенный нами всероссийский опрос практикующих археологов и сотрудников музеев (хранителей), охватывающий различные регионы России, показал, что уровень знаний в области превентивной консервации находится на низком уровне. В большинстве случаев эти знания сводятся к показателям температурно-влажностного режима. Подавляющая часть респондентов ответили, что они не знакомы с методом микросреды.

В настоящее время метод микросреды применяется в Эрмитаже, Нижегородском историко-архитектурном музее-заповеднике, музее-заповеднике «Херсонес Таврический», а также в рамках реализации Национальной программы сохранения библиотечных фондов Российской Федерации, одной из форм которой является фазовая консервация [8].

Микросреда создается посредством применения упаковки (например, контейнера или барьерной пленки), в которую помещаются один или несколько специализированных материалов, таких как влагопоглотитель для снижения относительной влажности, газовый сорбент для захвата определённых загрязняющих веществ или поглотителя кислорода, который создает бескислородную среду и предотвращает процессы окисления [9].

Опыт использования метода микросреды позволяет выделить следующие его преимущества:

- экономичность использования, т.е. он позволяет значительно снизить расходы по сравнению с традиционными методами реставрации;
- возможность создать условия для любой группы находок, повышающих эффективность хранения;
- доступность материалов для создания среды с заданными параметрами.

Региональные музеи отдают на реставрацию предметы культурного наследия в крупные реставрационные центры (Габаря или ГОСНИИР) в Москву, у которых стоимость работ весьма высока. Кроме того, такая реставрация обычно является вынужденной мерой, свидетельствующая о том, что объект находится в критическом состоянии и существует риск его утраты. Экономически целесообразнее сразу создать благоприятные условия для предметов и периодически осуществлять их мониторинг сохранности.

Например, для неотреставрированного металла показатель влажности необходимо поддерживать на уровне 10-15%, а для артефактов из кожи – 40% [10]. В некоторых случаях, когда невозможно использовать сорбент влажности (комбинированные предметы из органики и металла), задействуют

поглотитель кислорода. Зная свойства и механизм работы сорбентов в замкнутом объеме, можно создать идеальные условия для конкретной группы материалов. Вопреки стереотипам, материалы для создания микросреды широко доступны на отечественном рынке. Их невысокая стоимость открывает большие возможности для внедрения в сферу сохранения культурного наследия.

Другой проблемой, с которой приходится сталкиваться, – консервативность и косность мировоззрения некоторых музейных сотрудников, придерживающихся устоявшихся традиционных методов контроля окружающей среды и хранения объектов культурного наследия. Например, снятия показаний 2 раза в день и их запись в специальный журнал. Данная частота контроля показателей окружающей среды недостаточна. Она может привести к ошибочности выводов о состоянии микроклимата внутри помещения.

Проведенный нами эксперимент по фиксации показаний влажности и температуры в трех разных музеях нашей страны показал неутешительный результат. Данные писались беспрерывно каждый час на протяжении одного года. Впервые в отечественной практике фиксация показаний велась настолько подробно. Удалось зафиксировать все сезонные колебания окружающей среды. В разное время года показания варьировались от 20% (зимой) до 80% (летом). Такие скачки влажности наиболее губительны для неотреставрированных предметов.

Создание микросреды для отдельных памятников культурного наследия целесообразно для проведения межоперационных реставрационных мероприятий в лаборатории и в ходе археологических исследований для обеспечения оптимальных условий временного хранения наиболее чувствительных материалов.

Эксперименты разной направленности, проведенные в ходе археологических сезонов 2023 и 2024 годов доказали эффективность методов превентивной консервации в полевых условиях и позволили сохранить ряд ценных находок (железные и бронзовые артефакты, кожаные ремни, фрагмент позумента, фрагменты погребальной подложки из луба).

Таким образом, формирование микросреды и определение ее временных границ как для отдельного экспоната, так и для всей коллекции в целом зависит от тех целей и задач, которые мы ставим. Методы превентивной консервации должны рассматриваться как самостоятельное направление по сохранению археологических артефактов в рамках полевой консервации.

Сложившиеся к настоящему времени понимание термина «превентивная консервация» не отражает в полной мере весь комплекс мероприятий, направленных на сохранение историко-культурного наследия.

Для перехода к новой парадигме, направленной на повышение эффективности сохранения культурного наследия нашей страны, необходимо, на наш взгляд, выполнить следующие шаги:

- сформулировать единое понятие термина «превентивная консервация», включающее все многообразие аспектов данной деятельности;
- включить курс «Превентивной консервации» в образовательные программы ВУЗов, готовящих специалистов в сфере сохранения историко-культурного наследия и смежных специальностей;
- организовать выпуск методической литературы и пособий по превентивной консервации.

Разумеется, не все артефакты и музейные экспонаты требуют подобного хранения. В каждом случае решение должно приниматься индивидуально в зависимости от сохранности каждого предмета. Тем не менее, понимание всех механизмов дает возможность эффективно использовать методы превентивной консервации в стратегии сохранения историко-культурного наследия.

Таким образом, можно сформулировать следующее определение термина «превентивная консервация»: это не только ряд мер, направленных на сохранение физической основы памятника без

прямого взаимодействия с ним, но и мировоззренческие установки, которые должны формироваться на основе новой парадигмы. Она предполагает более широкое видение и осознанное отношение каждого члена сообщества, причастного к сохранению культурного наследия на всех этапах от выявления памятника до постановки его на учет.

ПРИМЕЧАНИЯ

- [1] Cronyn, J. The elements of archaeological conservation. – London : Routledge, 1990. – P. 196-197.
- [2] Guidelines for the storage and display of archaeological metalwork / Rimmer, M., Thickett, D., Watkinson, D., Ganiari, S. H. – London : English Heritage, 2013. – P. 17-18.
- [3] Caple, C. Preventive Conservation in Museums. – London : Routledge, 2012. – 624 p.
- [4] Rathgen, F. Die Konservierung von Altertumsfunden. – Berlin : W. Spemann, 1898.
- [5] Waller, R., Michalski, S. Effective Preservation: From Reaction to Prediction. – Getty Conservation Institute, 2004. – P. 1-4.
- [6] Кун, Т. Структура научных революций. – Москва, 2009.
- [7] Там же. С. 63–207.
- [8] Беляева, И. М. Превентивная консервация как перспективное направление обеспечения сохранности фондов научных библиотек: дис. ... канд. пед. наук. – Санкт-Петербург, 2001.
- [9] Таловин, К. Д. К вопросу о перспективности использования превентивной консервации археологических музейных предметов из металла. – Текст : электронный // Журнал Института Наследия. – 2022. – № 3. – С. 47-53. – URL: <https://nasledie-journal.ru/ru/journals/740.html> (дата обращения: 02.03.2025).
- [10] Приказ Министерства культуры Российской Федерации от 23.07.2020 г. № 827. «Об утверждении Единых правил организации комплектования, учета, хранения и использования музейных предметов и музейных коллекций» (с изм. на 29 авг. 2024 г.). Ст. 11.5 // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов : [сайт]. – URL: <https://docs.cntd.ru/document/542672925> (дата обращения: 02.03.2025).

ON THE INTERPRETATION OF THE TERM “PREVENTIVE CONSERVATION”

Talovin Konstantin Dmitrievich,

Post-graduate student, Likhachev Russian Research Institute
for Cultural and Natural Heritage (Moscow)

Abstract. *The article examines the versatility of the concept "preventive conservation". A brief summary of the development and analysis of the current state of this area is provided. The author emphasizes the weak practical and theoretical development of preventive conservation methods, the lack of methodological literature in Russian. Based on the materials reviewed, ways to resolve the current situation in our country are given.*

Key words: *preventive conservation, preservation of historical and cultural heritage, artifact, microenvironment method, archaeological finds.*

© Таловин К.Д., текст, 2025
Статья поступила в редакцию 10.04.2025.

Ссылка на статью:

Таловин, К. Д. К вопросу о трактовке термина «превентивная консервация». – DOI 10.34685/HI.2025.58.53.020. – Текст : электронный // Культурологический журнал. – 2025. – № 2. – С. 102-106. – URL: http://cr-journal.ru/rus/journals/698.html&j_id=64.